

С.Гвоздев (А.К.Клепиков)

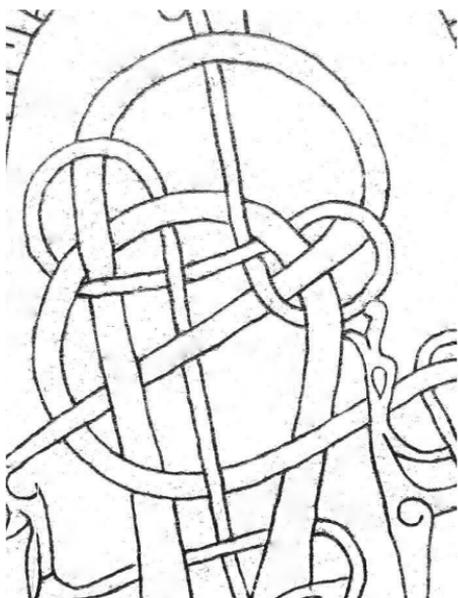
**Записки фабричного инспектора
(из наблюдений и практики в
период 1894-1908 гг.)**

материалы по истории позднеимперской России
том 19

издательство Упыря Лихого
2024

Наше издательство названо именем **Упыря Лихого** (Эпир Неробкий, Öpir Ofeigr), первого русского переписчика книг, имя которого мы знаем.

Соратник нормано-русских князей, священник, переписчик книг и рунорезец, Упырь Лихой своим примером напоминает нам о том, как важно без робости распространять знания и красоту среди варварства и тьмы.

орнамент на камне U-104 в Уппланде, созданном Упырем Лихим

С.Гвоздев

(Александр Константинович Клепиков)

Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.)

Издательство Упыря Лихого

2024

Настоящая книга повторяет издание 1911 года (Санкт-Петербург).

Орфография современная

Оглавление

Предисловие	1
Глава I. Моя предшествующая деятельность и первое знакомство с фабрикою	3
Глава II. Характеристика фабрикантов и заведующих.....	11
Глава III. Отношение владельцев к введению фабричного надзора	18
Глава IV. Отношение к надзору со стороны губернаторов и других чинов Министерства Внутренних Дел	26
Глава V. Внешние условия работы фабричного инспектора	35
Глава VI. Состав рабочих	39
Глава VII. На какие заведения распространяется закон о надзоре. Деятельность Главного Присутствия. Протоколы инспекторов.....	46
Глава VIII. Закон о работе малолетних.....	55
Глава IX. Меры к просвещению рабочих.....	64
Глава X. Работа женщин и подростков.....	69
Глава XI. Закон о продолжительности и распределении рабочего времени	74
Глава XII. Сверхурочные работы	88
Глава XIII. Заработная плата. Расценки. Простои. Сроки расплаты	96
Глава XIV. Правовое положение рабочего на фабрике. Договор найма. Правила распорядка.....	121
Глава XV. Взыскания с рабочих. Штрафные капиталы.....	143
Глава XVI. Харчевые лавки. Продовольствие рабочих.....	160
Глава XVII. Квартирный вопрос	174
Глава XVIII. Организация медицинской помощи ...	188
Глава XIX. Охрана жизни и здоровья рабочих	203

Глава XX. Несчастные случаи и вознаграждение по ним.....	219
Глава XXI. Забастовки	237
Глава XXII. Жалобы рабочих и посредническая деятельность инспектора.....	267
Глава XXIII. Ревизии. Надзор за паровыми котлами. Отчеты инспекторов.....	284
Глава XXIV. Профессиональные организации рабочих. Заключение.....	293

Предисловие

Несмотря на то, что русское общество за последние годы проявило значительный интерес к рабочему вопросу, я на основании своих личных встреч и наблюдений позволяю себе думать, что у русской широкой публики до сих пор существуют весьма смутные представления о фабрике и положении рабочих, о нашем фабричном законодательстве и его применении на практике, а тем более о положении и роли фабричного инспектора. Причина этого явления кроется прежде всего в крайней скудости нашей литературы по рабочему вопросу, особенно популярной. Кроме известной, но уже устаревшей книги Дементьева и очерков Ф. Павлова, для читателя, не занимающегося специально изучением положения рабочего вопроса в России, в общей литературе не найдется ни одного сочинения, которое дало бы ему необходимое знакомство с этим предметом. Имеющиеся компиляции в роде Пажитнова «Положение рабочего класса в России» составлены, по-видимому, наспех и не могут похвалиться должной объективностью.

Я очень далек от мысли заполнить существующий пробел и не беру на себя задачи представить полную картину того, что составляет предмет моих записок. Выступая с своими записками, я хотел бы открыть хотя краешек той завесы, которая скрывает внутреннюю жизнь фабрики от глаз непосвященного читателя. Вместе с тем мне хотелось бы познакомить читающую публику с деятельностью фабричного инспектора, физиономия которого остается почти неизвестной для общества, и не только с внешними проявлениями его деятельности, но отчасти и с его внутренними переживаниями.

Читатель, специально изучающий рабочий вопрос, быть может, найдет в моих записках кое какой небесполезный для него фактический материал.

При составлении записок я пользуюсь исключительно своими личными наблюдениями, не прибегая ни к каким литературным данным.

Я предвижу, что мои записки встретят недружелюбный прием и вызовут нарекания и обвинения с самых противоположных сторон. Как лица, близко стоящие к предпринимательской среде, так и русские социал-демократы одинаково могут упрекать меня в односторонности и пристрастии. Но это будет свидетельствовать только о моем полном беспристрастии. Если в моих выводах и обобщениях и могут встретиться какие либо ошибки, то исключительно благодаря недостаточности подлежавшего моему наблюдению материала, хотя наблюдения мои обнимают почти двадцатилетий период ближайшего общения с фабрикой.

Глава I. Моя предшествующая деятельность и первое знакомство с фабрикою

До поступления в фабричную инспекцию я около 4 лет работал в качестве химика и помощника колориста на одной из ситцевых фабрик подмосковного района, куда поступил прямо со школьной скамьи. Эта работа была для меня прекрасной и, я бы сказал, необходимой школой для моей последующей деятельности. Здесь я имел возможность подробно познакомиться со всем внутренним строем фабрики, с тем скрытым для постороннего наблюдателя взаимоотношением различных элементов, из которых складывается фабричная жизнь, и близко узнать нашего рабочего и его действительное положение на фабрике.

Такое предварительное и подробное ознакомление с фабрикой мне кажется чрезвычайно важным для деятельности фабричного инспектора, хотя с другой стороны я никоим образом не думаю считать лучшими кандидатами в инспектора лиц, долго работавших на фабрике, так как у большинства их, в особенности если они занимали ответственное положение, фабрика вырабатывает чрезвычайно нежелательную для фабричного инспектора односторонность взглядов, преимущественно враждебную рабочим. В общем, разумеется, всякий внимательный, вдумчивый и идейный человек, проработав известное время в должности инспектора, сумеет разобраться в сложных явлениях фабричной жизни и установить правильное отношение к своему делу. Как бы то ни было, предварительная работа на фабрике для меня была чрезвычайно полезна.

Мануфактура, в которой я работал, имела в том же селе большие прядильную и ткацкую фабрики. Число интеллигентных служащих было, однако, невелико, всего 5—6 человек, считая в том числе и фабричного врача; за то мы составляли дружную компанию, объединяемую механиком, человеком далеко недюжинного ума, выдающимся техником, идейным и интеллигентным человеком в полном смысле этого слова, сделавшимся впоследствии профессором в одном из политехникумов. В противоположность обычному типу фабричных

техников, не интересующихся ничем, кроме своей специальности и карт, как мне пришлось неоднократно убеждаться впоследствии, наш кружок живо интересовался как научными, так и общественными вопросами и короткие свободные часы мы всегда проводили в живых и интересных беседах, никогда не касаясь карт. С владельцами мы не сходились, хотя и были с ними в прекрасных внешних отношениях. Между тем все владельцы, — их было несколько братьев, — получили высшее образование; сравнивая их с теми многими десятками фабрикантов, с которыми мне приходилось иметь дело впоследствии, я нахожу, что они были бесспорно лучшими среди всех остальных; но тем не менее в каждом из них в той или иной степени было нечто специально владельческое, то, что, очевидно, не вытравляется никаким образованием, какая-то особая закваска.

С внешней стороны рабочие на фабриках были обставлены прекрасно: казармы для рабочих были много лучше тех, которые мне пришлось наблюдать потом в качестве инспектора; при мне была и выстроена отличная больница, обслуживаемая превосходным врачебным и фельдшерским персоналом (впоследствии врач приобрел известность в Москве, а фельдшерша получила степень врача); при фабрике имелось двухклассное училище; фабричная лавка при мне же была передана обществу потребителей; для рабочих устраивались чтения с туманными картинами; была открыта одним из владельцев библиотека для рабочих, тотчас же после того, как об устройстве библиотеки поднял вопрос наш кружок служащих; также охотно владельцы пошли на устройство сцены, как только одним из служащих было выражено желание устраивать спектакли для рабочих. Несомненно, что в осуществлении этих предприятий на пользу рабочих немалое значение имел подбор интеллигентных служащих, оказывавших известное давление на владельцев; особенно здесь заметна роль механика, который прямо отказывался, проектировать и строить плохие жилые помещения для рабочих, неудовлетворительную больницу и т. п. Дорожа им, как чрезвычайно полезным для себя работником, фабриканты соглашались на его проекты. Это обстоятельство,

— значение интеллигентных техников на фабриках в интересах рабочих, при условии обладания ими действительными знаниями, представляющими цену для фабрикантов, — я считаю необходимым особенно отметить и здесь же подчеркнуть, что такие лица, к сожалению, являются исключением.

Полную противоположность механику представлял мой принципал, колорист, не входивший в наш кружок. Это был иностранец, француз, полный невежда в своем деле, выписанный владельцами по какой-то рекомендации на очень крупное содержание. Не обладая никакими познаниями в химии и очень слабыми в колористике, довольствуясь лишь выписываемыми из-за границы рецептами, он вел свое дело, разумеется, из рук вон плохо. Вдобавок он почти не владел русским языком и мастера не могли его понимать. Со мной он объяснялся обыкновенно по-французски, когда же решался заговорить по-русски, то получались положительные курьезы — «Возьмит бесстыдница 100 грамм», — говорил он, разумея под словом «бесстыдница» — «приблизительно». Так «бесстыдница» он брался иной раз решать химические вопросы и, действительно, был совсем без стыда, назвавшись специалистом своего дела для того, чтобы переложить в свой карман несколько десятков тысяч рублей из кармана легковерных русских фабрикантов. Чтобы чем-нибудь понравиться владельцам, он всегда являлся на фабрику прежде рабочих и оставлял ее после последнего из них. Нечего и говорить, что он заискивал всеми способами не только перед самими владельцами, но и перед всеми семейными их. Но все его старания в этом направлении ни к чему не привели и этот, когда-то часто встречавшийся на русских фабриках, но теперь уже почти исчезнувший, тип иностранца-проходимца был уволен до окончания договора с уплатой, конечно, большой неустойки. !

Его сменил другой тип, наиболее распространенный на фабриках, тип техника, решительно ничем не интересующегося, кроме своего дела. От свистка до свистка он на фабрике, а остальное время спал или пил пиво; по праздникам он был мучеником, не зная, как убить все время на пиво и сон. На этот раз это был обрусевший чех с средним техническим образова-

нием. Но в таком же духе очень много и русских техников с высшим образованием, с той разницею, что место пива обыкновенно занимают водка и карты; ни одной книжки у них в доме не найдете. Прослужив на фабрике около 4 лет при том рабочем времени, которое тогда существовало, я стал способным понимать, как можно дойти до такого состояния. Если вы не обладаете феноменальным здоровьем и, работая на фабрике, не захотите отставать от жизни, будете интересоваться наукой, общественными вопросами или литературой, ваших сил хватит очень не на долго. Из нашей компании, проводившей время не по обычному шаблону фабричных служащих, интересовавшейся книгой и жизнью, четверо довольно быстро оставили фабрику, будучи не в состоянии совместить несовместимое, а двое оставшихся самым радикальным образом изменили свое поведение, приблизившись к обычному типу.

Ситцевая фабрика работала в то время 13 часов в сутки, с 5 ч. утра до 8 ч. вечера с обеденным перерывом в 2 часа. Я пользовался некоторой льготой, но во всяком случае к 6 ч. утра, уже должен был быть на фабрике. Я особенно живо помню длинные зимние ночи, когда, не очнувшись еще, как следует, от короткого сна, среди полного мрака по глубоким снежным сугробам я пробирался к фабрике, слабо мерцавшей огнями через замерзшие окна. В 8 часов в конторе был общий чай для служащих, конечно, пустой под председательством весьма своеобразной фигуры, имеющейся, впрочем, на каждой фабрике. Это, так сказать, «свой человек», лицо родственное и близкое к владельцу, когда-то, вероятно, потрудившийся немало, но в данное время уже не занимающий никакого определенного положения на фабрике. Роль такого «своего человека» заключается обыкновенно в том, что он, являясь на фабрику до свистка, наблюдает за тем, кто из служащих когда явился на работу, с тем, чтобы доносить потом хозяину. Долгие рабочие часы он дремлет где-нибудь в темном углу фабрики, прикладываясь от времени до времени к бутылочке, хранящейся в каком-нибудь заветном месте.

В 12 часов, со свистком, я уходил обедать и к свистку в 2 часа опять уже был на фабрике, потратив из этого времени

полчаса на дорогу; за тем оставался на фабрике до 8 часов вечера. Моя работа, сравнительно с работою рабочих, была легкая; правда, мне приходилось много бегать по фабрике и иногда по долгу оставаться в отделениях с очень высокой температурой, но все же я мог часть времени отдыхать в своей лаборатории, где атмосфера была приличной. И тем не менее я приходил домой после денной работы совсем разбитым. С каждым годом утомление и слабость стали чувствоваться все сильнее и сильнее, несмотря на то, что последние годы, с переменой квартиры, я уходил домой на утренний и вечерний чай, а также и с утра являлся на фабрику на полчаса позднее. Может быть, если бы я подражал примеру своего принципала и, приходя домой, тотчас же ложился спать, моих сил для фабричной работы хватило бы на большее время. Но я не мог забыть, что, кроме фабрики, существует другая жизнь, не мог забыть, что есть книги, и у меня на сон оставалось только 6—7 часов. В результате через 3½ года продолжать работу на фабрике мне стало не под силу. Теперь не только служащие, но и рабочие в большинстве случаев работают несколько меньшее число часов, по интенсивность работы при этом, несомненно, увеличилась, прочие же неблагоприятные условия фабричной работы остались прежние, так что я с полным правом на основании личного опыта могу сказать, что фабрика при существующем рабочем времени отнимает у человека все его силы и ничего не оставляет ему для личной жизни. Если уже образованные техники после нескольких лет службы на фабрике становятся, помимо своей фабричной работы, неспособными ни на что, кроме выпивки и карт, то что же мы можем требовать от простых рабочих, кроме фабрики, ничего в своей жизни и не видавших.

Мне придется еще много раз говорить о том, что представляет из себя наш рабочий; в качестве инспектора я имел возможность познакомиться с более разнообразными слоями и типами рабочих, но как при этом, так и при общении с рабочими во время работы на фабрике преобладающее впечатление дает глубокая темнота рабочих, чрезвычайная узость их горизонта, их полная некультурность.

Очень недалеко по своему развитию и общим знаниям отошли от простых рабочих и мастера, даже занимающие на фабрике видное положение, соединенное с хорошим окладом, но вышедшие из среды тех же рабочих. В них заметно даже полное отсутствие каких-либо стремлений к свету и знанию, чего нельзя отрицать у рабочих. Добившись своего, получая хорошее жалование, они все свои заботы кладут на накопление, не стараясь даже серьезно улучшить внешнюю обстановку своей жизни. Один из таких мастеров, получавший 150 руб. в месяц жалованья, за всю свою жизнь не бывал дальше ближайшего уездного города; он серьезно спрашивал меня, плавают ли по Волге корабли, и не имел понятия о том, что такое пароход. А Волга была от него в расстоянии 3 часов езды по железной дороге и проезд до нее стоил всего 1 рубль. Конечно, пьянство, самое свирепое праздничное пьянство, является неотъемлемой принадлежностью таких мастеров. К счастью, большинство мастеров, работавших со мною, вели себя по отношению к рабочим более или менее прилично; были только двое, которые позволяли себе ручную расправу, и то в редких случаях. Очень мало слышно было также про различные вымогательства с их стороны. Я называю это счастьем, потому что даже будучи фабричным инспектором, я про многие фабрики слышал, что там мастера занимаются рукоприкладством, а главное самым гнусным вымогательством в той или иной форме. Впрочем надо и то сказать, что к рабочим трудно было и придраться. Вопреки общераспространенному в известной среде мнению, что русский рабочий лодырь, я, наблюдая за рабочими во время их работы, всегда удивлялся их полной добросовестности: получая сравнительно ничтожный месячный оклад (от 9 до 11 руб.) при 13-часовом рабочем дне и незаинтересованные таким образом в успешности работы, они всегда без малейших понуканий исполняли свою подчас тяжелую работу. Я не думаю, чтобы рабочие старались проявлять особое и усердие на моих глазах, потому что я в сущности никакого начальства для них не представлял; не думаю также, чтобы эта фабрика по составу рабочих представляла счастливое исключение. Впоследствии, будучи уже инспектором, я

слыхал от некоторых более справедливых заведующих такие отзывы о рабочих: «У нас народ хороший, добросовестный и покладистый, из него хоть веревки вей». На нашей фабрике, на сколько по крайней мере я мог в то время судить, веревок вить из рабочих не пытались, но покладистостью их пользоваться не отказывались. Так, при 13-часовом рабочем дне иногда прибегали еще и к сверхурочным работам и рабочие, хотя и скрепя сердце, беспрекословно на них соглашались. Во всяком случае все шло в полной законной форме и за все время моей службы на фабрике ни разу не потребовалось вмешательство фабричного инспектора, и я ни разу за все 4 года не видал его на фабрике. Никогда я не слыхал даже на фабрике ни одного упоминания о фабричном инспекторе и я убежден, что громадное большинство рабочих совсем и не знало о существовании инспектора. Между тем это происходило в губернии, где все фабричное законодательство применялось в то время полностью и помощник фабричного инспектора жил в соседнем городе. Я нисколько не желаю этим умалять достоинства инспекторов первого призыва, я хочу лишь указать, что они при своей малочисленности фактически не имели никакой возможности серьезно влиять на фабричную жизнь.

Если на описываемой мною фабрике законы соблюдались, то не потому, что был надзор со стороны инспекции, а потому, что сами владельцы по своему развитию и своей добросовестности стояли много выше среднего уровня фабрикантов и был хороший подбор фабричной администрации.

В 1894 г. предпринята была реорганизация фабричной инспекции. Как известно, реформа в общих чертах состояла в том, что инспекция была подчинена Министерству финансов по департаменту торговли и мануфактур; вместо окружных фабричных инспекторов и их помощников установлены были должности старших инспекторов по одному на губернию и просто фабричных инспекторов; действие особых правил о взаимных отношениях между предпринимателями и рабочими было распространено на целый ряд губерний, в которых прежде применялись только законы о работе малолетних и о работе женщин и подростков; в этих губерниях вводились Присут-

ствия по фабричным делам в несколько видоизмененном против прежнего составе; на фабричных инспекторов, кроме надзора за исполнением фабричного законодательства, возлагались обязанности по испытанию паровых котлов и надзору за ними; вместе с тем упразднялись должности губернских механиков и устанавливался особый сбор с паровых котлов.

На новые должности открылось около 130 вакансий. Газеты сообщали, что желающих поступить в инспекцию было чуть не тысячи. Несмотря на такие сообщения, я решился однако попытаться и также подал прошение, почти не рассчитывая на успех.

Прошло более двух месяцев, я уже потерял всякую надежду, как вдруг в один памятный для меня день мне в лабораторию приносят громадный казенный пакет с надписью «фабричному инспектору N-ской губ., такому-то».

Через 2 недели, сдав дела своему заместителю, я ехал уже к месту своего назначения.

Глава II. Характеристика фабрикантов и заведующих

Губерния, в которую я был назначен инспектором, была соседнею с той, где я служил на фабрике. В поезде я встретился с знакомым комиссионером, хорошо знавшим все окружные фабрики.

— Ну, не поздравляю вас, — сказал он, узнав о месте моего назначения, — вам придется иметь дело с такими господами фабрикантами, которые так выражаются: «Ты молчи, когда со мной разговариваешь!»

И действительно, его характеристика в значительной степени оказалась верной. Из всех фабрикантов, с которыми мне пришлось иметь дело, резко выделяется лишь один, совершенно не похожий на других, своею исключительностью как бы подчеркивающий общее правило и вместе с тем доказывающий, что можно быть фабрикантом без обычных фабрикантских взглядов на вещи и что от этого дело не только не страдает, но напротив много выигрывает. Это был представитель одной из наиболее крупных мануфактур губернии. Основное его отличие от общей массы фабрикантов состояло в том, что он смотрел на служащих и рабочих не как на своих слуг и рабов, а как на работников одного общего дела, он не держался обычного взгляда — «нанялся — продался», не считал себя царем своей державы, а простым обыкновенным смертным. В просвещении он видел главный рычаг,двигающий промышленность. В то время, когда другие фабриканты боялись еще всякого просвещения, как чумы и заразы, он не только завел у себя на фабрике школы и библиотеки, но путем постройки школьных зданий и выдачи субсидий он добился того, что вокруг его фабрики при радиусе более 10 верст земствами двух уездов было открыто столько школ, что почти обеспечивалось всеобщее обучение. На фабрику неграмотных вновь он не принимал и таких насчитывались здесь единицы. Фабрика и все учреждения для рабочих были поставлены образцово, хотя ни в чем не было казовой стороны, как на некоторых других фабриках, где владельцы стараются бить на внешний эффект.

Кроме обычных при больших и благоустроенных фабриках учреждений до театра включительно, здесь, с изданием особых правил об учреждении при фабриках профессиональных курсов, возникли в очень широких размерах такие курсы для рабочих со множеством отделений для лиц различной подготовки, где преподавались преимущественно общеобразовательные предметы. Заработная плата на фабрике была значительно выше, чем на других соседних фабриках. И при всем том фабрика ежегодно приносила дивиденд, какого не давали другие фабрики, благодаря прекрасному качеству товара, заслужившего на рынке особую славу, и никогда, даже в самые плохие годы, не испытывала застоя в делах. Но что особенно отличало владельца от других фабрикантов, это его личные отношения к служащим и рабочим. Почти со всеми высшими служащими он был в чисто приятельских, товарищеских отношениях. Большинство фабрикантов говорит своим служащим, иногда даже и инженерам, «ты», требуя к себе самого почтительного отношения. Здесь владелец также многим говорил «ты», но только тем, которые и ему отвечали на «ты». При фабрике, между прочим, было общественное собрание служащих, где бывало не мало и старших рабочих. Владелец здесь не только не стеснял никого своим присутствием, как это было при подобных же условиях на другой фабрике моего участка, но напротив вносил с собою большое оживление.

Совершенно иное представляли из себя остальные фабриканты. При всем разнообразии их характеров, развитии и внешнего облика они объединяются общою, присущею им всем уверенностью, что они благодетели своих рабочих и служащих и потому те должны чувствовать к ним великое почтение и глубокую благодарность. В некоторых из них эта уверенность на столько велика и сообщает им такую развязность, что они громогласно и с великой гордостью заявляют о своих благодеяниях на многолюдных общественных собраниях, например на земских. Особенно в этом отношении отличался фабрикант N, к которому, как нельзя более, подходила характеристика моего знакомого комиссионера. Он считал себя не только великим благодетелем своей округи, но и самым

умным человеком не в губернии даже, а во всей России; при этом от природы он был оделен необыкновенно обширным голосом, а жизнь дала ему возможность выработать, — выражаясь деликатно — чрезвычайную бесцеремонность обращения, позволявшую ему при всяких словесных турнирах, до которых он был большим охотником, выходить победителем.

Об этом столпе, бывшем и земским гласным и членом разных комиссий, мне придется упоминать еще не раз.

Впрочем, г. N никогда не имел особого значения в обществе и даже некоторые из его сотоварищей-фабрикантов относились к нему иронически. Настоящим *persona grata* в одном из уездов моего участка был фабрикант X.

Он сравнительно редко бывал на фабрике, проводя большую часть времени в Москве и по разным курортам.

Зато его приезд составлял событие для всего уезда, как приезд какой-нибудь высокопоставленной особы.

— Слышали, на днях приезжает X.?

— Приехал, X. приехал! — говорили в городе,

И к X. ехали из города как бы на поклон разные чиновные и нечиновные лица во главе с исправником. Тут были и нотариус, и уездный врач, и судебный следователь, и городской голова, и даже предводитель дворянства. Разные расчеты и соображения влекли их туда и между прочим желание хорошо выпить и поесть: угостить X. любил и умел. Во время пребывания его на фабрике шампанское там лилось рекой, а карточные столы не закрывались. Случались, конечно, дни, когда гости разъезжались, и тогда с хозяином должны были играть в карты служащие. Это было для них своего рода повинностью и притом очень тяжелою. Игра затягивалась до 3 — 4 часов ночи; патрон на следующий день спал до 12 часов, а служащие в 5-6 часов утра должны уже были быть на работе, за чем строго наблюдалось. Отказываться же от карт ни под каким видом, было нельзя. Той же участи подвергался и фабричный врач, потревожить которого во время игры нельзя было ни в каком случае. Рассказывали, что однажды врача, когда он находился за карточным столом, потребовали к внезапно заболевшему ребенку одного служащего. За врачом приходили

2 раза, явился наконец сам отец умирающего ребенка; об этом, вследствие строгого запрещения Х. врачу даже не доложили, и ребенок умер.

Разумеется, в доме Х. останавливались во время своих поездок по губернии губернаторы и другие высшие власти до министров включительно. В дела фабрики Х. не вникал, доверяясь своим управляющим и в упоении своего величия думал, что у него все поставлено идеально и иначе не может быть. Заведующие и директора разуверять его в этом не решались. И когда однажды новый помощник директора на торжественном приеме у Х. на вопрос его, как ему понравилась фабрика, ответил, что прядельная недурна, а ткацкая никуда не годится, то Х. так был ошеломлен подобной дерзостью, что не нашел никаких слов для возражения, но больше уже не приглашал дерзкого служащего к себе в дом и ни с какими вопросами к нему не обращался. Неизвестно, какие последствия имела бы для молодого человека его откровенность, если бы он сам вскоре после того не оставил места.

Я не имею в виду давать подробную характеристику всех фабрикантов в отдельности, но не могу удержаться, чтобы не остановиться еще на одном представителе их, пользовавшимся известным авторитетом среди своих коллег. Это был уже пожилой человек, бесспорно весьма неглупый и довольно начитанный, разумеется, крайне односторонне, хотя и не получивший никакого образования. Главное несчастье его заключалось в том, что он считал себя истинно-русским талантом-самородком. Рассказывают, что это грех И.С.Аксакова, который, усмотрев в нем оригинальный русский ум, постарался «вывести его в люди». Как бы то не было, фабрикант Z. сделался довольно близким к высшим сферам и другом Каткова, в «Московских Ведомостях» которого он даже сотрудничал. Правда, статьи его со стороны слога отделялись более осведомленными по этой части людьми, его же были только мысль и основной тон, но все же он слыл в своей среде литератором. Более, чем кто-нибудь другой из фабрикантов, он стоял за патриархальные отношения между владельцами и рабочими и был самым непримиримым принципиальным

противником института фабричных инспекторов. Как он понимал «патриархальность», мы увидим ниже.

К общей характеристике фабрикантов следует еще добавить, что большинство их обладало удивительной мелочностью, скупостью, почти граничащею со скаредностью, главным образом, конечно, в том, что не касалось лично их самих; вместе с тем они иногда проявляли полное невнимание к таким дефектам в деле, которые приносили им громадные убытки. Например, один очень богатый фабрикант, в сущности очень мало вникающий в дела фабрики, пишет своему директору десятки писем с упреками по поводу того, что тот распорядился назначить одному заболевшему рабочему пособие от конторы в размере 3-х рублей в месяц. Мамаша того же фабриканта, вмешивающаяся в дела фабрики, отказывает врачу в выдаче свежих яиц для фабричной больницы, присылая из своего богатого хозяйства старые испортившиеся яйца. Наиболее же богатый из всех фабрикантов, состоящий в десятках миллионов, сделался прямо синонимом скупости. Разъезжая много по своим делам, и по железным дорогам, и на пароходах, он всегда рассчитывал поесть за счет своих многочисленных знакомых, сам же в буфетах никогда не спрашивал, а провизию возил с собою в платочке, где у него находилась булка, вобла или печеные яйца.

Почти все крупные фабриканты уезда находились между собою в тех или иных родственных отношениях, по между ними не только не было никакого родственного согласия, но напротив, были постоянные нелады. Это отсутствие солидарности между фабрикантами во многих случаях было выгодно для рабочих, по иногда сопровождалось ущербом как для рабочих, так и для самих владельцев. Так, несколько фабрик, расположенных рядом, никак не могли согласиться выстроить общую больницу для рабочих; каждая фабрика строила отдельную больницу, что стоило дороже для фабрикантов и не могло представить таких удобства для рабочих, какие они могли бы найти в общей широко поставленной больнице. Одно село, где находилось три крупных фабрики ближайших родственников, не имело никакого подъездного пути к железнодо-

рожной станции и многие десятки тысяч пудов груза перевозились по дороге, которая в буквальном смысле была непроезжей большую часть года: шоссе не могло быть устроено только потому, что родственники никак не могли столкнуться друг с другом.

Таковы в общих чертах, были крупные фабриканты, с которыми мне пришлось иметь дело. Что же касается мелких заводчиков, — а среди таких в моем участке было несколько десятков, занимавшихся в 2-х смежных волостях одним и тем же производством, — то это просто были типичные деревенские кулаки *pur sang*, обладавшие при том по большей части удивительным нахальством. Более интеллигентные, более культурные из числа владельцев, такие, с которыми можно было разговаривать на обыкновенном человеческом языке, представлялись во всяком случае единицами.

Каковы были владельцы, таковы в зависимости от того и заведующие. Когда я приехал в N-скую губернию, в моем участке было около 100 промышленных заведений, в том числе 7 с числом рабочих более 1000. Общее число рабочих было слишком 20000. Лиц с высшим образованием в числе фабричных служащих было всего лишь 7 человек на 4-х фабриках; на всех остальных фабриках заведующими состояли лица почти без всякого образования, большею частью выслужившиеся на фабрике с мальчиков. По своему культурному развитию мало чем отличаясь от простых рабочих, эти лица, достигши высшей ступени фабричной иерархии, частью благодаря своим действительным способностям, частью же умением угождать хозяину, обыкновенно бывают преисполнены сознанием своего достоинства и совершенно презрительно относятся к рабочим. Я видал таких заведующих этой категории, которым доставляет истинное удовольствие проделывать самое гнусное издевательство над рабочими. Примеры этого мне придется еще приводить. Зато своему хозяину такие заведующие бывают преданы всей душой и в заботах об охране его интересов прибегают к самым грошовым расчетам, мелочным и низким приемам, стараясь, где можно, прижать рабочего, обойти закон и принаудуть органы надзора, в сущности тем самым причиняя

лишь ущерб владельцу. Но такое рвение ценится такими же мелочными и недалекими хозяевами. Впрочем, очень многие из заведующих являются просто подставными лицами. Всеми делами на фабрике распоряжается сам хозяин, а как ответственное лицо выставляет кого-нибудь из своих конторщиков, который в действительности не имеет права решительно ничем распорядиться на фабрике и все назначение которого состоит в том, чтобы принимать на себя все ошибки и нарушения, допущенные владельцем, фигурировать на суде и в случае надобности отсиживать. Это подчас самые жалкие и несчастные люди, зарабатывающие свои несчастные 50—75 рублей ценою всевозможных унижений. Всего лучше положение заведующих на фабриках, принадлежащих акционерным товариществам, в тех случаях, когда правление не живет при фабрике. Здесь заведующие, — обычно инженеры, — действительно обладают всеми правами и здесь как положение рабочих, так и все дело обстоит лучше, чем на других фабриках, если, конечно, не считать описанную мною в начале главы мануфактуру.

В такой обстановке мне пришлось начать свою деятельность.

Глава III. Отношение владельцев к введению фабричного надзора

Можно себе представить, с каким чувством встретили фабриканты введение фабричной инспекции. Они, благодетели своих рабочих, вдруг подчиняются какому-то особому надзору! В их семейные дела, — а фабрика, по их мнению, есть ни что иное, как их семейное дело, — вдруг вмешиваются посторонние лица! Им, встречавшим до сих пор отовсюду лишь почет и уважение, вдруг смеют делать разъяснение и указание! Еще прежде, чем инспектора приступили к своей работе, т. е. к фактическому надзору, в период ознакомления владельцев с требованиями закона, фабриканты встали во враждебное отношение к инспекции.

— Как, никакого надзора нет за лавочниками, за кабатчиком никто не наблюдает, а за мной установили особый надзор! Что, я мошенничеством что ли занимаюсь?! — восклицал фабрикант Z. и свое неудовольствие законом переносил на личности инспекторов. Он начал тотчас же бурную кампанию против инспекции: появились статьи в «Московских Ведомостях»; выпущена была целая книжка, в которой доказывалось, что фабричная инспекция разорит русскую промышленность. Полетели, конечно, доносы в Петербург к Сергею Юльевичу. Очевидно, мало надеясь все же на поддержку Сергея Юльевича, хотя и своего личного знакомого, г. Z. не переставал угрожать жалобами к другому своему другу, Победоносцеву.

У меня лично на первых порах моей деятельности было следующее столкновение с Z. Получаю я от рабочих его фабрики жалобу на то, что на фабрике бывает много простоев, за которые им ничего не платится. Для читателя, мало знакомого с фабрикою, считаю нужным здесь же пояснить, что такое простои. На ткацких, прядильных и некоторых других фабриках рабочие получают сдельную плату по количеству выработанного ими товара; работать они должны определенное время, согласно правилам внутреннего распорядка. Ясно, что, если часть времени станки будут стоять, если фабрикант не будет давать рабочим материала для работы в течение всех указан-

ных часов или станки будут поломаны, так что работать на них будет нельзя, заработок рабочего будет ниже нормального, того, который он должен иметь, работая все определенные правилами распорядка часы. Отсутствие работы для сдельных рабочих в те часы, когда они должны находиться в фабрике, и называется простоем. Из смысла договорных условий вытекает, что фабрикант обязан вознаграждать рабочих за убытки, происходящие от недоработок вследствие простоев. На этой чрезвычайно важной стороне фабричной жизни мне придется еще останавливаться. Итак, рабочие пожаловались, что им за простои не платят. Когда я приехал на фабрику, письменная жалоба была подтверждена заявлением многочисленных рабочих, собравшихся около фабрики. Владелец и заведующий фабрикою не стали отрицать существование простоев, значительно лишь уменьшая их размеры сравнительно с показаниями ткачей.

— Простои были два последние месяца и мы за них не платили, — говорит Z, — но рабочие должны же нам сделать снисхождение; мы тоже оказываем снисхождение: мы их мало штрафуем; а когда они просили меня заплатить за простой, я им выдал 20 рублей на водку и они были довольны.

Чтобы понять всю соль этого объяснения, не нужно забывать, что штрафы, налагаемые на рабочих, идут не в пользу фабриканта, а в особый капитал, предназначенный для выдачи пособий рабочим же. Следовательно, г. Z, «благодетельствуя» рабочих за их же счет, полагал, что они в свою очередь должны отказаться от того, что им принадлежит по праву. Хороша также выдача «на водку» со стороны человека, который не перестает жаловаться на пьянство рабочих.

— Вот что, Иван Иванович! — сказал я, — Вы большой сторонник патриархальных отношений, поступите же по патриархальному: Вы сознаете, что рабочие понесли ущерб, подсчитать точно размер ущерба сейчас уже нельзя, теперь рабочие работают последний месяц перед Пасхой, прибавьте им известный процент к заработку за этот месяц и все кончится к общему благополучию.

Вероятно, моя речь понравилась Z и он начал торговаться с рабочими. Наконец пришли к известному соглашению и об этом было вывешено объявление за подписью владельца. Когда дело было покончено, заведующий, — тип выслужившегося из мальчишек преданного слуги своего хозяина, — успел подсчитать, во что обходится объявленная прибавка. Z, узнав, что патриархальные отношения на этот раз обошлись ему около 1000 рублей, сразу переменял тон. Пока я делал запись в ревизионной книге, Z не переставал разносить фабричную инспекцию и даже все министерство финансов.

— Разводят они только социализм, погубят всю русскую промышленность! — почти кричал он и обещал непременно жаловаться Победоносцеву.

Нужно однако заметить, что через несколько лет, после того, как инспекция не помешала ему втрое расширить свою фабрику, Z сильно изменил свои взгляды как на инспекцию, так и на «Московские Ведомости» и Победоносцева, сделался даже конституционалистом и мы с ним часто мирно беседовали.

Всего труднее фабрикантам было примириться с правилами о штрафных взысканиях с рабочих. Они долго не могли переварить того, что штрафы должны поступать не в их пользу.

— А если рабочий поломает машину, и тогда штраф не в нашу пользу поступает? — спрашивали они.

— Да! убытки Вы можете взыскивать с рабочего судом, а штраф, наложенный на него за небрежное обращение с машиной, должен поступить в штрафной капитал.

— И если он мне вместо хорошего товара наработает брак, то же самое?

— То же самое!

— Как же так?! — Фабриканты недоумевали, как мог появиться такой, по их мнению, абсурдный закон.

Нужно было подробно объяснять им, чем руководствовался Государственный Совет при обсуждении этого закона, и указывать, что в предварительном рассмотрении этого вопроса

принимали участие представители промышленности, единогласно высказавшиеся за осуществление закона в этой форме.

При подчинении надзору фабричной инспекции мелких промышленных заведений мне пришлось однажды встретиться с форменным сопротивлением. Дело происходило в одной из двух волостей, о которых я уже упоминал. Расположенные в этих волостях заводы до самого последнего времени были неведомы никаким властям и не несли никаких налогов. Лишь за год — за два до введения в N-ской губернии фабричной инспекции эта заводы были открыты податным инспектором, который и привлек их к обложению. Эксплуатация рабочих на этих заводах была невероятная. Кулаки-владельцы относились к своим рабочим, как к совершенно кабальным людям. Естественно, что они употребляли все усилия, чтобы сохранить за собою право на прежнее существование, не пренебрегая для этого никакими средствами. Обыкновенно, заслыша ямской колокольчик и предполагая, что это едет какое-нибудь начальство, владельцы просто на просто выгоняют всех рабочих из завода, завод запирают и сами скрываются. Поэтому разъезжать по этим заводам приходилось с разными предосторожностями и прежде всего с подвязанным колокольчиком.

Обстоятельства оказанного мне сопротивления таковы. Приезжаю я на завод, осматриваю расчетную книгу и из нее убеждаюсь, что с рабочими расплачиваются вместо денег харчами. Я делаю соответствующие разъяснения и предлагаю владельцу дать подписку в исполнении требований закона. Владелец от подписки категорически и в грубой форме отказывается. Мне оставалось только составить протокол о замеченном нарушении, но без полицейского чина, без свидетелей, при вызывающем поведении владельца сделать это было невозможно. Я еду в ближайшее волостное правление, беру там урядника и с ним возвращаюсь на завод. На этот раз владелец в контору нас уже не пускает и заявляет, что никаких книг у него нет. Об отказе его предъявить книги нужно было составить протокол. Для этой цели владелец допускает пас наконец в кухню, куда направляются и приглашенные урядником поня-

тые, местные крестьяне. В кухне на столе я вдруг вижу ту расчетную книгу, которую рассматривал часом раньше.

— Как же Вы утверждаете, что у Вас нет никаких книг? вот эта книга! — говорю я и беру книгу.

Владелец быстро выхватывает силою книгу у меня из руки и передает ее какой-то женщине, которая моментально скрывается. Потрясенный всей этой сценой, я начинаю составлять протокол. Владелец с самым вызывающим видом не перестает ругаться. Когда дошло дело до подписи понятых, владелец кричит на них:

— Не смей подписывать!

Я и урядник разъясняем свидетелям, что они должны подписать, что своею подписью они лишь удостоверяют факт, который произошел на их глазах.

— А я говорю: не смей подписывать! — кричит владелец.

Бедные мужички долго не знают, на что решиться; наконец крестятся и подписывают.

Дело рассматривалось в Судебной палате и владелец был приговорен к тюремному заключению на один месяц.

Случай этот произвел сильное впечатление на других владельцев и они стали держать себя много скромнее; но все же еще долго после того я не решался ездить по этим волостям один, без урядника или волостного начальства: в общем на этих заводах обстановка была такова, что всегда можно было ожидать какогонибудь насилия.

Читатель однако ошибся бы, если бы подумал, что преобладающим отношением к инспекторам со стороны владельцев, при введении инспекции, была явно выраженная враждебность. Напротив, большинство фабрикантов проявляло необыкновенную любезность и старалось сделать из инспектора своего человека подобно тому, как у них были свои становые, свои исправники и т. п. К задабриванию путем взяток крупные фабриканты, конечно, не решались прибегать, со стороны же некоторых мелких владельцев такие попытки были. Встречая резкий отпор, предлагавшие в самых униженных выражениях просили прощения и всегда оправдывались тем, что вся жизнь

приучила их к тому и что они не видали чиновников, не берущих взятку. Крупные фабриканты свою любезность проявляли в приглашении в дом, в предложении ночлега, лошадей для развозов и т. и. От посещений домов я старался по возможности уклоняться под разными благовидными предложениями, помещением же для ночлега в тех случаях, когда эти помещения не приспособлены специально для приезжающих, и лошадьми я пользовался лишь в крайних случаях, когда иначе нельзя было обойтись, находя, что пользование хозяйским помещением и лошадьми может быть превратно истолковано рабочими. Не смотря на всю мою щепетильность в этом отношении, мне все же не удалось оградить себя от нареканий со стороны рабочих, до такой степени в последних вкоренилась уверенность, что все чиновники так или иначе подкуплены хозяевами. С другой стороны, отказ выпить в доме хозяина стакан чая принимался фабрикантами чуть ли не за личное оскорбление. Помню такой случай. После первого посещения одной фабрики, сын владельца приглашает меня в дом на стакан чая. Я благодарю и отказываюсь на том основании, что спешу к поезду. Но сын настаивает.

— Вас папаша очень просить, он нездоров, сам из дома не выходит... У нас папаша человек заслуженный, имеет орден и две медали. У нас в доме даже архиерей и губернатор бывали! Очень Вас просим!

Но ни архиереем, ни губернатором соблазнить меня не удалось и и, благодаря за честь, поехал дальше и нажил себе врага в лице заслуженного папаша.

Моя щепетильность в пользовании лицемерными любезностями фабрикантов была квалифицирована последними, как «третирование» их. Этот термин мне пришлось впоследствии слышать из официальных уст с присоединением к нему термина «фамиллярничанье»; это уже относилось к рабочим, так называлось мое человеческое обращение с ними. Между тем у меня, разумеется, не было ни малейшего намерения подчеркивать свое отношение к фабрикантам, напротив, я употреблял все силы, чтобы установить с ними хорошие отношения, поскольку это было возможно, не подлаживаясь под их вкусы

и сохраняя вполне свою независимость. Установление, таких «добрых отношений» и создание себе нравственного авторитета было безусловно необходимо в интересах самого дела, и мне кажется, что уже очень скоро, как только у фабрикантов прошло первое чувство обиды от назначения особого фабричного надзора, это было достигнуто. «Нравственный авторитет» — это, по-видимому, избитое выражение и вполне общее место, но тем не менее за этими словами скрывается понятие, имеющее существенное значение. И прав был С.Ю.Витте, когда зывал к нравственному авторитету инспекторов. В своем обращении к чинам фабричной инспекции при введении закона 14 марта 1894 г., разъясняя им «нравственное содержание их обязанностей», С.Ю.Витте возлагал все свои надежды на нравственный авторитет инспектора, предлагая прибегать не к применению кар за нарушение закона, а к разумным советам и толковым указаниям, и в одинаковой мере заботиться как об интересах рабочих, так и об интересах фабрикантов. («Чинам фабричной инспекции» 11 июня 1894 г.). Какими намерениями руководствовался г. Министр, выступая с своим обращением к инспекторам, и понимал ли он заключающуюся в его словах иронию над несовершенством закона, я не знаю, но факт тот, что все наше фабричное законодательство, явившееся продуктом забот о поддержании порядка, и вся совокупность социально-политических условий русской жизни таковы, что центр тяжести в деятельности фабричного инспектора, как защитника интересов рабочих, за бессилием в этом отношении закона, переносится на его личность, на его добрую волю и умение, на его «нравственный авторитет».

Критики деятельности фабричных инспекторов часто обвиняют инспекцию в потворстве фабрикантам, основываясь главным образом на недостаточном количестве протоколов, составляемых инспекторами. Такой взгляд есть лишь плод недостаточного понимания настоящего положения вещей. Мои записки должны между прочим дать ответ на то, какая цена может быть составляемым инспекторами протоколам и насколько они являются надежным средством в борьбе за улучшение положения рабочих. Здесь же я только отмечу, что

с моей точки зрения, проверенной 14-летней практикой, при всех тех условиях, при которых мне приходилось действовать, поставить себя в явно враждебное отношение к владельцам, — а составление протоколов, что называется, с плеча, при всяком случае неминуемо ведет к этому, — значит лишить себя возможности сделать и то небольшое в интересах рабочих, что, при существующем законодательстве, может сделать инспектор, оставаясь в «добрых отношениях» с фабрикантами. Это будет вполне понятно читателю только тогда, когда он подробнее познакомится со всеми сторонами фабричной жизни, с нашим фабричным законодательством и со всею деятельностью инспектора.

Глава IV. Отношение к надзору со стороны губернаторов и других чинов Министерства Внутренних Дел

Если в жизни каждого обывателя громадное значение имеет личный состав окружающих его полицейских чинов, то в деятельности фабричного инспектора значение личного состава полиции чрезвычайно. Помимо общего направления политики Министерства Внутренних Дел, все местные чины его, с которыми приходится сталкиваться в своей деятельности инспектору, начиная с губернатора и кончая урядником, своими личными качествами самым чувствительным образом отражаются на инспекторской деятельности. Преобладающее влияние, конечно, губернатора. Даже в то время, когда никакого подчинения инспекции губернаторам не было, можно сказать, от личности губернатора зависело, в какой мере могла проявляться деятельность инспекции в губернии. Кроме общего влияния на дела губернатора, как хозяина губернии, он всегда имел полную возможность проявлять свое «я» в делах инспекции в качестве председателя фабричного присутствия.

При введении фабричной инспекции в N-ской губернии губернатором там был некто S., человек весьма оригинальный. До своих уже довольно преклонных лет он дожил холостяком и был ярым ненавистником женщин. Об этом его свойстве в губернии ходило немало анекдотов. Но он был также ненавистником и всякого проявления жизни. При его суровом правлении всякая жизнь в губернском городе замерла; обыватели боялись даже танцевать. По своим убеждениям S. был чистокровным крепостником, а по способу правления полным «законником», по законность его была очень своеобразна: всякое свое действие он основывал на законе, но всегда умел дать такое толкование закону, которое соответствовало его взглядам и желаниям. Вероятно, он имел какое-нибудь законное основание и к тому, чтобы подавать руку чиновникам только до 6-го класса включительно: при представлениях ему чиновников он демонстративно закладывал руку за спину, когда среди чиновников 6-го и выше классов попадался состоящий только в 7 классе.

Как крепостник, S. был, разумеется, поклонником патриархальных отношений; естественно поэтому, что он не мог отнестись дружелюбно к введению инспекции в его губернии. Уверяют, что он даже ходатайствовал перед высшею властью о том, чтобы в N-ской губернии инспекции не вводили. Но так как его ходатайство удовлетворено не было и инспекцию все же ввели, то он стал принимать все «законные» меры, чтобы по возможности сократить ее действие. При первом же моем представлении ему, он совершенно определенно говорил о том, что не следует прибегать к строгостям и составлять протоколы, высказываясь о фабрикантах, как о благодетелях рабочих. Всего более он влиял, конечно, через фабричное присутствие, которое было вполне послушным орудием в его руках. На его счастье старшим инспектором был назначен некто А., человек с самыми лучшими намерениями, но всю жизнь работавший или на фабриках, или в земстве и не имевший ни малейшего понятия о чиновничьей службе. Он настолько был наивен в этой области, что не знал даже, как надевается шпага, и отправляясь в первый раз на парад, надел шпагу сверх мундира. «Законнику» S., состарившемуся на канцелярском крючкотворстве, было поэтому очень легко бороться со старшим инспектором. А борьба началась с первого же дня. Очень быстро S. всю канцелярию по присутствию забрал в свои руки и даже сам писал протоколы заседаний. Самые заседания он назначал чрезвычайно редко, между тем как на первых порах деятельности инспекции была существенная и спешная необходимость в деятельности присутствия, которое должно было издать массу постановлений, утвердить формы различных книг и пр. Отсутствие многих постановлений страшно тормозило работу инспекторов и оставляло в течение долгого времени совершенно незатронутыми некоторые стороны жизни фабрик. Так, почти 3 года у нас не было обязательных постановлений об охране жизни и здоровья рабочих и деятельность инспекторов в этой области была парализована. На заседаниях присутствия всегда принимались только такие решения, которые были угодны губернатору, так как все члены присутствия, за исключением старшего инспектора, считались только с жела-

ниями начальника губернии; не было в присутствия рассмотрено ни одного вопроса, по которому старшему инспектору ни пришлось бы подавать особого мнения. Почти все протоколы, составленные инспекторами, в присутствии проваливались или же по ним налагались самые минимальные взыскания, что, конечно, отбивало охоту у инспекторов прибегать к протоколам. А. превратился в присутствии, таким образом, просто в какую-то пешку. Наконец дело дошло до того, что его положение стало совершенно невозможным. S. прибегал к такому способу: составив журнал заседания, он подписывал его сам и затем рассылал для подписи сначала всем другим членам присутствия и уже в самом конце присылал к старшему инспектору. В журнале он помещал то, что хотелось ему, независимо от того, соответствует это действительности или нет. Так, он переделывал по своему мысли, высказанные в присутствии старшим инспектором, извращая при этом весь смысл и всю суть дела, так что, когда журнал доходил наконец до А., последнему нужно было или заявить, что все подписавшие журнал лгут, или же самому подписываться в том, что выставляло его в самом нелепом виде. Например, присутствие рассматривало протокол, составленный на одном из заводов самим А. Дело касалось вопиющих злоупотреблений, что мне хорошо известно, так как ревизия производилась старшим инспектором совместно со мною и я участвовал в составлении протокола. На заседании присутствия губернатор взял заводчика под свою защиту и присутствие его оправдало, несмотря на все возражения А. Когда губернатор составил журнал заседания и прислал его уже подписанным всеми остальными членами присутствия А., тот увидел, что ему приписаны такие слова и выражения, которые клонились исключительно к оправданию заводчика и, высказывая которые, он как бы признавал, что протокол составлен был им в состоянии полной невменяемости. Выносить это было, конечно, невозможно А. обращался за поддержкой к своему начальству, в Департамент торговли и мануфактур, по поддержки ему оттуда не дали и он вынужден был оставить службу.

Я не знаю, придется ли мне останавливаться еще на деятельности Присутствий, а потому я здесь же расскажу об единственном случае моего личного участия в заседании Присутствия во времена правления S. В присутствие поступил мой протокол, составленный о многочисленных нарушениях, во, числе которых было такое серьезное, как расплата с рабочими вместо денег товарами. Рассматривая протокол в заседании Присутствия, губернатор не решился покарать владельца, хотя проступки его были вполне доказаны, и предложил отложить дело с тем, чтобы пригласить владельца в Присутствие для дачи объяснений. Предложение это было принято.

Справедливо усматривая в таком оригинальном способе рассмотрения дел в административном учреждении желание оправдать заводчика, старший инспектор добился лишь того, что одновременно с обвиняемым решено было пригласить и меня. Однако это не был состязательный процесс. Заводчика и меня Присутствие опрашивало отдельно; пока давал свои объяснения заводчик, я находился в другой комнате и роль моя далеко не походила на роль обвинителя. Скорее можно было думать, что я являюсь обвиняемым в том, что составил протокол: в таком виде и в таком тоне ставились вопросы председателем. Нельзя сказать, чтобы такая обстановка содействовала поднятию престижа инспектора в глазах промышленников. Следует, впрочем, отметить, что в данном случае Присутствие все же признало владельца виновным и наложило на него штраф, так что нравственный — опять только нравственный — авторитет инспектора не пострадал.

В том же заседании Присутствия рассматривался еще вопрос, касающийся непосредственно моего участка; по просьбе старшего инспектора мне разрешено было присутствовать при обсуждении этого вопроса для того, чтобы я мог дать свои объяснения. Владельцы находящихся в моем участке заводов, вырабатывающих валеную обувь, подали в Присутствие прошение об освобождении их от надзора фабричной инспекции. Это те кулаки, невероятно эксплуатирующие рабочих, о которых я уже упоминал. Мотивируя свою просьбу, они привели совершенно неверные, прямо вздорные данные о

своих заводах. Мною был уже представлен в Присутствие письменный отзыв на это прошение. Но, очевидно, губернатору так хотелось удовлетворить просьбу заводчиков и тем сузить деятельность инспекции, что он совершенно не считал нужным считаться с моим отзывом; последний даже не был доложен Присутствию и обсуждение вопроса началось с того, что председатель прямо заявил, что, конечно, эти заводчики не должны подлежать надзору инспекции. При этом он начал рассказывать, что он знает, как работается валеная обувь; что этим занимаются шерстобиты, которые с лучками в руках переходят из деревни в деревню и валяют сапоги из шерсти, заготавливаемой крестьянами от своих овец; таких промышленников, разумеется, нельзя привлекать к надзору инспекции. Аргументы в пользу удовлетворения просьбы заводчиков были бы убедительны не только для Присутствия данного состава.

— Позвольте теперь, Ваше Превосходительство, — удаётся вставить наконец старшему инспектору, — инспектору Г. рассказать, какие заводы в его участке.

Скрепа сердце, Его Превосходительство разрешает, и я докладываю Присутствию, что на заводах работают по несколько десятков рабочих, что на них имеются керосиновые, нефтяные и даже паровые двигатели, что товара вырабатывается на много сотен тысяч рублей и т. д. Председатель, а за ним и часть наиболее послушных членов Присутствия все же стоят за удовлетворение просьбы заводчиков и только большинством одного голоса ходатайство их отклоняется.

Все это больше похоже на анекдот, но тем не менее это факт. Победа на этот раз осталась таким образом на стороне инспекции, но из этого единственного заседания Присутствия, на котором мне пришлось быть, я вынес совершенно удручающее впечатление. Особенно тяжело было видеть, как положительно третируется старший инспектор, которому председатель едва давал вставить свое слово. Между тем сам А. говорил мне, что на этом заседании он чувствовал себя так хорошо, как никогда, что на этот раз он имел еще поддержку в лице товарища прокурора и что мое присутствие прибавляло ему бодрости, а председателя оно, видимо, несколько стесняло.

Отношение губернатора S. к инспекции не могло, разумеется, встречать одобрения со стороны Министерства Финансов, но последнее уже и в то время было проникнуто таким чувством почтения и страха перед М.В.Д., что не решалось даже предпринимать сколько-нибудь серьезных попыток к тому, чтобы защищать свой институт от враждебных нападений на него чересчур рьяных чинов всесильного ведомства. Правда, к нам в губернию приезжал вице-директор департамента с целью уладить «недоразумения», возникшие между губернатором и старшим инспектором, но из таких дипломатических шагов, ничего не вышло и, как я уже говорил, и А. пришлось оставить службу, благодаря «неумению ладить» с губернатором. На его место был назначен человек, которого Департамент считал обладающим особенными дипломатическими способностями, и ему была дана специальная миссия установить надлежащие отношения между инспекцией и губернатором. Не знаю, как бы удалось ему достигнуть этого, если бы S. в скором времени не оставил неожиданно своего поста, не только в губернии, но и на земле.

Новый губернатор являлся во многих отношениях полной противоположностью S.: насколько тот был сухим и мертвящим, настолько этот пылал жизнью. S. обладал твердыми принципами, у нового L. был только один принцип: быстрота и натиск. Не берусь судить, насколько сведущ был он в других областях управления, но в делах инспекции, в сложной жизни фабрики и в фабричных законах он решительно ничего не понимал и не проявлял ни малейшего желания разобраться в этих вопросах. Будучи человеком чрезвычайно легким во всем, он вполне положился на старшего инспектора, т. е. сделал единственно разумное, что мог, только в редких случаях, действуя как бы по какому-то наитию, пытался показать, что и здесь главным хозяином в губернии является он. В общем он старался быть хозяином ласковым и обходительным. Очевидно, в этих целях он не только вошел в общество губернского города, но также весьма часто навещал всех крупных фабрикантов губернии. Шампанское в это время лилось у фабрикантов рекой. При первом объезде губернатором фабрик я должен

был сопровождать его, и тут я был свидетелем сцены, почти буквально воспроизводящей 3-е действие бессмертной комедии Гоголя. Разница заключалась только в том, что у окружающих особу фабрикантов было меньше страха, чем у гоголевских чиновников, да, пожалуй, степень опьянения особы была несколько больше, чем у Хлестакова.

— Я, господа, ведь, тоже фабрикант! - говорил заплетающимся языком L., развалившись на мягком кресле в гостиной фабриканта X. после роскошного обеда и не переставая нить подливаемое гостеприимным хозяином шампанское. — Да-а-а!.. у меня в имения свои заводы... и у меня великолепию все устроено!.. У меня есть своя больница!.. Вы, господа, выражаете желание, чтобы я подольше у вас остался... Нет, благодарю покорно! Через 2 года я раз считаю быть по крайней мере товарищем министра!.. Господа! Когда будете в N, пожалуйста ко мне без церемонии!.. Прошу, прошу...

Справедливость требует, однако, сказать, что такие любовные отношения L. к фабрикантам не мешали ему соглашаться и на меры воздействия по отношению к ним в тех случаях, когда это находила нужным инспекция. В общем при нем можно было дышать довольно свободно и, если не считать отдельных случаев его самодурства, то можно сказать, что инспекция пользовалась при нем в известной степени самостоятельностью.

Еще более самостоятельным стало ее положение при приемнике L., губернаторе С. При нем состоялось Высочайшее повеление (от 30 мая 1903 г.) о подчинении инспекции губернаторам в том смысле, что чипы фабричной инспекции должны действовать под руководством губернаторов. Но инспекций N-ской губернии этот закон как бы не коснулся: С. ни разу не пытался проявить свое право непосредственного вмешательства в дела инспекции или показать свою власть над инспекторами. Это был человек вполне культурный, с полным доверием относящийся к работе инспекции и доброжелательно к ней настроенной; недоумевавший, зачем Плеве понадобилось добиваться особого подчинения инспекции губернаторам, он

прямо заявил старшему инспектору, что у нас останется все по-старому.

К сожалению, С. пришлось не долго оставаться в N-ской губернии. Его сменили один за другим два губернатора уже новой формации, выдвинутые новым «конституционным» временем, с специальными миссиями и задачами, действующие на основании исключительных положений и совершенно игнорирующие инспекцию. О них нужно или много говорить, или не говорить ничего...

Из представителей полиции всего больше отношений мне пришлось иметь с исправником того уезда, в котором главным образом сосредоточивался мой участок. Исправник В. был не заурядный: он состоял в чине статского советника и имел все знаки отличия, какие по его чину и должности полагаются. Всего этого он достиг за свою долголетнюю службу прежде всего, конечно, своим умением угождать начальству и всем сильным мира сего, а отчасти природным умом, которого от него нельзя отнять; вышел он из крестьянской среды и не получил никакого образования. У фабрикантов он был «своим человеком» и старался, разумеется, угодить им, не поступаясь, однако, при этом интересами «порядка». Тактика его менялась в зависимости от того, каков был в данное время губернатор. За 2-3 года до введения инспекции в N-ской губернии он, по распоряжению бывшего в то время губернатора, с полным усердием выпорол рабочих бастовавшей фабрики и любил вспоминать об этом с особенным восторгом. Во времена S. он стоял в явно враждебных отношениях к инспекции и у меня было не мало столкновений с ним в этот период. Он старался игнорировать инспекцию и вел себя на фабриках так, как будто инспекции совсем не существовало. В своем служебном рвении он не задумывался ни над чем. Однажды в конце прошлого столетия М.В.Д. почему-то ожидало, что русские рабочие будут праздновать заграничное 1-е мая. Чтобы не допускать такого «беспорядка» были разосланы соответствующие циркуляры по полиции. Первое мая нового стиля приходилось в этом году на нашей Пасхе. Ни одна фабрика в это время не работала, все рабочие были по своим деревням. Тем

не менее на этот день исправник В. всю полицию, какая была в его распоряжении, расставил по крупным фабрикам, произведя настоящий переполох среди местного населения и приведя всех в полное недоумение, так как никто даже не подозревал о существовании какого-то 1 мая. При губернаторах L. и С. он резко изменил свою тактику, со мной стал держать себя чрезвычайно корректно, а в сфере своего воздействия на фабрики старался поддерживать порядок, по возможности, мирными средствами, не затевать «историй» и не делать шума.

С наступлением «конституционного» времени, когда появились новые губернаторы и от полиции потребовалась особая деятельность, уже не мог справиться с новыми задачами. Он благоразумно вышел в отставку и стал совершенным либералом. На смену ему явились исправники, быстро сменяющие один другого, с девизом: рви без меры и не останавливайся ни перед какими средствами в деле создания и искоренения крамолы, дабы иметь успех по службе. Таков же стал и весь остальной состав полиции. Создались условия, при которых нормальная деятельность инспекции стала совершенно невозможной.

Если не считать этого последнего времени и годов правления губернатора S., то я могу сказать, что с этой стороны, со стороны полицейского влияния, я в своей деятельности был поставлен в сравнительно благоприятные условия. До последнего же времени и другие представителя М.В.Д. — жандармские власти, — с которыми мне приходилось сталкиваться, особых неприятностей не причиняли, так как или были люди смирные, или настолько глупые, что при всей их страсти к доносам и каверзам, являлись только смешными.

Глава V. Внешние условия работы фабричного инспектора

В течение первых двух лет в мой участок входили 6 уездов, с протяжением до 400 верст, из них с развитою промышленностью было только 2 уезда, в остальных же уездах промышленных заведений насчитывалось немного. Всех промышленных заведений, подчиненных надзору инспекции, к концу первого года имелось в участке 112, в них было занято рабочих 26,000. Такой ненормально большой участок и по пространству и по числу заведений получился благодаря тому, что в течении двух лет в губернию не назначали одного инспектора, который полагался по штату. Все дело должен был выносить на своих плечах наличный состав инспекторов губернии; да и позднее еще не раз оставались участки незамещенными по несколько месяцев и мне вновь приходилось заведывать 6-ю уездами.

Правда, если сравнить работу, которая лежала на инспекторах в первые годы после 1894 г., с той, которую им пришлось нести через 10 лет, то первая покажется несравненно легче, особенно при том участке, который получился у меня даже после заполнения всего штата инспекторов. В участке у меня оказалось 2 уезда, в том числе один самый промышленный в губернии; в 1906 г. в нем было 80 промышленных заведений и почти 30.000 рабочих. Но первые годы были тяжелы в том отношении, что, благодаря недостатку инспекторов, мы были совершенно лишены возможности пользоваться отпусками.

Сообщенные мною краткие сведения о размерах участков могут уже дать читателю некоторое представление о внешних, так сказать, географических условиях работы инспектора. Разумеется, между отдельными участками фабричных инспекторов в России по размерам их существует громадная разница. В крупных промышленных центрах и больших городах, как Киев, Одесса, Варшава, Лодзь, Иваново-Вознесенск, не говоря уже о Москве и Петербурге, весь участок инспектора помещается в городе. Зато есть такие участки в малопромышленных губерниях, где инспектору при разъездах приходится делать

концы чуть не по 1000 верст. Таким образом я признал бы мой участок в пространственном отношении средним, наиболее типичным. При своих разъездах по фабрикам я мог пользоваться железнодорожными путями сообщения лишь на протяжении 30 верст, всего до одной станции, около которой было расположено несколько фабрик; сообщение со всеми остальными фабриками производилось исключительно на лошадях. При поездках на ближние фабрики оба конца можно было сделать в один день, но немало было и таких фабрик и заводов, на посещение которых требовалось 2, 3 и более дней. На некоторые заводы в летнее время почти невозможно было проехать: по лесным, неразделанным дорогам лошади делали 2-3 версты в час, ежеминутно экипажу угрожало падение и выгоднее было идти пешком. При путешествиях по таким дорогам, а также в осеннюю распутицу или зимой в морозы и вьюгу, из ухаба в ухаб, иногда с сидением по часу и более в сугробах, я чувствовал, что нелегко дается казенное жалование. Другое дело, насколько производительна бывала эта затрата энергии и здоровья. В этом отношении подчас приходилось испытывать очень досадное чувство. Для того, чтобы попасть на какой-нибудь завод, где и рабочих-то всего два десятка человек, иногда нужно было сделать в общей сложности несколько сот верст. Попадать часто на такие заводы, приютившиеся в самых медвежьих углах, было, конечно, немислимо, а редкие посещения, хотя бы они и сопровождались обнаружением нарушений и составлением протоколов, само собою, не могли оказывать существенного влияния, так как после отъезда инспектора все на заводе продолжало оставаться по-прежнему. Впрочем, иногда и отдаленные, одиноко по лесам разбросанные заводы приходилось посещать часто; но для этого нужны были особые причины и нужно было задаться специальной целью, во что бы то ни стало, добиться желательных результатов. Так, один завод с числом рабочих менее 100 человек, расположенный в расстоянии более 200 верст от места моего жительства и в 46 верстах от всякого жилья, в глухом лесу, я в продолжении двух лет посещал через 2-3 месяца. Причина — действительно тяжелое положение рабочих, которые годами не получали своего жалования, до-

вольствуясь товарами, выдаваемыми им из заводской лавки, и полное нежелание владельца подчиниться требованиям закона и прежде всего расплатиться с рабочими. Когда я в первый раз ехал на этот завод, то на последней станции мне встретился урядник, в участке которого находился завод. Урядник оказался далеко не обычного типа: он рассказал мне подробно о тяжелом положении рабочих, о всех притеснениях, которые они терпят, и о том, что они ждут меня, как своего спасителя. На заводе в виду его отдаленного положения никогда не бывало никакого «начальство» и единственным защитником рабочих являлся этот урядник, что вполне подтвердилось впоследствии. И вот потребовался целый ряд поездок, целый ряд протоколов, даже содействие губернатора соседней губернии, где проживал сам владелец, для того, чтобы добиться наконец расплаты с рабочими и установления надлежащего порядка в отношениях заводоуправления к рабочим.

К прелестям путешествий по непроезжим русским грунтовыми дорогам следует прибавить ночлеги по волостным правлениям, в крестьянских избах и даже на многих мелких заводах, где вы ни на минуту не смыкаете глаз от полчищ кровожадных клопов, чтобы оценить вполне внешние условия деятельности фабричного инспектора в участках, не принадлежащих к культурным центрам. С этими условиями меньше приходится считаться другим русским чиновникам, потому что ни у кого нет таких больших участков и таких многочисленных разъездов, как у фабричных инспекторов; иностранные фабричные инспектора об этой внешней обстановке не могут, конечно, иметь ни малейшего понятия. Чтобы по возможности избегать мучительных ночлегов в клоповниках и с другой стороны, чтобы меньше обязываться фабрикантам, я старался, где только возможно, заводить знакомства с земскими врачами и у них, в этих культурных оазисах русской деревенской и фабричной глуши, находил отдых во время своих разъездов по участку.

К числу внешних же условий, влияющих до известной степени на деятельность инспектора, следует отнести место его жительства. Очень многим инспекторам приходится жить по

уездным городам; я лично провел целых 13 лет в уездном городе, где едва насчитывалось 7 тысяч жителей. Не отсутствие жизненного комфорта и всяких развлечений я имею, конечно, при этом в виду, а недостаток культурных общений между людьми, почти полное нравственное одиночество, неизбежное при жизни в таких захолустьях. Литература уже давно и всесторонне осветила жизнь провинции и нового я ничего не мог бы прибавить. Скажу только, что атмосфера сплетен, инсинуаций и доносов, окружающая в провинции всякого, кто не может спуститься до уровня интересов и понятий среды, на моих глазах с течением времени мало-помалу начала рассеиваться. Происходило это под влиянием случайно увеличившегося числа прогрессивных лиц, в обществе, вследствие общего подъема незаметными путями прокрадывавшегося в среду просвещения, наконец потому, что темным силам общества было выгодно до поры до времени надеть на себя личину и не проявлять своего мракобесия. Атмосфера вновь сгустилась до невероятной степени с наступлением «конституционного» периода русской истории, когда создались условия наиболее благоприятные для деятельности темных сил, которые начали проявлять себя во всю, уже без всякого стыда и совести.

Глава VI. Состав рабочих

Дав в самых кратких чертах общую характеристику среды, в которой мне пришлось работать, я хотел бы остановиться на главном действующем лице записок, на рабочем. К сожалению, общая характеристика здесь совершенно неприменима. Степень развития, профессия, размер заработка, возраст, положение данной фабрики, не говоря уже об индивидуальности в характере отдельных личностей, — все это делает из рабочих чрезвычайно пеструю массу, разобраться в которой очень трудно. Есть только одно, что может служить для общей характеристики рабочих, это их невежество, их глубокая, почти беспросветная темнота. Я знаю рабочих 3-х губерний центральной России, в том числе некоторых уездов Московской губ., и везде я встречал ту же наводящую на мрачные мысли, подчас нагоняющую ужас темноту. Об этих рабочих я, конечно, и буду говорить.

Море людского горя и беспредельный океан народной темноты — вот общее впечатление, которое я вынес из ближайшего знакомства с рабочими. Не вдаваясь совершенно в сентиментальность, стараясь только поставить себя на место рабочего, мы можем сказать, что положение его ужасно. Большую часть дня он проводит в изнурительной работе, едва поддерживающей его существование, без всякой надежды на лучшее будущее. А где же у него радости? только в вине и разгуле. Но как его винить за это, когда более обеспеченные и интеллигентные слои населения находят радости в том же вине и в картах, которые для многих становятся чуть ли не целью жизни? Упрекают рабочих в недобросовестности, в отсутствии у них понятия о честности: рабочий не исполняет своих обязанностей, он ворует... Да, есть и такие. На какие примеры они видят? Разве добросовестностью, честностью отличаются выше их стоящие люди, которых им приходится наблюдать? Разве добросовестны, честны агенты власти? Разве мало примеров, что представители фабричной администрации тащат, что только можно? Разве все владельцы могут служить для рабочих образцом честности?

Но оставим общие рассуждения и обратимся к фактам.

Для характеристики состава рабочих на наших фабриках я приведу краткие данные из исследования, произведенного мною на фабриках моего участка в конце 1897 г., накануне введения закона о продолжительности и распределении рабочего времени. У меня была мысль повторить такое же исследование через несколько лет, чтобы можно было судить, как отразился закон на составе рабочих. По независящим от меня обстоятельствам мне не только не удалось повторить исследование, но даже первая моя работа не могла появиться в свет.

Мое обследование, произведенное по карточной системе, касалось 41 фабрики и завода и обнимало 18.707 рабочих, в число которых вошло 17.346 запятых на мануфактурных фабриках. Малолетние в возрасте 12-14 лет составляли лишь 0,79%, подростки (15—16 лет) 6.34%, лица старше 30 лет 28.76% (старше 40 лет 10.3%); следовательно, главная масса рабочих состояла из лиц в возрасте от 17 до 30 лет (64.11%). Мужчин было 62.8%, женщин 37.2%. По сословиям 94.57% принадлежало к крестьянам, 5.29% к мещанам и 0.14% к другим сословиям. 88.91% рабочих принадлежало к местным, каковыми я считал всех тех, дома которых находятся в расстоянии не свыше 25 верст от фабрики, а 11.09% к дальним. Холостых мужчин работало 35.68%, женатых 62.11%, вдовых 2.21%; девиц 43.57%, замужних женщин 49.94% и вдовых 6.49%. По возрасту поступления рабочих на фабрику оказалось 1.84% поступивших 7-9 лет, 5.25% в возрасте 10-11 лет, 17.62% — 12-14 лет, старше 25 лет только 8.63%. Женщины поступают в более зрелом возрасте, чем мужчины. Так, поступивших до 15 лет в числе мужчин 31.05% а среди женщин только 14.03%. Не следует забывать, что данные относятся к 1897 году, когда на фабриках было еще много рабочих, поступивших на работу до издания закона о работе малолетних; в настоящее время поступивших на фабрику в детском возрасте можно встретить, конечно, уже значительно меньше. 25.36% всех рабочих жило в своих домах, 43.87% пользовалось жилыми помещениями при фабриках и 30.77%, снимало квартиры у частных лиц. По вопросу о связи рабочих с землею мною собраны были сведе-

ния о том, сколько рабочих уходит летом с фабрик на полевые работы, при чем кратковременная отлучка, продолжающаяся не более двух недель, за уход не считалась. Оказалось, что из общей массы рабочих обоего пола уходит на полевые работы 17.41%. По отношению к грамотности рабочие были распределены мною на 1) грамотных, 2) полуграмотных и 3) неграмотных. Грамотными считались все те, которые умеют читать и писать, полуграмотными же умеющие читать, но не умеющие писать. Вместе с тем о каждом рабочем отмечалось, обучался он в школе или нет. Вся масса рабочих по грамотности распределилась следующим образом: мужчин грамотных 40.87%, полуграмотных 14.57%, неграмотных 44.56%; женщин грамотных 5.32%, полуграмотных 4.8% и неграмотных 89.98%. Обучавшихся в школе из числа мужчин оказалось 32.87%, а из числа женщин 5.45%.

Я позволил себе привести эти краткие сведения, потому что в нашей литературе очень мало данных о составе фабричных рабочих, главным же образом для того, чтобы читатель мог яснее представить, с какими именно рабочими по общему составу их мне пришлось иметь дело. Мои сведения относятся к концу 1897 г.

С того время состав рабочих мог, разумеется, значительно измениться. По отношению к возрастному составу рабочих и распределению их по полам, мы можем, до некоторой степени, проследить эти изменения на основании сообщаемых фабричными инспекторами в своих годовых отчетах кратких сведений о составе рабочих. По моему участку на 1 января 1898 г. из общего числа 20.524 рабочих мужчин состояло 84.49%, женщин 35.51%; малолетних 1.06%, подростков 8.38% и взрослых 90.56%. На 1-е января 1906 г. отношения эти значительно изменились: мужчины составляли уже только 53.37%, женщины же 46.63%; малолетних было 2.22%, подростков 10.51% и взрослых 87.27%. Как видим, за 8 лет значительно увеличился процент наиболее слабых и отчасти менее оплачиваемых работников — женщин, подростков и малолетних. Я говорю отчасти менее оплачиваемых, потому что неправильно было бы думать, что женщины всегда меньше зарабатывают, чем

мужчины: при сдельной работе, а таковая преобладает на всех мануфактурных фабриках, мужчины и женщины получают по одному и тому же расценку; здесь преобладание женщин оказывает следовательно только косвенное влияние на размер заработной платы: при преобладании женского труда для фабриканта легче держать более низкими общие расценки. Отмеченное мною происшедшее за 8 лет изменение в составе рабочих не есть явление случайное. Я глубоко убежден, что то же самое явление замечается во всех фабричных районах, где развита мануфактурная промышленность. К сожалению, я не могу подтвердить это цифрами, потому что до 1900 г. никаких отчетов фабричных инспекторов не печаталось. Объясняется это явление очень просто: во 1897 г. при отсутствии закона о продолжительности рабочего времени и при наличности закона, воспрещающего в производствах по обработке волокнистых веществ ночную работу женщин и подростков, почти все мануфактурные фабрики работали круглые сутки, при чем ночная смена должна была состоять исключительно из взрослых мужчин; в 1905 же году работа на фабриках была 18-ти часовая и в обеих сменах наравне с мужчинами могли быть заняты не только женщины и подростки, но даже малолетние, для которых при 18-часовой работе, рабочий день допускается в 9 часов вместо нормальных 8 часов.

Я могу привести также небольшие указания на происшедшую за 8 лет эволюцию в грамотности рабочих. Я имею данные, относящиеся к 1905 г., относительно грамотности рабочих на одной, но самой крупной фабрике моего участка с числом рабочих более 4000. Грамотных мужчин в это время имелось на фабрике 56%, грамотных женщин 17%. Я не ручаюсь за то, что в данном случае к грамотным не отнесены умеющие только читать; но если даже допустить, что здесь числятся исключительно умеющие и читать, и писать, то все же нельзя сказать, что за 8 лет грамотность, особенно по отношению к мужчинам, очень сильно возросла. Между тем на означенной фабрике процент грамотных рабочих ни в каком случае не может быть ниже среднего по участку, так как фабрика имеет 3 собственных училища.

Из приведенных мною весьма кратких данных все же можно видеть, что преобладающая часть рабочих, с которыми мы имеем дело, представляет собою уже типичных фабричных рабочих, порвавших всякую связь с землею, и лишь меньшая часть рабочих находится как бы в переходном состоянии. Положение, констатированное для 1897 г., надо думать, останется таким же и в настоящее время. Общее число рабочих за 8 лет увеличилось более, чем в 1½ раза, а за 12 лет моего заведывания участком вдвое. Фабрика извлекла из деревни новые элементы. Эти последние, вероятно, еще частью связаны с деревней, за то те, которые 10 лет тому назад находились в таком положении, теперь, несомненно, успели уже вполне ассимилироваться с фабрикой. Этот процесс постепенного разложения деревни заметно совершался на моих глазах. Рабочих, пришлых из других промышленных районов, на фабриках моего участка никогда не было; на этот счет наши фабриканты были очень строги: относясь с крайним предубеждением к рабочим, являющимся из других районов, опасаясь, что такой бывалый рабочий внесет «заразу» на их фабрики, фабриканты никогда таких рабочих не принимали. Таким образом увеличение числа рабочих на фабриках происходило исключительно за счет свежего деревенского населения немногих ближайших к фабрикам уездов, причем источники, из которых черпались фабриками новые силы, увеличивались и вглубь, и вширь. Из местностей, ближайших к фабрикам, на фабрики шли все работоспособные члены семьи; молодых девушек, замужних женщин фабрика забирала всех до последней. Если здесь и оставались свободные руки, то только мужские: мужчин местных, уже в известной степени эмансипированных фабрикой, фабрика часто браковала, как элемент наиболее беспокойный. В этом отношении дело доходило до того, что мне, помимо единоличных жалоб, приходилось выслушивать во время забастовок коллективные, проникнутые злобным чувством, жалобы мужчин на то, что их на свои фабрики не принимают, что все места отбили жёнки и девицы. При этом жалобщики забывали, что в значительной степени они сами виноваты в этом, так как сами же в погоне за лишним заработком посылали на фабрики своих жен, дочерей, а иногда,

может быть, и матерей. Винить их за это, впрочем, трудно. С другой стороны, источники расширялись и вширь. С каждым годом все больше и больше стало являться на фабрики народа из дальних углов уезда или из соседних уездов, где прежде население жило исключительно крестьянством. О причинах этого явления вряд ли нужно распространяться; на земле стало тесно, земля перестала кормить.

Представляя себе отмеченное явление во всем его объеме, со всеми его деталями en grand, я невольно прихожу к очень мрачным мыслям. Фабрика извлекает из деревни людей, прививает к ним новые вкусы, развивает в них новые потребности, а потом, когда в силу развившихся потребностей эти люди становятся более требовательными, она выбрасывает их за борт с тем, чтобы тянуть из деревни опять новые, свежие силы. Деревня по причине ее полного оскудения охотно идет на пополнение рядов нужных фабрике работников; но куда же деваться тем, которые раньше вышли из деревни и бракуются теперь фабриками, потому что они потеряли свой деревенский образ и свою деревенскую непосредственность, превратившись в настоящих фабричных рабочих с пролетарскими взглядами и стремлениями? Что они более опытни, более искусны в работе, фабриканты не ценят, они могут еще не ценить этого, не в пример западноевропейским предпринимателям. Какое значение, может иметь в жизни страны, описанное мною явление со всеми его последствиями предоставляю судить читателям.

Уезды N-ской губернии, входившие в то или иное время в мой участок, являются, быть может, несколько исключительными по интенсивности имевшего в них место за последние годы роста промышленности. Но во всяком случае приводимые мною ниже цифры могут служить показателем того, насколько основательны почти непрекращающиеся жалобы наших фабрикантов на удрученное положение промышленности. Беру данные из отчетов за 1895 и 1906 г. В 1895 г. в двух уездах состояло промышленных заведений 86, рабочих в них было занято 16.043. По размерам промышленные заведения распределялись таким образом: имеющих более 1,000 рабочих было 5, от 501 до 1,000 — 3, от 101 до 500 — 15, от 16 до 100 — 39 и

с числом рабочих менее 16 — 24. В 1906 г. в тех же уездах заведений было 88, рабочих в них 34.502; по размерам заведения распределялись так: с числом рабочих свыше 1,000 человек 13, от 501 до 1,000 — 8, от 101 до 500 — 15, от 21 до 100 — 28, с 20 и менее рабочими 24. Разумеется, здесь имеются в виду исключительно промышленные заведения, подчиненные надзору фабричной инспекции. Как мы увидим дальше, в вопросе о том, какие заведения должны подчиняться надзору инспекции, взгляд несколько раз менялся, и потому некоторые мелкие заведения, которые в 1895 г. находились под надзором инспекции, в 1906 г. уже не подчинялись надзору и потому в счет не попали. При сравнении 1906 г. с 1895 мы видим, что увеличилось исключительно число крупных фабрик. Собственно новых крупных фабрик за этот период возникло 4, существовавшие же в 1895 г. мануфактурные фабрики почти все расширились вдвое и более. Одной из причин, повлиявших на расширение фабрик, явился закон о продолжительности рабочего времени; но уменьшение производства, происшедшее от сокращения рабочего времени, настолько незначительно сравнительно с увеличением его от расширения фабрик, что истинная причина расширения лежит, конечно, не в этом, а в том, что дела у фабрикантов, исключая редкие годы кризисов, шли блестяще и фабриканты имели и полную возможность, и полное основание тратить капиталы на возведение новых корпусов, приобретение новых машин и пр. Разумеется, никто из фабрикантов никогда в таком положении дел не признается. Напротив, вы почти всегда услышите от них только жалобы на плохие дела; в очень редких случаях наиболее откровенные из них скажут разве, что теперь жаловаться грех. Даже в Товариществах, обязанных публиковать свои отчеты, вы не всегда узнаете истинное положение дел. Я знаю, по крайней мере, Товарищества, которые в течение нескольких лет, не увеличивая ни на один рубль своего паевого капитала и показывая ничтожную прибыль, воздвигали новые миллионные фабричные корпуса.

Глава VII. На какие заведения распространяется закон о надзоре. Деятельность Главного Присутствия. Протоколы инспекторов

Какие заведения должны подлежать надзору фабричной инспекции? Что такое фабрично-заводское заведение и чем оно отличается от ремесленного? Вот вопросы, которые несмотря на многократную постановку их, не решены до сего времени и из которых последний вряд ли и может иметь определенное решение.

При введении закона в N-ской губернии мы, руководствуясь циркулярными разъяснениями министерства, подчиняли надзору фабрично-заводские заведения, обладающие хотя бы одним из следующих признаков: 1) наличность не менее 16 рабочих, 2) присутствие механического двигателя или заводского устройства, 3) принадлежность заведения к группе производств, в которых запрещена работа малолетних.

Ремесленные заведения не могут быть подчинены непосредственно инспекторам, хотя бы на них было занято и значительное количество рабочих. Распространить закон на такие ремесленные заведения может только губернское по фабричным делам Присутствие особым в каждом отдельном случае постановлением, (ст. 156 Устава о Промышленности). А так как точных признаков, отличающих фабрично-заводское заведение от ремесленного, законом не установлено (и едва ли такие признаки могут быть найдены), то понятно, что по различным губерниям практика в деле привлечения заведений к надзору инспекции могла быть очень разнообразна. В губерниях со слабо развитою промышленностью была подчинена надзору инспекции масса таких мелких заведений неопределенного типа (булочные, шляпные, корсетные), которые в промышленных губерниях инспекторами, обремененными работою по крупным заведениям, совершенно игнорировались. В 1904 г. Министерство предложило старшим инспекторам пересмотреть списки подчиненных надзору инспекции заведений и освободить, проводя вопрос через Присутствие, те из

заведений, на которых занято менее 20 человек рабочих, хотя бы на них имелись и механические двигатели; Присутствию, впрочем, предоставлено было право оставить в подчинении заведения этой категории, если по каким-либо соображениям представлялось нежелательным освобождать их от надзора. Благодаря такому разъяснению, во многих губерниях число заведений, подчиненных надзору инспекции, значительно сократилось. Уменьшилось число таких заведений и в нашей губернии, но незначительно. Инспекция N-ской губерния нашла неудобным делать различие между однородными заведениями, отличающимися друг от друга только числом рабочих с разницею в несколько человек, заставляя одни из них выполнять все требования закона и предоставляя полный произвол другим. С таким взглядом согласилось и Присутствие.

По отношению к мелким заведениям, имеющим, однако, паровые и механические двигатели, по освобождении их от общего надзора и связанного с ним выполнения закона о взаимных отношениях предпринимателей и рабочих, продолжительности и распределении рабочего времени и пр., сохранился лишь надзор за паровыми котлами и надзор за выполнением закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении потерпевших рабочих.

Отсутствие точных объективных признаков, по которым можно было бы отличить фабрично-заводское заведение от ремесленного, нередко парализовало деятельность инспекции. Заведения, которые инспекторами относились к типу фабрично-заводских и были подчинены надзору, впоследствии по толкованию Главного Присутствия признавались ремесленными и таким образом освобождались от надзора. Это происходило в тех случаях, когда на подобных заведениях составлялись протоколы. Губернские или столичные Присутствия по этим протоколам налагали взыскания, владельцы переносили дела в Главное Присутствие и там решения местных Присутствий отменялись на том основании, что заведения были неправильно подчинены надзору инспекции. Правда, в N-ской губернии таких случаев не было. Но, например, в Москве

подобное постановление Главного Присутствия относилось даже к таким крупным заведениям, как известная булочная и кондитерская Д. И. Филиппова, где работало более 350 рабочих. Главное Присутствие, рассмотрев жалобу г. Филиппова на постановление Московского столичного Присутствия, наложившего на него штраф в размере 575 р. за самые серьезные нарушения Устава о промышленности, отменило это постановление, признав заведение Филиппова ремесленным, так как в нем нет сложных приспособлений. Понятно, в какое нелепое положение ставят инспекторов подобные решения Главного Присутствия. Если признать непререкаемым выставленное Главным Присутствием основание для освобождения от надзора инспекции — отсутствие «сложных приспособлений», то нужно было бы освободить все ручные заведения, — ручные ткацкие и красильные фабрика, большинство кирпичных заводов и множество других заведений, обходящихся без сложных приспособлений, а таких заведений около половины общего числа подчиненных надзору инспекции. В виду указанных постановлений Главного Присутствия и выраженных в них взглядов поведение инспекторов по отношению ко всякого рода ручным заведениям, подчиненным их надзору, волеяневолей должно было сделаться, так сказать, весьма деликатным: бороться с замечаемыми в них нарушениями оставалось только мирными средствами, т.е. не прибегая к составлению протоколов, или же составлять только такие протоколы, по которым взыскания ни коим образом не могут быть наложены свыше 100 руб., чтобы предотвратить всякую возможность со стороны владельца перенести дело в Главное Присутствие¹.

В такое же нелепое положение поставлены были инспектора разъяснением Главного Присутствия в вопросе о подчинении надзору раздаточных контор. Подчинение раздаточных контор надзору инспекции и действию большей части статей Устава о Промышленности основано было на особом, состо-

1 Обжалованию подлежат только те постановления местного Присутствия, которыми наложены взыскания свыше 100 руб.

явшемся в 1893 г. постановлении Министерства Финансов по соглашению с Министерством Внутренних Дел. Подчинялись все раздаточные конторы, на которые работало не менее 16 человек; так, по крайней мере, было у нас, в N-ской губернии. Разумеется, надзор за раздаточными конторами в силу самых условий производства, — занятия рабочих работою не в самом заведении, а на домах, — не мог быть вполне действительным, по вместе с тем несомненно, что с подчинением контор надзору значительно сократились злоупотребления по расчету рабочих. Уже одна возможность для рабочего пойти пожаловаться инспектору заставляет владельцев быть осмотрительнее и добросовестнее при расчете рабочих. У меня лично бывало немало случаев обращения рабочих, работающих на раздаточные конторы, с жалобами на неправильный расчет и всегда жалобы оказывались основательными и рабочие получали удовлетворение, при чем податливость владельцев объяснялась, конечно, боязнью их, что инспектор составит протокол. Но Главное Присутствие «разъяснило» и раздаточные конторы тем же путем, каким оно разъяснило и ремесленные заведения. Разница здесь заключается лишь в том, что по отношению к заведениям можно было не обобщать постановлений Присутствия, так как всякое заведение представляет свои индивидуальные особенности, по отношению же к раздаточным конторам, обладающим одним вполне определенным признаком, — занятие рабочих на домах, — такое обобщение стало неизбежным. Со времени «разъяснений» никто из инспекторов, разумеется, уже не подчинял вновь раздаточных контор; подчиненность же тех из них, которые были подчинены прежде, стала совершенно фиктивной: конторы значились в списках, но инспектора уже никакого внимания на них не обращали. Наконец, в 1909 г. раздаточные конторы были совсем освобождены от надзора.

Из приведенных много данных о деятельности Главного по фабричным делам Присутствия читатель может вывести заключение, что значение этого учреждения в деле развития и применения фабричного законодательства исключительно отрицательное. И читатель, пожалуй, не ошибется. Что же это,

однако, за учреждение такое? Возникло оно на основании Высочайше утвержденного 7 июня 1899 г. мнения Государственного Совета. В состав Присутствия входят 19 правительственных членов от различных ведомств и 9 представителей от промышленников; председателем состоит министр финансов (с образованием Министерства Торговли и Промышленности, очевидно, министр торговли и промышленности). Присутствие учреждено «для высшего наблюдения за правильным применением законоположений, касающихся соблюдения на фабриках, заводах и горных промыслах должного порядка и благоустройства». На Присутствие возложено: издание инструкций, наказов и правил в развитие действующих фабричных законоположений, издание общих правил о мерах охранения жизни и здоровья рабочих, контроль над деятельностью местных Присутствий, разрешение сомнений, встречаемых местными Присутствиями, рассмотрение жалоб на постановления последних и т. п. Плодом 10-летней деятельности Присутствия явилось несколько разъясняющих циркуляров и решения дел по жалобам на постановления местных присутствий. В этих решениях Главное Присутствие выступило в роли серьезного защитника интересов предпринимателей, очень часто отменяя постановления, которыми на них налагались взыскания местными Присутствиями; между тем и эти последние вряд ли могут быть заподозрены в особом пристрастии к противной стороне, т. е. к рабочим. Никаких общих правил о мерах охранения жизни и здоровья рабочих Главное Присутствие и не подумало издать, хотя с учреждением его право на издание таких правил у местных Присутствий было отнято.

Перед концом 1908 г. Главное Присутствие даже не созывалось в течение нескольких лет.

Заговорив о взысканиях, налагаемых на владельцев Присутствиями, я позволю себе привести несколько любопытных цифр, относящихся к этому вопросу. Эти взыскания должны поступать в общеимперский штрафной капитал, предназначенный для выдачи пособий рабочим, потерявшим способность к труду. Раскрывая свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г., мы видим, что в общеимперский штрафной капитал посту-

пило за этот год всего 26.145 руб., цифра совершенно ничтожная, чтобы иметь какое-нибудь значение в деле воздействия на фабрикантов. Но еще любопытнее другая цифра. Оказывается, что на 1 января 1906 г. числится в недоимке 72.544 руб., наложенных на владельцев взысканий, которые должны были поступить еще к 1 января 1900 г. Если инспектора мало составляют протоколов, если Присутствия слабо налагают по ним взыскания, то что же сказать про полицию, которая должна взыскивать наложенные штрафы?

В конце концов можно сказать, что протоколы инспекторов совсем не страшны для фабрикантов. Если по ним даже приходится платить, то в сущности такие мизерные цифры, которые для более или менее солидного предприятия не имеют ровно никакого значения. Только для мелких промышленников может быть чувствителен штраф в несколько десятков рублей и в этих случаях протоколы имеют действительно устрашающее значение. Для крупных же фабрикантов значение протокола является только моральным. Крупные фабриканты, считая личным оскорблением составление инспектором протокола, принимают, конечно, все меры к тому, чтобы не дать для этого повода. А так как инспектора могут составлять протоколы в громадном большинстве случаев только о формальных нарушениях, то избежать этих нарушений для фабрики, обладающей достаточным количеством служащих, не составляет никакого труда. Правда, при желании и тщательном исследовании можно найти на всякой фабрике отдельные формальные нарушения, состоящие в случайных описках, пропусках в книгах и т. п. О всех таких нарушениях ставится на вид заведующему и они фигурируют в отчетах инспекторов. Но если бы по поводу таких нарушений составлять протоколы, то это явилось бы бесспорной придиркой. Иногда, впрочем, приходится прибегать и к этим придиркам; это тогда, когда на лицо имеется какое-либо нарушение по существу; привлечь к ответственности за это нарушение инспектор не имеет возможности, оставить его безнаказанным нельзя, поневоле приходится прибегать к протоколу по поводу какого-нибудь формального нарушения, имеющего хотя бы косвенное отно-

шение к обнаруженному существенному нарушению. Примеры подобного рода действий мы увидим ниже. Теперь я лишь перечислю те поводы, по которым может быть составлен инспектором протокол согласно Устава о Промышленности.

Невыдача рабочему расчетной книжки и неправильное ведение ее — вот наиболее часто встречаемые нарушения, по которым приходится составлять протоколы. Сюда входят как такие случаи, когда имеется на лицо злостное побуждение владельца, желающего, например, путем невыдачи расчетной книжки оставить за собою право распоряжения рабочими по своему усмотрению или намеренно неправильными записями в книжках прикрывающего незаконный расчет с рабочими, так и случаи чисто формальных нарушений: случайный пропуск в отдельных книжках какой либо пометки, задержка в конторе расчетной книжки на день на два сверх срока по забывчивости конторщика и т.п. Понятно, что первые случаи почти никогда не проходят безнаказанными, во вторых же случаях едва ли кто либо из инспекторов решается прибегать к протоколам, если нет каких-нибудь особых обстоятельств, если не обнаружено вместе с тем других, существенных, но не наказуемых нарушений. Далее, инспектор может составить протокол о нарушении постановлений: 1) о назначении заместителей, 2) о хранении паспортов и ведении именных списков рабочих, 3) о порядке открытия фабричных лавок и о производстве в них торговли, 4) о содержании и ведении установленных книг, 5) об объявлениях, выставление и оглашение коих обязательно, 6) о взысканиях с рабочих. Сюда опять-таки входят нарушения исключительно формального свойства. Даже проступки, касающиеся фабричных лавок и взысканий с рабочих, рассматриваются только с формальной стороны, т.е. наказуемым нарушением в этих делах признается лишь отступление от утвержденной формы, установленного порядка. Здесь, как и в вопросе о расчетных книжках, могут быть и злостные нарушения, но в большинстве случаев нарушения объясняются простой небрежностью. Например, отсутствие, за отъездом заведующего, объявления о том, кто оставлен его заместителем, является вполне определенным нарушением, но происходить это нару-

шение может по причинам весьма различного свойства. Заведующий, уезжая с фабрики, оставил вместо себя человека, который вполне в курсе всех дел, может делать необходимые распоряжения и дать в случае надобности нужные объяснения, но объявления об этом заместителе заведующий забыл вывесить. Другой случай. Владелец, при приезде на завод инспектора, желая избежать ревизии, скрывается и приказывает сказать, что он в отъезде; на заводе не оказывается ни одного лица, которое могло бы или согласилось дать объяснения, показать книги и пр. Инспектору в этом последнем случае остается одно: пригласив понятых, составить протокол о чисто формальном нарушении, — невывешении объявления о заместителе, — при полной уверенности, что за этим пустым нарушением скрываются более серьезные, возможность обнаружения которых отнята у инспектора маневром владельца. Наконец, к числу нарушений, о которых инспектором может быть составлен протокол для представления в Присутствие, относятся такие, которые, как будто, касаются не одной формы, а и существа дела; а именно: 1) взимание с рабочих платы в случаях, недозволенных законом, 2) взимание процентов на деньги, выдаваемые заимообразно рабочим и 3) расплата с рабочими, вместо денег, условными знаками, товарами и пр. Но под статьей Устава о Промышленности, трактующей об этих нарушениях, приведено постановление Государственного Совета, совершенно определенно указывающее, что «наложение взысканий за проступки, которые не имеют значения исключительно формальных нарушений и требуют определения степени виновности, не предоставлено Губернским по фабричным делам Присутствиям». Таким образом в практике Присутствий пользование этой статьей почти не встречается. Нужно, впрочем, заметить, что во 1 и 2 пунктах статьи и нарушения чрезвычайно редки. Что же касается расплаты с рабочими, вместо денег, товарами, то это нарушение встречается довольно часто в мелких заведениях, но выделять в нем одну формальную сторону чрезвычайно трудно. Поэтому случается, — это было и в моей практике, — что Присутствие отказывается налагать взыскание за расплату товарами, хотя

самый факт расплаты устанавливается вполне бесспорно самыми объективными данными.

Вот и все случаи, по которым инспектор может составить протокол и направить дело в фабричное Присутствие. Кроме того, инспектор может привлечь заведующего к судебной ответственности за нарушение закона о работе малолетних, о самовольном понижении заработной платы и о принудительной расплате товарами (к уездному члену окружного суда), а также за неисполнение обязательных постановлений и законных требований по всеобъемлющей 29 ст. Устава о наказаниях к городскому судье или земскому начальнику. Наконец, в общих же судебных учреждениях инспектор может возбуждать дела о нарушении специальных правил о паровых котлах.

За все наиболее существенные нарушения, касающиеся непосредственно интересов рабочих, за неуплату заработка, за незаконное увольнение, за всевозможные нарушения условий найма (кроме самовольного понижения заработной платы), за неисполнение закона о продолжительности и распределении рабочего времени и т.п., заведующий не подлежит никакой уголовной ответственности.

Глава VIII. Закон о работе малолетних

Первым актом русского фабричного законодательства является закон 1 июня 1882 г. «о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». В 1885 г. появился закон о работе подростков и лиц женского пола в промышленных заведениях, занятых обработкой волокнистых веществ. 3 июня 1886 г. вышел закон «о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Для наблюдения за исполнением этих законов учреждена была фабричная инспекция. Но последний из названных законов до 1894 г., как я уже упоминал, применялся только в 5 наиболее промышленных губерниях. В остальных губерниях, в том числе и N-ской, действовали только законы о работе малолетних, женщин и подростков; надзор за исполнением их осуществляли помощники фабричных инспекторов, при чем в участок каждого из них входило по несколько губерний. При таких громадных участках трудно, конечно, было бы требовать, чтобы надзор был вполне действительным; инспектор не имел физической возможности уследить за тем, чтобы закон всюду соблюдался. Упомянутое уже мною исследование состава рабочих показало, что даже после издания закона о работе малолетних было не мало случаев поступления на фабрику в возрасте, в котором работа воспрещается законом. Но я должен все же сказать, что к 1894 г., т.е. когда я принял в свое заведывание участок, крупные фабриканты не только были осведомлены об этих законах, но более или менее их исполняли, по крайней мере формальные требования закона почти во всех случаях были выполнены. Не то было на мелких заведениях, о существовании которых помощник инспектора, быть может, даже и не знал.

Напомню читателю наш закон о работе малолетних. Дети в возрасте до 12 лет к работам не допускаются. Малолетними считаются дети в возрасте от 12 до 15 лет; они могут быть заняты работами не более 8 часов в сутки, при чем работа не должна продолжаться более 4-х часов сряду. В ночное время, — между 9 часами вечера и 5 часами утра, — малолетние не

должны быть занимаемы работой. Это — основные положения закона, но отсюда сделаны исключения. Если общая продолжительность работы малолетних не превышает 6 часов в сутки, то работа может продолжаться сряду 6 часов. В тех заведениях, где введена 18-ти часовая непрерывная дневная работа 2-мя сменами, малолетние могут работать по 9 часов в сутки; ночным временем, в течение которого они не допускаются к работе, в этом случае считается время от 10 час. вечера до 4-х часов утра. Наконец, для стеклянного производства сделано еще исключение: здесь малолетние могут работать и ночью до 6 часов в сутки. Кроме воскресных дней, малолетние не могут работать в высокаторжественные, т.е. царские дни. В некоторых вредных для здоровья производствах работа малолетних совершенно воспрещена.

Кроме этих статей, заключающих в себе вполне определенные требования, закон о работе малолетних содержит еще ряд статей, в которых трактуется об обучении малолетних рабочих, именно только трактуется. Никаких требований на этот счет закон не предъявляет, но лишь предоставляет владельцам открывать при фабриках школы для «первоначального» обучения малолетних рабочих. За нарушения закона о работе малолетних установлены наказания (по суду): арест не свыше одного месима или штрафа до 100 руб.

В первый год моей деятельности на фабриках моего участка работало только 234 малолетних (1% общего числа рабочих), распределенных между 10 заведениями. Большинство мануфактурных фабрик работало в то время по 24 часа в сутки, а при таком распределении рабочего времени им было невыгодно держать малолетних: при работе их в 2 смены оставалось еще 8 рабочих часов, в течение которых фабрика должна была обходиться без этих рабочих, а это могло неблагоприятно отражаться на общем ходе производства; если малолетние самостоятельно работали за машинами, то в ночное время машины должны были следовательно стоять; если же малолетние являлись подручными при взрослых рабочих, то ночью эти последние принуждены были обходиться уже без подручных. Поэтому крупные фабрики мало пользова-

лись работою малолетних. Благоприятное положение для них в этом отношении наступило тогда, когда они перешли на 18-ти часовую работу, с введением закона о продолжительности и распределении рабочего времени: при этом малолетние могли уже работать наравне со взрослыми, т. е. по 9 часов в сутки. Таким образом закон, принеший облегчение взрослым рабочим, ухудшил положение малолетних, подарив им лишний час работы. В виду неформальности такого положения я употреблял все усилия к тому, чтобы склонять фабрикантов устанавливать при 18-часовой работе фабрики 3-х комплектную работу для малолетних, при которой малолетние работали бы только по 6 часов в сутки. Иногда это удавалось. Большую помощь в этом деле оказывало такое обстоятельство. Запрещение работы малолетних в высокаторжественные дни является для фабрик таким же препятствием в пользовании трудом малолетних, как и ограничение часов их суточной работы, потому что эти дни фабрики не празднуют и, освобождая от работы малолетних, должны в эти дни опять-таки обходиться при неполном комплекте рабочих. Но имеется дополнение к закону, предоставляющее Присутствиям по фабричным делам право разрешать для отдельных фабрик работу малолетних в царские дни. Пользуясь этим дополнительным законом, фабриканты и начали ходатайствовать перед Присутствием о разрешении им занимать малолетних работою в эти дни. Ходатайства их направлялись старшим инспектором ко мне на заключение. Тут то мне и удавалось склонять фабрикантов к введению 6-ти часового дня для малолетних, так как при несогласии их на это, я отказывался давать благоприятный отзыв на ходатайства. Не все фабрики, разумеется, шли на это, многие предпочитали освобождать малолетних на 8—9 царских дней в году, чем уменьшать их рабочее время с 9 до 6 часов в сутки. Весьма возможно, что при этом некоторые фабриканты имели и заднюю мысль не выполнять этого требования закона, т.е. не освобождать малолетних от работы в царские дни, основательно полагая, что когда-то еще их накроют в этом нарушении.

А открыть нарушения закона о работе малолетних труднее, чем какое-либо иное: тут вы уже ни в каком случае не можете ждать поддержки со стороны рабочих. Невежественные в своей массе и нуждающиеся в каждой лишней копейке рабочие далеко не сочувственно относятся к закону о работе малолетних и думают не о том, чтобы их дети работали меньше, а только о том, чтобы поскорее пристроить их на фабрику и чтобы они побольше заработали, какую бы ценою это не достигалось. Впрочем, мне не раз удавалось накрывать малолетних работающими в царские дни на крупных фабриках. Конечно, всегда при этом составлялся протокол. На фабрике описанного мною выше «славянофила» фабриканта Z также обнаружено было мною это нарушение и составлен протокол. Z был чрезвычайно взбешен этим обстоятельством.

— Я из милости принимаю малолетков, — волновался он, — чтобы только дать им кусок хлеба, снисходя к слезным мольбам их и их матерей, у которых, может, и работников больше нет, — мне же они не нужны совсем, — а меня за это будут штрафовать!.. Уволить сейчас же всех малолетков и больше не принимать! Пусть ходят, милостыню просят!..

Не знаю, что взяло верхи, над его оскорбленным чувством — человеколюбие или расчет, по только малолетние уволены не были и фабрика продолжала все время пользоваться их трудом.

Тот аргумент, что малолетние принимаются на работу из жалости к ним, приходится слышать почти на всех заведениях, пользующихся их трудом. Действительно, бывают иногда случаи, что работа на фабрике является необходимою малолетнему для поддержания его существования. (Это не значит, конечно, что, принимая малолетнего на работу, фабрика исходит из соображений о его нужде). Мне не раз приходилось встречать круглых сирот или единственных детей у убогих, неспособных к труду родителей, которые работою на фабрике содержали и себя, и семью. Но такие случаи не часты. Несравненно чаще случаи, когда семья при взрослых работниках, но при большом числе неспособных к труду едоков настолько нуждается, что рада всякому гривеннику, приносимому в дом

ребенком, только что вышедшим из самого нежного возраста. Понятно поэтому, что такая семья ждет не дожидается, когда можно определить по фабрику подрастающего работника. Так как малолетние принимаются сравнительно немногими фабриками, то обычно приходится ждать до 15-летнего возраста.

Многие не выдерживают такого срока и стараются пристроить на фабрике малолетка под видом подростка. Сделать это, по-видимому, очень просто: достаточно только попросить волостное правление, выдающее необходимые для поступления на фабрику «видки», проставить в «видке» (или паспорте) требуемое число лет. Волостные правления делают это очень охотно, без малейшего стеснения они покажут возраст, какой вам угодно. Таким путем мог бы быть сведен на нет весь закон о работе малолетних, если бы фабричным инспектором не было предоставлено наказом права требовать в удостоверение возраста малолетних и подростков (до 17 лет) представления выписей из метрических книг. Только это обстоятельство и сдерживает заведующих от приема на фабрику без разбора всех, кому по видку или паспорту значится не менее 15 лет: ведь, им так было бы выгодно держать малолетних, которые работали бы наравне со взрослыми. И тем не менее в моей практике бывали поразительные в этом отношении случаи. Например, на одной вполне благоустроенной, солидной фабрике не оказалось метрик у подростков; я предложил заведующему вытребовать метрики и доставить их мне для просмотра, при этом отметил несколько лиц, которым по видкам значилось даже 17 лет. И вот, когда метрики были представлены, оказалось, что не только тем, у которых в видках стояло 15—16 лет, но даже числившимся 17-ти летними в действительности было только 14, 13 и даже 12 лет. Заведующий фабрикою, недавно поступивший инженер, был очень сконфужен открывшимся обстоятельством и оправдывался тем, что его намеренно подвели другие служащие. Это весьма возможно, но это не меняло существа дела и заведующий отвечал перед судом за незаконное допущение малолетних к работе наравне со взрослыми.

Отсутствие метрик у подростков заведующие обыкновенно объясняют тем, что рабочие никак не могут их получить, так как священники требуют за написание метрик по рублю и, кроме того, гербовые марки, что непосильно рабочим. К сожалению, эти объяснения вполне соответствовали действительности, и нам, инспекторам, пришлось принимать особые меры, включительно до жалобы архиерею, чтобы побудить духовенство быть менее корыстолюбивым в этих случаях и не требовать марок, которые не полагаются по закону. Лишь после нескольких лет борьбы удалось добиться того, что у всех работающих на фабриках подростков были метрические выписи.

Когда таким образом недостижим 15-ти летнего возраста стало невозможным поступать на фабрики в качестве подростков, ко мне начала поступать оригинальные просьбы. Является проситель, мужчина или женщина безразлично.

— К вашей милости!

— Что вам угодно?

— Так и так! Разрешите такой-то фабрике принять на работу сына (или дочь)! Без вашего разрешения не принимают, потому как лета не вышли, а и не хватает то всего немного. Сделайте Божескую милость! кормиться нечем.

— Если лета не вышли, я не могу разрешить: этого закон не позволяет.

— Помилуйте, все от вас зависит! Будьте отцом-благодетелем! Заставьте за себя вечно Бога молить!

И как я ни убеждаю, что я не могу нарушать законов, что я и поставлен за тем, чтобы наблюдать за их исполнением, проситель уходит, — после продолжительных упрашиваний, — в полной уверенности, что я мог, но не хотел исполнить его просьбу, — таков в народе взгляд на законы и их исполнителей. А здесь присоединяется еще непонимание, для чего может существовать такой закон, хотя я и старался объяснять просителям цель и смысл этого закона.

Если в описанных случаях рабочие даже сами добиваются нарушения закона о работе малолетних, то можно вполне

представить себе, что, когда нарушение исходит от владельца, протестовать против этого они не будут и не облегчат инспектору борьбу с этими нарушениями. Для этого требуется такая степень развития рабочих и материальной обеспеченности их, до которой нам еще очень далеко. Особенно ярко выступает стремление рабочих идти рука об руку с владельцами в деле нарушения закона о работе малолетних на мелких заведениях. Здесь практикуется, — или по крайней мере практиковался. — самый примитивный способ уклонения от требований закона и рабочие принимают в нем деятельное участие. Официально малолетние на этих заводах не работают, и инспектор, если не будет принимать особых мер, действительно никогда малолетних в заводе не найдет: перед его приездом они все из завода исчезают. Если владелец был предуведомлен о приезде инспектора, то малолетние заблаговременно удаляются из завода. Если же инспектор застаёт более или менее врасплох, то их все-же успевают спрятать на чердаках, в подвалах или просто в товаре, разных корзинах и мешках. А чтобы инспектор не мог явиться совершенно неожиданно, владельцами выработана целая система наблюдений и донесений. Я знал, что на одной железнодорожной станции, недалеко от которой были расположены мелкие заводы, было учреждено постоянное дежурство для наблюдения за тем, когда я приезжаю. В волостном Правлении, где нужно было менять лошадей при проезде на другую группу мелких заводов, волостное начальство посылало на заводы нарочных с уведомлением о том, что едет инспектор. Нужно было выбирать окольные пути, подъезжать тихо, с подвязанным колокольчиком, для того, чтобы увидеть на заводе истинную картину. При помощи таких маневров мне удавалось накрывать малолетних, при чем приходилось буквально ловить их, так как они все же пускались врассыпную, когда экипаж подъезжал к заводу. Несколько таких удачных экскурсий, сопровождавшихся протоколами, несомненно, произвели должное впечатление и злоупотребления, как будто, исчезли, но тем не менее я не был уверен, что нигде больше не практиковалось секретное пользование трудом малолетних. Едва ли нужно говорить, что при таком пользовании трудом малолетних, они работали вне всяких норм рабочего времени,

по 12 часов в сутки и больше. Здесь я встречал малолетних, вид которых производил ужасное впечатление: таких истомленных лиц воскового цвета с глубоко впалыми глазами и совершенно синими подглазницами вы нигде больше не встретите.

За нарушение закона о работе малолетних уездный член суда, рассматривающий эти дела, обычно налагал денежное взыскание, которое могло быть чувствительным для мелких заводчиков, для крупных же предпринимателей само по себе, конечно, не имело никакого значения. И только один раз один крупный заводчик, лично заведывавший заводом, был приговорен к аресту. И нужно было видеть, какое впечатление это на него произвело; он был расстроен в высшей степени, пригласил защитника, апеллировал дело и успокоился только тогда, когда окружный суд заменил ему арест штрафом.

При таких условиях проводились в жизнь основные положения закона о работе малолетних. Что же касается статей закона, трактующих об обучении малолетних рабочих, то в виду рекомендательного характера этих статей можно было бы уже заранее сказать, что практического применения они иметь не будут. Действительно в моем участке в 1895 г. из 10 промышленных заведений, официально пользовавшихся трудом малолетних, только на одной фабрике малолетние посещали школу, содержащуюся на совместные средства земства и фабрики. Кроме того, при двух фабриках, где малолетние не работали, имелись школы для детей рабочих. Вступив в заведывание участком, я тотчас же принялся склонять фабрикантов к открытию школ и предоставлению малолетним возможности учиться, ссылаясь на ст. 114 Устава о Промышленности. Эта статья говорит, что владельцы «обязаны» малолетним, не имеющим свидетельства об окончании курса, «предоставлять возможность посещать школы, открываемые при промышленных заведениях или же находящиеся вблизи последних народных училища». А малолетние, не имеющие свидетельств, составляли в то время 85% общего числа работавших на фабриках малолетков. Фабриканты обыкновенно заявляли, что они охотно предоставят малолетним возможность посещать

школу, относительно же устройства школ резонно возражали, что это для них необязательно. Однако через 10 лет число школ при фабриках значительно увеличилось; в 1905 г. в том же участке имелось уже 8 специально фабричных училищ и 5 фабрик содержали училища совместно с земством. Впрочем, число обучающихся малолетних рабочих увеличилось очень мало. В это время я уже перестал настаивать на том, чтобы малолетние рабочие посещали школу. Более подробное исследование вопроса об обучении малолетних привело меня к заключению, что совместить работу на фабрике и учение в школе является невозможным. В самом деле нужно представить себе, что 12—13 летний ребенок, проведя 8 часов на фабрике в обстановке, которая, несомненно, утомляюще действует на всю его нервную систему, должен еще 3—4 часа сидеть в классе, где от него требуется особенное внимание и нервное напряжение; если посещение школы предшествует работе на фабрике или происходит в промежуток между двумя рабочими сменами, дело от этого не меняется: в общем все же получается 11—12 часовой рабочий день, непосильный для слабого организма ребенка. В несколько более благоприятных условиях находятся те малолетки, которые заняты на фабрике только 6 часов в сутки. Но все же в результате получается, что обучение малолетних, истощая их организм, не приносит для них почти никакой пользы. Школьные учителя и учительницы, ведущие занятия с малолетними рабочими, постоянно указывали мне на весьма слабую успешность их. Из этого положения имеется, казалось бы, один выход: малолетние, не имеющие свидетельств об окончании курса, не должны приниматься на фабрики. Так и взглянули на дело многие фабриканты, особенно те из них, которые имеют свою фабричную школу; на работу они принимают главным образом малолетних, окончивших эту школу, а также, разумеется, окончивших и другие школы. Провести вполне этот принцип не всегда, однако, удается; причина все та же: полная необеспеченность среды, из которой вербуются рабочие, необеспеченность, часто не позволяющая родителям довести обучение детей до конца, хотя бы в начальной школе.

Глава IX. Меры к просвещению рабочих

Заговорив о школах, я хотел бы коснуться вообще просветительных учреждений для рабочих. В начале записок я упоминал об одной исключительной фабрике, на которой делалось все возможное для развития и просвещения рабочих. Но это — фабрика действительно исключительная, к тому же, при разделении участка в 1896 г., она отошла от меня, так что говорить о ней я больше не буду.

Училища для детей рабочих при 2-х фабриках и чтения с туманными картинками при одной — вот все, что имелось на фабриках участка по части просвещения в 1895 г. За 10 последующих лет прибавилось 6 школ, в том числе 2 двухклассных и, кроме того, ремесленное училище; 4 фабрики начали устраивать чтения для рабочих, при 3-х фабриках открылись народные библиотеки. Это опять-таки все и относится это уже к 30 тысячам рабочих. Прогресс весьма незначительный, но все же он есть.

10 лет принесли с собою перемену в составе стоящих во главе предприятий фабрикантов. Молодые силы уже с большим доверием относятся к просвещению и понимают, что более развитой рабочий полезнее для них неграмотного, неразвитого. Правда, таких очень мало, да и те вводят просвещение с опаской, поручая это дело главным образом духовенству. Громадное же большинство фабрикантов осталось по прежнему боящимся просвещения, как чумы. Между тем и цена существующему просвещению невелика. Взять хотя бы те же чтения с туманными картинками. Всюду они находятся под надзором священников, которые по преимуществу являются и лекторами. Я лично принимал участие в таких чтениях, когда работал на фабрике. Мне предоставлены были чтения по естествоведению и литературные; исторические же и духовно-нравственные батюшка читал сам. Я живо помню его чтения и то впечатление, которое они производили на слушателей. Батюшка не удовлетворялся даже теми брошюрами, которые составлены специальной комиссией, находя их слишком вольнодумными; поэтому он выпускал в них все, что хотя скольконибудь могло расширить кругозор слушателей. Читая,

например, о Ломоносове, он пропускал о его научных открытиях и, кроме голых биографических данных, останавливался подробно лишь на его работах по мозаике и перечислял все церкви, в которых находятся мозаичные иконы. Для духовно-нравственных чтений он пользовался какими то монастырскими собеседованиями и вычитывал из них такие истории, по поводу которых слушатели его потом говорили: — «Ну и пули батюшка отливал!» Затаив свое чтение на 1½—2 часа, батюшка предоставлял потом читать мне, предварив слушателей:

— Вот вам еще почитают, послушайте, то же полезно, хотя для души и мало говорит.

В таком же роде были, конечно, чтения и на фабриках моего участка.

Первые годы моей службы у меня была идея создать в наиболее крупном районе участка народный дом для рабочих. Здесь на площади с радиусом в 3 версты было расположено десятка полтора крупных фабрик, рабочие которых или населяли фабричные казармы или ютились по частным квартирам в страшной тесноте и грязи, представляя собою типичное фабричное население, проводящее свободное время в пьянстве и разгуле за отсутствием каких бы то ни было разумных развлечений. В своем первом официальном отчете за 1895 г., говоря, согласно программе отчета, «о нравственности и образовании рабочих», я между прочим отмечал: что «трактиры окружают фабрики со всех сторон: в одном селе, где всего только 15 домов и 3 фабрики с 3000 человек рабочих, находится 4 питейных заведения; в другом соседнем фабричном селе, где рабочих также около 3000, также 4 питейных заведения». Эти села находятся как раз в том районе, о котором я говорю. Казалось так естественным, чтобы фабриканты, злобно жалующиеся на пьянство рабочих и происходящие вследствие того прогулы, дали бы рабочим что-нибудь отвлекающее их от пьянства. Исполнить это было бы очень легко. Построенный на совместные средства фабрикантов, расположенный в центре описываемого района дом, где помещались бы чайная, библиотека, читальня, где устраивались бы чтения и спектакли для рабочих, мог бы сослужить великую службу в деле отвлечения

рабочих от пьянства, в деле их облагораживания и просвещения. Средства для устройства и содержания такого народного дома от каждой фабрики в отдельности потребовались бы сравнительно ничтожные, а непосредственная польза для фабрик от такого учреждения, хотя бы в виде сокращения прогулов, представлялась несомненною. Я начал пропагандировать эту мысль среди фабрикантов, но... ничего из этого, конечно, не вышло. Более откровенные из фабрикантов прямо заявляли, что всякие книжки да спектакли они считают вредными для рабочих, а чай они де могут и дома пить. Большинство же на словах сочувствовало, но ясно было видно, что дальше слов их сочувствие не пойдет. Когда я увидел, что фабриканты не способны на совместные действия даже в таком деле, как устройство шоссейной дороги, ведущей к их фабрикам, не оставалось никаких сомнений, что идея создания народного дома на общие средства фабрикантов безусловно неосуществима. Скорее можно было рассчитывать на то, что некоторые фабриканты в отдельности сделают что-нибудь для рабочих своих фабрик, что до некоторой степени впоследствии и оправдалось, выразившись в виде упомянутых мною библиотек и чтений.

Несколько лет спустя, та же мысль устройства народного дома для рабочих всех фабрик района занимала заведующего одной из фабрик. Распоряжаясь на фабрике, принадлежавшей товариществу, правление которого при фабрике не жило, довольно самостоятельно, он образовал из служащих фабрики оркестр и хор я начал устраивать в фабричном саду гуляния, из которых некоторые были платными. Плата поступала в фонд на постройку народного дома, сюда же поступило несколько пожертвований, в общем составила довольно мизерная цифра рублей в 500. Заведующий этот скоро оставил свое место, а собранные им деньги были внесены в местный уездный комитет попечительства о народной трезвости, где и до сих пор числятся в качестве «фонда на постройку народного дома при селе W».

Мои мечты о народном доме осуществились, впрочем, полностью, но только такой дом явился не в центре фабрично-

го района, а в городе. Правда, и здесь было много фабрик и вместе с городским населением всем, что мог дать народный дом, воспользовалось в значительной степени и фабричное население. В создании этого дома принимали солидное участие и некоторые фабриканты, которые, как будто, оказывались более благосклонными к просвещению, когда оно не касалось непосредственно их рабочих. По крайней мере, один из фабрикантов, сделавший крупное пожертвование на постройку народного дома в городе, не решался дать заведующему свое согласие на открытие библиотеки для рабочих при своей фабрике. Он, несомненно, не жалел средств, даже книги для библиотеки были уже приобретены, но он откладывал открытие ее, опасаясь, что вместе с книгами и просвещением рабочих, у последних явится большая требовательность и с ними труднее будет ладить. И это был человек с высшим образованием.

Это стремление не допустить в рабочую массу ни одного из лучей света, распространяемого знанием, насильно замкнуть кругозор рабочих рамками окружающей их серой жизни, конечно, не могло остаться незамеченным рабочими и нашло надлежащую оценку в их умах при малейшем возникновении у них самосознания. При этом я имею в виду не только те случаи, когда рабочий был лишен всякой возможности получить какую-либо книгу, но и тот подбор допускавшихся в народные библиотеки книг, который не мог дать рабочим ответов на интересующие их вопросы. Следовательно, речь идет не только о фабрикантах, поддерживающих невежество рабочих, но и о всех опекунах народа, заботящихся о том, чтобы народ пребывал во мраке. Во время забастовок 1905 г. на одной из фабрик, как и на большинстве остальных, рабочими были между прочим предъявлены совершенно неосуществимые, нелепые требования, избобличающие полную неосведомленность их и полное непонимание ими затронутых вопросов. Рассматривая эти требования, я сказал:

— Господа! Нельзя же выставлять такие требования! Ведь, они совершенно не имеют никакого смысла. Если бы вы хотя сколько-нибудь были знакомы с вопросом, вы бы сами

поняли, на сколько нелепы ваши требования. Нужно очень много знать, чтобы браться за решение того, что вы думаете решить так сплеча.

И на это я получил такой ответ от одного из рабочих, ответ, проникнутый злобным чувством.

— А кто виноват в том, что нам не давали никаких знаний?! Разве кто-нибудь чему-нибудь нас учил?! Вот теперь пусть и расплачиваются за то, что нас ничему не учили, те, кто в этом виноват!

На эту реплику мне оставалось только пожать плечами и развести руками. Говоривший являлся наиболее развитым среди своих товарищей. Остальные едва ли сумели бы так формулировать свою мысль, по без сомнения, они думали и чувствовали так же, как тот.

Глава X. Работа женщин и подростков

Кроме закона о работе малолетних, до 1894 г. в N-ской губернии применялся еще закон о работе подростков и лиц женского пола. Закон этот касается только фабрик по обработке волокнистых веществ, т. е. производств, особо перечисленных в законе: хлопчатобумажного, полотняного, льнопрядильного, льнотрепального и смешанных тканей.

В этих производствах воспрещается работа подростков в возрасте от 15 до 17 лет и всех вообще лиц женского пола между 9 ч. вечера и 5 ч. утра. В тех промышленных заведениях, в которых введена 18-ти часовая непрерывная работа 2 сменами, ночное время, когда женщины и подростки не могут работать, считается от 10 час. вечера до 4 ч. утра.

Присутствиям по фабричным делам предоставлено по закону право разрешать ночные работы подросткам и женщинам в тех случаях, когда работы исполняются ими «одновременно и совместно с главами их семейств».

Чем руководствовался законодатель, беря под защиту закона только тех женщин и подростков, которые заняты на фабриках по обработке волокнистых веществ, и оставляя вне закона работающих во всех других производствах, — понять довольно трудно. Быть может, мануфактурные фабрики, как наиболее крупные и обнимающие наибольшее число работающих женщин, были поставлены только на первую очередь, а вслед за ними предполагалось подчинить действию закона и все другие заведения. По крайней мере в законе есть такое дополнение: «Действие сего ограничения может быть распространяемо Министром Финансов, по соглашению с Министром Внутренних Дел, и на другие, сверх упомянутых выше, промышленные заведения, с предварением о том фабрикантов до срока обычного найма рабочих». Но в таком случае расчеты законодателя совершенно не оправдались: ни на какие другие заведения закон распространен не был. И до сего времени существует такое по меньшей мере странное положение: на бумагоотделочной, например, фабрике (фабрика для отделки бумажных тканей) женщины в ночное время не имеют права

работать, а на соседней с ней писчебумажной фабрике работают на вполне законном основании, между тем и тут, и там они исполняют совершенно одинаковую работу, например, у сушильных барабанов и каландр.

Писчебумажные и иные фабриканты, разумеется, не претендовали на то, что закон оставил их в стороне. Но и мануфактуристы, по-видимому, скоро примирились со своим исключительным положением. В 1894 г. я застал уже на фабриках N-ской губернии вполне добросовестное выполнение закона. Почти все фабрики работали в то время, как я уже упоминал, 24 часа в сутки; рабочие были разделены на 2 смены; одна из них состояла исключительно из взрослых мужчин, которые работали 8 часов сряду ночью (от 9 ч. вечера до 5 ч. утра) и 4 часа днем (обыкновенно от 11 ч. утра до 3 ч. дня); во второй смене были почти исключительно женщины и подростки, они работали днем в 2 приема по 6 часов. Рабочие ночной смены именно за то, что им приходилось работать ночью, получали всегда большую плату сравнительно с рабочими дневной смены; при сдельных расценках разница составляла 15-20%. Разницу в плате собственно и можно объяснить сей, почему в ночную смену не могли попасть женщины и подростки: этого не допустили бы взрослые мужчины, очень ревниво относившиеся к своей привилегии работать ночью. Могло бы это случиться разве в том случае, если бы не доставало мужчин на целую смену. Но, повторяю, нарушения закона о работе женщин и подростков мне не случалось наблюдать. Не было также заметно стремления у фабрикантов воспользоваться статьей, на основании которой Присутствиям предоставлено разрешать ночную работу женщин и подростков. В моей практике за все время был только один случай, когда фабрика обратилась с такой просьбою к Присутствию. Разрешение было дано — это происходило еще при губернаторе S.; но фабрика в виду изменившихся обстоятельств разрешением этим не воспользовалась.

Для характеристики того, насколько мужчины ревниво относятся к своему заработку и следят за тем, чтобы женщины не заработали больше их, приведу такой пример. С одной

фабрики я получаю жалобу от рабочих мужчин на то, что женщины работают больше положенного для них времени. Это было еще тогда, когда фабрики работали круглые сутки, т.е. до издания закона 2 июня 1897 г., и происходило летом. Приезжаю на фабрику и расследую. Оказывается, что взрослых мужчин по случаю летнего периода на целую ночную смену не достает и часть женщин работает без сменщиков; по расписанию они должны работать 12 часов в 2 пряжки по 6 часов, в промежутке между ними должны работать мужчины; следовательно станки (дело происходит на ткацкой фабрике) тех женщин, у которых нет сменщиков, должны оставаться в простое как ночные часы, так и 4 часа днем; и вот эти женщины перестали уходить в промежуток, положенный между их сменами, домой и начали работать сплошь 16 часов, с 5 ч. утра до 9 ч. вечера. Заработок, благодаря этому, у них значительно увеличился и превзошел, несмотря на более низкий расценки, заработок мужчин. Последним это показалось обидным и они принесли жалобу. Почти все женщины, бывшие на такой усиленной работе, оказались вдовами с многочисленными детьми. Запретить работать лишние часы в то время не было никаких законных оснований, и я мог только убеждать женщин не изнурять себя так работой; но женщины со слезами на глазах просили, чтобы им не препятствовали работать лишнее время, объясняя, что без этого лишнего заработка им трудно содержать семью, что на здоровье их работа не влияет и что мужчины только из зависти хотят лишить их возможности больше заработать. Первому и последнему можно было поверить, потому что и мужчины в своих объяснениях не скрывали своей обиды на то, что женщины больше их зарабатывают.

Описанный факт, подтверждая прежде всего мою мысль, что мужчины сами не допустят, чтобы женщины работали в ночной смене, вместе с тем свидетельствует о том, насколько у рабочих в то время еще мало было развито сознание вреда продолжительной работы. Правда, здесь в роли защитников продолжительного рабочего дня выступают элементы наименее развитые и наименее обеспеченные; но мне пришлось встречаться и с такими случаями, когда не придавалось значе-

ния сокращению рабочего времени рабочими, которые должны бы были более осмысленно относиться к этому вопросу. На этих случаях мне еще придется останавливаться в дальнейшей части записок. Конечно, этим фактам противопоставляются многочисленные случаи обратного отношения рабочих к тому же вопросу.

Я упоминал, что при сменной суточной работе мужчины, работая в ночное время, получали на 15-20% дороже, чем женщины. На практике для определения заработка тех и других применялся такой прием. Расценок сдельной платы назначался общий как для мужчин, так и для женщин, во в расценке же оговаривалось, что из заработка женщин вычитается 7%-10% и прибавляется к заработку мужчин. Положим, мужчина и женщина, сменяясь друг с другом, заработали вместе на известной паре станков в течение месяца 24 рубля; заработок этот делился пополам и затем из доли женщины вычитался указанный процент, например 10%, и прибавлялся к заработку мужчины; следовательно в приведенном примере женщина получала 10 р. 80 к., а мужчина 13 р. 20 к. Отсюда видно, насколько обделялась при этом женщина, которая к тому же и товара вырабатывала, несомненно, больше, чем мужчина, так как она во-первых вообще прилежнее, а во-вторых работала днем, а не ночью, когда работа бывает менее спора. С установлением одинаковых условий работы для мужчин и женщин, при введении 18-ти часовой работы, заработок женщин часто стала, превышать заработок мужчин, конечно, при всех иных равных условиях.

Описанный порядок расчета, практиковавшийся вероятно долгие годы, стал наконец вызывать неудовольствие рабочих; исходило это неудовольствие всегда от мужчин, но защищали они при этом интересы женщин; в конце же концов все сводилось к требованию увеличения платы. Для меня только не ясно, понимали это сами рабочие или нет. Мужчины начали выражать претензию на то, что им за ночные работы прибавляется не от конторы, а идет за счет их сменщиц-женщин и настаивали на том, чтобы из заработка женщин вычетов не делали. Фабриканты легко могли удовлетворить желание мужчин без

всякого ущерба для себя; для этого нужно было только так составить расценки, чтобы женщине приходилось получить по расценкам столько, сколько она получала за вычетом процентов, и тогда можно было уже прибавлять соответствующий процент к заработку мужчин от конторы. Этим путем требование мужчин, которые при своих заявлениях обыкновенно оговаривались, что не добиваются увеличения расценок, формально было бы удовлетворено; по существу дело этим не устраивалось, так как при этом понижались бы цены в расценках, что могло вновь вызвать неудовольствие. Фабриканты принуждены были таким образом, прекратив вычеты из заработка женщин, прибавлять проценты к заработку мужчин от конторы, т.е. в сущности увеличить расценки. Произошло это, можно сказать, мирным путем, почти без всяких забастовок. Фабриканты, очевидно, потому шли охотно на эти уступки, что происходило это накануне введения закона 2 июня 1897 г., перед ожидавшимся прекращением ночных работ.

Глава XI. Закон о продолжительности и распределении рабочего времени

Еще за долго до издания закона 2 Июня 1897 г. «о продолжительности и распределении рабочего времени» фабриканты моего участка, когда мне приходилось беседовать с ними о необходимости сокращения чрезмерно длинного рабочего дня, существовавшего на фабриках, высказывались в том смысле, что они ничего не имеют против законодательного урегулирования этого вопроса. — Пусть закон прямо скажет, чтобы не работать по ночам, мы этому будем только рады: ночная работа тоже для нас не выгодна! — говорили они. — Пусть закон запретит работать больше определенного числа часов и отлично будет. Тогда по крайней мере все будут на одном положении, никто больше другого не переработает.

Трудно сказать, насколько искренни были фабриканты, высказывая такие мысли, но в известной доле искренности, я думаю, им нельзя отказать. Когда наконец появился закон 2 июня, создавший чрезвычайно неопределенное положение для производства ночных работ, фабриканты выражали свое неудовольствие на закон уже самым искренним образом.

— И что это наделали?! — Жаловались они. — Ни два ни полтора! Установили бы прямо 18-ти часовую работу в 2 смены, — только приятно было бы всем. А теперь всякий по-своему будет работать; вот и следи, чтобы конкурент тебя не обогнал.

Закон, нормирующий рабочее время, явился, нужно думать, последствием громадных стачек, бывших в Петербурге в мае 1896 г. и сопровождавшихся требованием 8-часового рабочего дня. До этого момента министерство, по-видимому, нимало не думало об этом вопросе и даже не располагало никакими данными относительно существующей продолжительности рабочего времени на наших фабриках. Я имею основание так думать, потому что в июне 1896 г. инспектора получили; секретный циркуляр, которым требовалось немедленно представить подробные сведения по участку о продолжительности и распределении рабочего времени, случаях

совращения его, заработной плате в зависимости от рабочего времени и пр., словом требовалось сообщить все, что могло быть включено в спешно выработанную программу сведений по вопросу об урегулировании рабочего времени. Я помню, что при составлении ответа на этот циркуляр я просидел, не вставая с места, целый день с раннего утра до поздней ночи, до такой степени спешно нужно было на него отвечать. Для ответа можно было воспользоваться, конечно, только тем материалом, который был под рукою. К счастью, я располагал довольно подробным материалом, но легко могло случиться, что никаких более или менее точных данных, кроме тех, которые содержатся в утвержденных инспекторами правилах внутреннего распорядка, у инспектора не имеется, так как никакими предварительными распоряжениями инспектора не обязывались собирать вдруг потребовавшиеся министерству сведения². Повторяю, циркуляр был секретный. Почему-то министерство сочло нужным избегать всякой огласки предпринятой им работы по урегулированию рабочего времени. Мало того, оно приняло все меры к тому, чтобы вопросы, связанные с рабочим временем, не поднимались ни в обществе, ни в литературе. Как раз в это время была нижегородская всероссийская выставка и при ней происходил торгово-промышленный съезд. В программе съезда стоял вопрос о воскресном и праздничном отдыхе рабочих. По этому вопросу была представлена масса докладов и секция, в которую входил этот вопрос, обещала быть одною из наиболее интересных. И вот в самый разгар съезда вдруг стало известно, что все эти доклады снимаются с очереди. Интересующиеся вопросом члены съезда по этому поводу поволновались, но даже не могли получить официального разъяснения того, чем вызвано такое распоряжение. Стороной узнали, что Министерство

2 Любопытно, что в первых программах отчетов инспекторов, при чрезвычайном обилии всевозможных вопросов, нет ни одного вопроса, касающегося рабочего времени. Об этих отчетах я еще буду говорить.

Финансов боится, чтобы обсуждение вопроса на съезде не повредило начавшейся работе по законодательному урегулированию рабочего времени.

В то время, когда петербургские рабочие добивались 8-часового рабочего дня, на фабриках моего участка не было заметно еще никакого намека на движение в целях сокращения рабочего времени. Весною 1897 г. у меня на одной крупной фабрике была продолжительная и очень упорная забастовка, но даже и тогда в числе требований рабочих не было ни одного, касающегося сокращения рабочего времени. И только в октябре этого года, когда уже был опубликован «закон о продолжительности и распределении рабочего времени», на 3-х фабриках участка были предъявлены поддержанные 2-х недельной забастовкой требования об установлении с 1-го января 1898 г. 18-ти часовой работы. Еще раньше этого, именно в августе месяце, я объезжал фабрикантов с целью выяснить их намерения относительно установления рабочего дня с 1-го января, когда вступал в силу закон 2 июня. Мне хотелось при этом добиться, чтобы фабрики перешли именно к 18-ти часовой работе и чтобы применение закона было сделано возможно однообразнее на всех фабриках, дабы не допустить поводов для неудовольствия рабочих на отдельных фабриках, где могли быть условия менее для них благоприятные. В то время мне пришлось всюду слышать один ответ: «мы еще не знаем, как», да «посмотрим, как у других» и т.п. В конце концов они приняли довольно однообразный порядок, только далеко не такой, какой был желателен.

Впрочем об этом после; сначала посмотрим, какова была продолжительность рабочего дня на наших фабриках до 1-го января 1898 года.

Если не по числу фабрик, то по числу рабочих, преобладающею в значительной степени работою являлась в то время суточная при 2-х комплектах рабочих, следовательно, для каждого отдельного рабочего рабочий день равнялся 12-ти часам.

Распределение смен на мануфактурных фабриках, где запрещена ночная работа женщин и подростков, указано было иною в предыдущей главе. В других производствах, а также на мануфактурных фабриках в тех отделениях, где работали одни взрослые мужчины, смены чередовались или через 8 часов, или через 6 часов или наконец через 12 часов. На праздники работа обычно кончалась в 6 часов утра праздника. На химических же заводах для рабочих, занятых непрерывной работой, не полагалось никаких праздников, никаких свободных дней. При дневной работе в одну смену продолжительность рабочего дня колебалась в пределах от 12 до 14½ часов; преобладал 13½ часовой рабочий день, при этом работа начиналась в 5 часов утра и оканчивалась в 8 час. вечера с перерывом в 1½ ч. на обед.

Иногда окончание работ назначалось в 9 час. вечера и в этом случае, сверх обеденного перерыва, полагалось еще время на чай 2 раза в день по получасу. Но рабочие, занятые сдельной работой, обыкновенно этим временем для отдыха не пользовались, так как машины на это время не останавливались, и пили чай, не отходя от машин, сбегав лишь к кубу за кипятком; таким образом в действительности продолжительность рабочего дня для них равнялась 14½ часам. Кроме того, на некоторых фабриках практиковались еще сверхурочные работы; например, вместо положенного окончания работ в 8 ч. вечера работа кончалась в 12 час. ночи, вследствие чего рабочий день оказывался уже равным 17½ часам; за лишние 4 часа работы рабочие, сверх сдельного заработка, получали по 10 копеек. Обыкновенно это происходило перед Нижегородской ярмаркой и во время ее.

Только одна фабрика в моем участке до 1898 г. перешла с 13½ часовой дневной работы на сменную 18-ти часовую. Интересно отметить, что при этом, при сокращении продолжительности работы отдельного рабочего на 33% и одновременном возвышении расценка сдельной платы на 20%, заработок рабочих понизился приблизительно на 9%, следовательно, производительность труда возросла на 4%. Впоследствии мне пришлось наблюдать переход от суточной работы к 18-ти

часовой, с прекращением ночных работ; в этих случаях увеличение производительности труда было значительно больше.

Чрезвычайно оригинальным было распределение рабочего времени на заводах, вырабатывающих валяную обувь. Несмотря на все старания инспекторов, установить здесь вполне определенные часы работы оказалось невозможным. Большинство рабочих на этих заводах получает поурочную плату, почти все рабочие местные крестьяне, имеющие крайне захудалое, но все-же свое хозяйство. И вот они в завод на работу являются в 2—3 часа ночи, работают без всякого перерыва, тут же за работой пожевав корку хлеба, до окончания своего урока и расходятся по домам в 2—3 часа дня, чтобы успеть еще засветло поработать около своего дома; так по крайней мере объясняется и владельцами, и некоторыми рабочими такое странное распределение рабочего дня. Очень может быть, что в настоящее время, особенно зимою, для многих из рабочих за полным разорением своего хозяйства никакого дела дома нет и они смело могли бы вставать позднее и не превращать ночь в день, но такова уже сила привычки.

Закон 2 июня 1897 года «о продолжительности и распределении рабочего времени», вступивший в силу с 1 января 1898 года, в самых общих чертах состоит в следующем. Рабочие, работающие исключительно в дневное время, каковым считается время с 5 ч. утра до 9 ч. вечера, могут быть заняты работою не более 11½ часов в сутки, накануне же воскресных и праздничных дней не более 10 часов; рабочие, работающие хотя бы частью в ночное время, могут работать не более 10 часов в сутки. Между работою должны быть перерывы для отдыха. Устанавливается обязательный отдых по воскресным и некоторым праздничным дням. (Таких вначале было 14, потом прибавлено еще 2 дня). В производствах непрерывных, а также для некоторых служб в прерывных производствах, например, при уходе за паровыми котлами, допускается 12-ти часовой рабочий день и работа по праздникам, но с тем, чтобы рабочие освобождались от работы 4 раза в течение месяца на 24 часа сряду. Непрерывным работам составлена, был особый список, в который, кстати сказать, вошли и такие производства, кото-

рые далеко не обладают всеми необходимыми признаками непрерывности, например, некоторые операции на пшечубо-мажных фабриках. На ряду с этим допускаются особые сверхурочные работы. Об этих последних я буду говорить дальше особо. За нарушение закона никаких наказаний не установлено. Закон этот, благодаря главным образом двум последним обстоятельствам, т.е. допущению сверхурочных работ и отсутствию наказаний за нарушение, явился чрезвычайно несовершенным, но все-же он был известным шагом вперед сравнительно с царившим прежде полным произволом в этой области. В ближайшие же годы жизнь, однако, еще быстрее шагнула вперед и скоро требования, предъявляемые ею, оставили далеко позади себя этот закон.

Наши фабриканты, работавшие до 1898 г. круглые сутки, но в то же время так много говорившие об удобствах и желательности 18-ти часовой работы, при введении закона 2 июня 1897 г. не решились, однако, перейти к 18-ти часовой работе, а постарались использовать закон возможно полнее. Для этого они ввели в расписание рабочего времени $11\frac{1}{2}$ часов работы днем и 10 часов ночью, т.е. допускаемые законом пределы. Таким образом фабрики останавливались в сутки лишь на $2\frac{1}{2}$ часа; остальные часы, с 5 ч. утра до $2\frac{1}{2}$ ч. ночи, распределялись, как и прежде, на 4 смены: мужчины работали с 9 ч. вечера до $2\frac{1}{2}$ ч. ночи и еще $4\frac{1}{2}$ ч. днем, а женская смена с 5 ч. утра до $11\frac{1}{2}$ ч. дня и с 4 до 9 ч. вечером. На фабриках и заводах, на которые не распространяется и действие закона о работе женщин и подростков, и на которых, следовательно, ночные и дневные смены могут чередоваться, распределение смен осталось прежнее, только были установлены перерывы в работе как в ночное, так и в дневное время. Заведения, работающие в одну смену, естественно, сократили рабочее время до $11\frac{1}{2}$ часов.

В непрерывных производствах все осталось по-старому, т.е. та же 12-ти часовая работа для каждой смены, и даже свободными днями рабочим не пришлось воспользоваться, так как, за быструю отменой ограничений в пользование сверхурочными работами, на и этих заводах установился такой

порядок, что рабочие были заняты работой на основаниях сверхурочной необязательной работы все те дни, в которые они должны бы быть свободны от работы. Итак, заметное сокращение рабочего времени получилось только для рабочих, работающих в одну смену: вместо 13 и более отныне и они стали работать только 11½, а по субботам и накануне других праздников 10 часов; число часов недельной работы определилось для них таким образом в 67½ часов. Относительно праздничной работы закон не внес решительно никаких изменений. На наших фабриках (не считая, конечно, заводов с непрерывным производством) и до введения закона работы не производились не только по воскресеньям и двенадцатым праздникам, но и во все более или менее чтимые церковные праздники, вроде Николина, Иванова, Ильина и т.п. дней; кроме того, на некоторых фабриках бывали еще свои местные праздники. В общем на наших фабриках, принимая во внимание, что они не работали также половину страстной и всю пасхальную неделю, насчитывалось около 280 рабочих дней в году; так оно осталось и после введения закона. В соседнем фабричном районе была даже попытка сократить число праздников; она не удалась благодаря протесту рабочих.

Введение закона в моем участке не сопровождалось никакими сколько-нибудь серьезными осложнениями в виде забастовок, волнений рабочих и т.п.; это последовало несколько позднее. Сокращение рабочего времени не должно было, разумеется, повести за собою уменьшение заработка рабочих. Для получающих поденное или месячное жалование вопрос этот решался совершенно просто: для них остался прежний оклад.

На сдельные расценки была сделана прибавка в размере приблизительно соответствующем уменьшению рабочего времени, несколько меньше того; предполагалось, что производительность труда с сокращением часов работы поднимется и рабочие заработают столько же, сколько зарабатывали прежде. При сменной работе в 21½ часа на сдельные расценки мужчинам за ночные работы была оставлена прибавка в 5% помимо того, что при распределении общего заработка сменщиков

пополам, они за 10 час. работы получали столько же, сколько женщины и подростки за 11½ часов.

При издании закона 2 июня 1897 г. число часов сверхурочной необязательной работы для каждого отдельного рабочего было ограничено 120-ю в течение года; по, кажется, менее, чем через ½ года, это ограничение было отменено и владельцы получили право по соглашению с рабочими занимать их сверхурочною работою сколько угодно. Казалось бы, для фабрик явилась полная возможность снова перейти к суточной работе. Попытки к этому и были, по кончились они довольно неудачно. Препятствие встретилось в чисто формальных требованиях закона. Дело в том, что сверхурочною работою, согласно букве закона, считается работа в такое время, когда по правилам распорядка рабочий должен быть свободен от работы. Изменять расписание рабочего времени, передвигать смены и т.п. при пользовании сверхурочными работами оказывается невозможным, так как работы эти необязательны, каждый рабочий в любое время может отказаться от них и работать только в часы, установленные правилами распорядка. Следовательно, можно только надставлять часы сверхурочной работы к часам нормальной, урочной работы. Для мануфактурных фабрик, работающих 21½ час, являлось возможным использовать для сверхурочных работ только часы от 2½ ч. ночи до 5 ч. утра; женщины и подростки в эти часы работать не могут; оставалось увеличить работу мужчин на 2½ часа. Сделать это оказалось не так-то легко. Мужчины или совершенно отказывались от этой работы, или просили за нее такую прибавку, на которую фабрики не решались идти. И у меня в участке за все время было только 3 случая, когда фабрики после 1898 г. работали круглые сутки; происходило это исключительно во время великого поста, когда рабочие вообще работают особенно усердно и когда им интересно заработать возможно больше перед пасхальной остановкой фабрик. За эти сверхурочные работы мужчинам делались прибавки сверх расценки 25%.

Что касается пользования сверхурочными работами в заведениях, работавших в одну смену 11½ часов, то здесь эти

работы практиковались в довольно широких размерах и законно и незаконно; но об этом я буду говорить после.

Прошло однако не более 2-х лет, как фабрики начали расставаться с работою в 21½ ч. и переходить на 18-ти часовую работу. Отчасти это было вызвано бывшими на некоторых фабриках забастовками, на которых рабочие предъявляли требование о введении 18-ти часовой работы, главным же образом фабриканты отказывались от 21½-часовой работы, потому что не находили достаточного количества взрослых мужчин для ночных смен: фабрики с 1897 г. под влиянием того же закона значительно расширились, требование на рабочие руки сильно возросло, и весь наличный состав рабочих-мужчин быстро был израсходован.

То, на что не решился законодатель, сделала сама жизнь. 18-ти часовая работа на всех фабриках распределялась на 2 смены по 9 часов: одна смена работала с 4 часов утра до 1 ч. дня и другая с 1 ч. дня до 10 ч. вечера без перерывов; рабочим предоставлялось лишь право пить чай за работой, к чему они и прибегали неукоснительно, так как без чая, как возбуждающего средства, провести 9 часов за утомительной, требующей напряженного внимания работой на прядильных или ткацких фабриках было бы немислимо. Фабриканты не прочь были бы установить и другое распределение смен, некоторые из них даже довольно настойчиво старались ввести 3-х сменную работу, при которой каждая смена рабочих один день была бы занята 12 часов, а следующий день только 6 часов (законом это допускается). Но рабочие протестовали против такого распределения и настаивали всегда на 9 часовых сменах. Последние представляли для них то удобство, что при них они приходили на фабрику только один раз в день и каждый день имели 15 свободных часов сряду. Особенно интересно это было для рабочих, живущих вдали от фабрики по своим деревням. Не говоря уже о том, что они не тратили времени на лишний переход, летом они после работы на фабрике могли заниматься еще полевыми работами.

Переход к 18-ти часовой работе совершился не одновременно на всех фабриках, даже отдельные фабрики не сразу

порвали с прежним порядком работ. В течение 1-2 лет некоторые фабрики летом работали по 18 часов, а зимой, когда рабочих рук больше и когда рабочие менее требовательны, возвращались снова к работе в 21½ час.

При переходе к 18-ти часовой работе фабрикантам пришлось, разумеется, вновь увеличивать расценки, но это увеличение не компенсировало вполне потери заработка от сокращения рабочего времени. Рабочее время сокращалось приблизительно на 17%, расценки же увеличивались на 10—12%, при чем прибавка делалась к женскому, а не мужскому расценку. Мужчины с уничтожением ночных работ теряли все свои преимущества и переходили на равное положение с женщинами. Таким образом, если женщины при введении 18-ти часовой работы бесспорно выигрывали от сокращения рабочего времени, почти ничего не потеряв в заработке, то для мужчин новый порядок, благодаря весьма ощутительному для них уменьшению заработка, обходился довольно дорого. Можно поэтому попятить те случаи, когда рабочие во время забастовок, возникших на некоторых фабриках вследствие недовольства новыми расценками, введенными при переходе к 18-ти часовой работе, выражали желание сохранить прежний порядок работ, лишь бы не потерять своего заработка. Когда при подобных случаях я говорил рабочим: — «Неужели же вы ни во что не цените, что теперь вы будете работать уже не 10 часов ночью, а 9 часов и только днем?» Рабочие отвечали: — «И что же?! Мы все равно согласны и ночью работать». Да не подумает читатель, что это происходило на таких фабриках, где были настолько низкие заработки, что рабочие уже не могли мириться с их понижением. Нет, заработки здесь не были ниже обычной, существовавшей в то время, нормы. Конечно, здесь, как и на других фабриках, всякое понижение заработка было весьма ощутительно для рабочих, но на других фабриках рабочие мирились с этим, придавая большее значение сокращению рабочего времени и уничтожению ночных работ и вероятно, рассчитывая, — быть может и не вполне сознательно, — на то, что и при сокращенном рабочем времени заработок скоро дойдет до своей нормы, как то и случилось в дей-

ствительности. Приведенный мною пример свидетельствует лишь о том, что в описываемое время часть рабочих еще совершенно не разбиралась в вопросе о том, какое значение имеет для них сокращение рабочего времени.

Итак, с 1900 г. в моем участке установился такой рабочий день: для сменных рабочих мануфактурных фабрик 9 часов, для всех рабочих, работающих в одну смену, 11½ часов и для рабочих, занятых непрерывным производством, а также работами по уходу за паровыми котлами, сторожевою службою и т.п., 12 часов. Дальнейшее крупное сокращение рабочего дня для денных рабочих последовало в 1906 г., когда под влиянием грандиозных забастовок предыдущего года, фабриканты уменьшили рабочее время с 11½ до 10 часов. Но и в промежуток времени между 1900 и 1906 г. были случаи частичного сокращения рабочего дня. Так, почти все крупные фабрики для кочегаров установили 3-х комплектную работу, при которой для каждого отдельного рабочего рабочий день равнялся только 8 часам. Таковую же 3-х комплектную работу ввели некоторые химические заводы и писчебумажные фабрики в отделениях непрерывных производств.

Для ремонтных рабочих, — слесарей, токарей и т.п., — при крупных мануфактурных фабриках и на некоторых механических заводах рабочее время было уменьшено с 11½ до 11, 10½ и даже 10 часов. По отношению к рабочим, занятым при 18-ти часовой сменной работе, в 1906 г. на всех фабриках окончание работ накануне праздничных дней установлено было в 6 ч. вечера, так что в эти дни рабочее время для отдельного рабочего сокращалось до 7 часов. Но этот же порядок на многих фабриках введен был еще до 1905 г.³

3 Я имею большие основания утверждать, что существовавший в моем участке рабочий день и эволюция в этом деле являются общими с тем, что имело место в этом отношении во всем обширном Московском районе.

Что же делало за это время наше законодательство? Старалось ли оно по крайней мере поспевать за жизнью? Далеко нет. Только в 1906 г. впервые появляется законопроект о дальнейшем сокращении рабочего времени. В это время 10-ти часовой рабочий день для дневных рабочих был уже как бы узаконен жизнью; в непрерывных производствах 8-часовой рабочий день был уже нередким исключением. Проект же предусматривал только 10½ часовой рабочий день для дневных рабочих и оставлял те же 12 часов работы для непрерывных производств. Но и этот проект до сих пор ходит по различным междуведомственным и иным совещаниям я неизвестно еще, когда ему суждено стать законом⁴.

Если в общем фабрики шли впереди закона в вопросе о сокращении рабочего времени, то это не значит, что в отдельных случаях не было попыток превзойти установленные законом нормы. К этой цели между прочим вело такое распределение рабочего времени при дневной работе, когда устанавливались короткие промежутки между работой для завтрака и чая; во время этих перерывов рабочие не покидали фабрик и фактически работы не прекращались. Особенно легко было это делать тогда, когда на фабрике одновременно были и сменные и дневные работы; в этих случаях паровая машина не могла останавливаться во время перерыва в работе дневных рабочих и потому последние могли работы не прекращать; при сдельной плате они проделывали это очень охотно. Не утверждать таких расписаний рабочего времени не было никаких законных оснований, а вместе с тем очень трудно было уследить за тем, чтобы перерывы в работе действительно соблюдались.

Бывали также случаи, когда для удлинения рабочего времени паровая машина на фабрике пускалась раньше назначенного времени.

4 Между тем последние годы (1908-9), пользуясь угнетенным состоянием рабочих, фабриканты проявляют склонность вновь удлинять рабочий день.

Любопытный пример такого маневра мне пришлось наблюдать на одной крупной ткацкой фабрике. Получаю я анонимную жалобу о том, что на этой фабрике работы продолжаются больше 11½ часов. Произведенным мною расследованием было установлено, что машина пускается в ход с утра за ½ часа, а после обеда за ¼ часа до определенного правилами распорядка времени и тотчас же большая часть рабочих приступает к работе. Заведующий в свое оправдание объясняет, что он не принуждает рабочих начинать работу раньше назначенного времени, а машина пускается раньше для того, чтобы «успела обойтись». Однако из объяснений рабочих ясно было видно, что, если они и не принуждаются, то во всяком случае им рекомендуется не выжидать назначенного времени, а пускать станки тотчас же, как пойдет машина. Весьма возможно, что некоторые рабочие делали это вполне добровольно, зато другие были этим обстоятельством весьма недовольны. Как бы то ни было, факт нарушения закона устанавливался совершенно определенно. Я составляю протокол и привлекаю заведующего к ответственности, но не за то, что он допустил работу сверх норм, определенных законом, — за это закон не установил никакого наказания, — а за чисто формальное нарушение, — неведение учета происходящих вследствие таких переработок сверхурочных работ. Присутствие применило к заведующему высшую меру наказания, наложив на него взыскание в размере 100 рублей. Через несколько месяцев мне пришлось, однако, вновь составлять аналогичный протокол на той же фабрике, так как прежний порядок не прекратился; и даже после вторичного оштрафования заведующего я слышал со стороны упреки в том, что фабрика работает больше законных часов.

Позволю себе рассказать здесь в виде иллюстрации к положению рабочих о том, какие последствия для одного из рабочих имел описанный мною случай раскрытия нарушения закона о продолжительности рабочего времени; случайно вся эта история стала мне известна во всех подробностях. Для выяснения вопроса мною было вызвано в контору несколько рабочих, без всякого выбора, наудачу взятых по именному

списку, как я и всегда делал в подобных случаях. Опрос велся, конечно, в отсутствие заведующего. Рабочие дали вполне откровенные объяснения. Что и кто из них показывал, для заведующего должно было остаться неизвестным. Но нашелся один рабочий, который донес заведующему, что такой-то много говорил инспектору. Заведующий, придравшись к тому, что этот оговоренный рабочий не явился на работу один день, увольняет его с предупреждением за две недели. С огорчения рабочий, прежде не пивший, напивается и в пьяном виде затевает в фабричных казармах ссору с доносчиком; на него нападает несколько человек; защищаясь, он вынимает нож и ранит одного из рабочих. Тогда заведующий увольняет с фабрики и жену провинившегося; тот кланяется и умоляет, чтобы жену оставили на работе, клятвенно обещая, что сам он никогда не придет в казармы; но все просьбы его ни к чему не ведут. Устроиться самому на другой фабрике виновный ни в каком случае не может рассчитывать и потому не делая попыток в этом направлении, начинает торговать яблоками, воспользовавшись накопленным капиталом в 50 рублей. Жена ищет место на других фабриках, но долго нигде не находит; наконец ее принимают на одну из фабрик, но через день возвращают паспорт, объявляя, что не могут держать ее, так как ее муж замечен в тяжком проступке.

Вот истинная и довольно обычная история, являющаяся вместе с тем прекрасной темой для рассказа из жизни рабочих.

Глава XII. Сверхурочные работы

Закон разделяет сверхурочные работы на две категории: обязательные и необязательные работы. К первым относятся такие работы, которые являются необходимыми по техническим условиям производства и относительно которых оговорено особо в правилах внутреннего распорядка. Это будут, во-первых, такие непредвиденные работы, без предварительного исполнения которых фабрика не может быть пущена в ход или которые не могут быть произведены в рабочее время без остановки фабрики или какого-либо отделения ее и, во-вторых, работы в тех случаях, когда без порчи материала или товара нельзя прекратить работу после истечения нормального рабочего времени. Ремонт паровой машины, приводов, крупного исполнительного механизма, обслуживающего целое отделение, и т.п. в неурочное время будет, следовательно, вполне подходить под понятие обязательной сверхурочной работы. Действительно, если не сделать необходимых исправлений в подобного рода случаях в нерабочее время, то фабрику нельзя будет пустить в ход. С другой стороны, если, например, на литейном заводе по каким-либо непредвиденным обстоятельствам не кончилось литье ко времени, назначенному для окончания работ, то продолжение работы является обязательною сверхурочною работою, так как прекратить не окончившееся литье невозможно. От производства сверхурочных обязательных работ рабочие не имеют права отказываться. Вознаграждение за эти работы должно быть определяемо при найме рабочих. Обычно за обязательные сверхурочные работы назначается плата, превышающая плату за нормальное рабочее время в $1\frac{1}{2}$ раза. Всякие другие сверхурочные работы являются для рабочих необязательными; рабочий имеет право согласиться на них или не согласиться и, согласившись, имеет право во всякое время отказаться. Относительно платы за сверхурочные необязательные работы заведующий должен всякий раз особо договариваться с рабочими, которые имеют право спросить любую цену. На деле, конечно, все это складывается по-иному и гораздо проще: заведующий объявляет о сверх-

урочных работах и назначает плату за них и возражений со стороны рабочих почти никогда не встречается; насколько их согласие при этом бывает действительным, а не вынужденным, — это вопрос иной.

Всем производящимся в заведении сверхурочным работам заведующий обязан вести точный учет и о производстве их уведомляет инспектора. Форма книг для записи сверхурочных работ должна вырабатываться заведующим и утверждаться инспектором, но фактически нам, инспекторам, пришлось самим выработать эти формы и предложить их фабрикам. Как увидит читатель дальше, книги эти имели громадное значение, почему я о них и упоминаю.

При издании закона 2 июня 1897 г, производство сверхурочных необязательных работ было ограничено, как я уже упоминал, 120 часами в год для каждого отдельного рабочего. Это было громадным стеснением для фабрик, но продолжалось это стеснение недолго. Были ли соответствующие ходатайства фабрикантов или министерство само почувствовало конфуз от проявленной было им нелюбезности по отношению к предпринимателям, — не знаю, но только ограничение это было очень скоро отменено. Было признано, что раз имеется согласие рабочих, то нельзя стеснять стороны какими бы то ни было ограничениями. Впрочем, через несколько лет взгляды правящих сфер на этот вопрос снова меняются; в 1903 г. издается новое изменение правил о сверхурочных работах: необязательные сверхурочные работы всем заведением, целым его отделом или значительными группами рабочих, согласно этой новелле, допускаются не иначе как с особого в каждом отдельном случае разрешения местного по фабричным и горнозаводским делам присутствия. Лишь в случаях особых обстоятельств, вызывающих необходимость немедленно приступить к сверхурочным работам, фабрика может не ожидать разрешения Присутствия и пользуется сверхурочными работами на основании временного разрешения, выдаваемого инспектором. Здесь крайне любопытно выражение «значительными группами рабочих». Что разуметь под «значительной группой?» Вопрос этот был решен таким образом: для каждого промыш-

ленного заведения в отдельности, в зависимости от его размеров, инспектором определялось особо предельное число рабочих, которые одновременно могли быть занимаемы сверхурочною работою. Разумеется, все это было более или менее субъективно; в среднем 5—10% общего числа рабочих считалось уже значительною группою. Такие нормы устанавливались на губернских совещаниях фабричных инспекторов.

Установление новых правил, требование испрашивать разрешение на производство сверхурочных работ у Присутствия заметно сократило пользование сверхурочными работами, но далеко не искоренило их. Во-первых, Присутствия довольно легко давали разрешения, а во-вторых, фабрики ровно ничем не рисковали, просто не исполняя этих требований. Конечно, более или менее солидные, приличные фабрики не прибегали к такому примитивному способу обхода закона; но менее разборчивые в средствах фабрики нисколько не стеснялись. Был, например, такой случай. Приезжает ко мне заведующий одною довольно крупною ткацкою фабрикою и просит разрешить ему сверхурочные работы в течение нескольких дней во всем приготовительном отделе. Я разъясняю, что за разрешением нужно обратиться к Присутствию, так как я не имею права давать таких разрешений.

— Это долго ждать! — говорит заведующий, — да, может быть, Присутствие еще и не разрешит. Ну, а если мы без всякого разрешения будем работать, тогда что будет?

— Тогда я составлю об этом протокол и вас оштрафуют, — отвечаю я. — Только я полагаю, что Вы этого не будете делать.

— А там мы посмотрим! — заявляет заведующий и уезжает. Через несколько дней я приезжаю на фабрику и нахожу, что сверхурочные работы действительно производились. На мое счастье, заведующий не догадался записать их в книгу сверхурочных работ и по этому поводу мною был составлен протокол, по которому Присутствие и оштрафовало заведующего. Будь заведующий сообразительнее, запиши он эти работы куда следует, и его проступок, его сознательное нарушение закона осталось бы совершенно безнаказанным, а мои угрозы оказа-

лись бы пустым звуком, так как собственно за незаконное производство сверхурочных работ никакой ответственности не полагается.

Это требование ведения учета сверхурочных работ является единственным и при том, конечно, весьма слабым орудием в руках инспектора для борьбы со сверхурочными работами; невыполнение этого требования карается Присутствием на общем основании, как неведение или неправильное ведение установленных книг. Казалось бы, для фабрики не представляет никакого труда правильно и точно вести учет сверхурочных работ, — разумеется, многие фабрики так и поступают, — и тем не менее случаи упущений в этой области весьма многочисленны. Я могу даже утверждать, что бывают случаи, когда фабрики, чтобы избежать формальностей, требуемых при производстве сверхурочных работ, предпочитают совсем ими не пользоваться.

Интересным представляется вопрос, насколько добровольно согласие рабочих на сверхурочные работы. Обычно принято думать, что рабочие сверхурочно работают всегда по принуждению, что их согласие на эти работы бывает только вынужденным. Это не совсем верно. Рабочие еще не доросли до понимания того, что сверхурочная работа, как всякое удлинение рабочего времени, влияет понижающим образом на высоту заработной платы. И когда рабочему предлагают работать на сверхурочной работе лишнее против его обычного заработка, он в большинстве случаев охотно идет на это; каких-либо серьезных протестов против сверхурочных работ со стороны рабочих мне никогда не приходилось встречать. Во время забастовок, как единичных в разные годы, так и общей в 1905 году, рабочие откровенно и страстно выкладывали все свои обиды, как крупные, так и мелкие, но сверхурочных работ они почти не касались. Между тем, как я говорил уже, эти работы практиковались на наших фабриках в широких размерах.

В мирное время, в отдельных случаях пользования сверхурочными работами я иногда опрашивал рабочих для того, чтобы удостовериться, насколько добровольно их согласие на

производство этих работ, и никогда возражений не слышал. Разумеется, согласие рабочих работать сверхурочно бывает налицо лишь тогда, когда эти работы оплачиваются и рабочие считают их интересными для себя. Другое дело, когда владелец хочет воспользоваться лишними часами работы рабочего бесплатно. А такие случаи бывали и рабочие работали; здесь принудительность работы не подлежит уже никакому сомнению.

Был такой случай. Получаю жалобу от имени ткацких подмастерьев крупной фабрики описанного мною фабриканта N. Подмастерья жалуются на то, что их принуждают бесплатно дежурить в фабрике по праздникам. Приезжаю на фабрику и расспрашиваю заведующего и самого N, находившегося в конторе, насколько верно заявление подмастерьев. Ни заведующий, ни г. N не отрицают самого факта, но г. N. нетерпящим возражения тоном заявляет, что подмастерья выходят на дежурства по собственному своему желанию и чуть ли даже не с особенным удовольствием.

— А в книгу сверхурочных работ эти дежурства записываются? — спрашиваю я.

— Какие же это сверхурочные работы?! — возражает X. — Никакой работы у них не бывает, станки стоят; их дело только смотреть, чтобы пожара не случилось, чтобы все в сохранности было.

— Однако же вы занимаете их для надобностей фабрики в то время, когда они должны быть совершенно свободны. Это, по закону, является сверхурочною работою.

— Не может быть такого закона! Никакой работы тут нет!

— Ну, если Вы не доверяете моему толкованию, пусть Вам разъяснит учреждение более компетентное. Я составлю протокол и предоставим решение вопроса Присутствию.

— Самое лучшее.

Я составляю протокол, и Присутствие, наложив взыскание в высшем размере, убедило г. N, что дежурство подмастерьев по праздникам есть сверхурочная работа и ей должен вестись учет, как и всякой другой сверхурочной работе. Но любопыт-

нее другая сторона дела. Для удостоверения в том, насколько сильно у подмастерьев желание дежурить по праздникам, я вызываю в контору самих подмастерьев и опрашиваю их. Те сначала мнутя, но потом, не стесняясь даже присутствием хозяина, объясняют, что дежурят они только по принуждению, под страхом в случае отказа получить расчет.

— А-а! Если так, то не дежурьте, не надо! Отменить дежурства! — Объявляет N заведующему.

Казалось бы, вопрос должен быть исчерпан. Но дело этим не кончилось. Через неделю я получаю от заведующего фабрикою при особом письме подписку подмастерьев в том, что они согласны бесплатно дежурить по праздникам в фабрике. А еще через день письмо подмастерьев с жалобой на то, что их принудили выдать подписку угрозою расчета. Комментарии к этой истории, кажется, излишни.

В связи с вопросом о сверхурочных работах стоит работа сменщиков друг за друга. При 18-ти часовой сменной работе случается, что один из сменщиков почему-либо не выходит на работу. Обыкновенно в этих случаях его станки стоят или на них работает поставленный конторою запасный рабочий. Но если рабочий заранее знает, что он не выйдет на работу, он просит своего сменщика поработать за него с тем, чтобы в свою очередь отработать за сменщика, когда тот прогуляет свою смену. Таким образом получается, что рабочий занят работою сряду 2 смены, т.е. 18 часов. Конечно, это будет та же сверхурочная работа, только производимая исключительно по желанию самих рабочих. Фабрика заинтересовала здесь только тогда, когда не имеется запасных рабочих, заинтересована тем, что станки не находятся в простое, несмотря на прогулы рабочих. Считая, однако, такую чрезмерную работу крайне нежелательной в интересах здоровья рабочих, я всегда настаивал на том, чтобы этой работе велся учет как и всякой иной сверхурочной. Заведующие вначале протестовали против этого учета, ссылаясь на то, что контора часто даже не знает о такой работе; но в конце концов подчинились, установив за правило, чтобы без согласия конторы сменщики не заменяли друг друга. Когда введено было ограничение в пользовании сверхурочны-

ми работами без разрешения Присутствия, то нормы, установленные для «незначительных групп», стали применяться и к работе сменщиков друг за друга. Меры эти, несомненно, привели к значительному сокращению таких работ, не причинив никакого нарушения интересам рабочих, хотя рабочие и выражали иногда неудовольствие на такие ограничения. Дело в том, что не стесняемые нисколько в пользовании работою сменщиков рабочие часто делали прогулы без всякой сколько-нибудь серьезной к тону надобности, ради какого-нибудь местного праздника, именин кума и т.п., отработывая после лишние часы. Теперь, когда они должны были докладываться о своем прогуле и могли получить отказ со стороны заведующего, они стали пользоваться работою друг за друга только в более серьезных случаях.

В некоторых других губерниях инспектора относились более снисходительно к таким работам.

Другое обстоятельство, тесно соприкасающееся с положением о сверхурочных работах, касается отработок лишними часами какого-либо будничного дня, в который фабрика не работала. Закон допускает по взаимному соглашению заведующего и рабочих работу в воскресный день взамен будничного. Случаи, когда для обеих сторон представляется интересным не работать в будничный день, встречаются нередко. Если два праздничных дня разделяются одним рабочим днем, то и для рабочих, и для фабриканта выгодно бывает в этот рабочий день не работать: рабочие могут тогда воспользоваться продолжительным непрерывным отдыхом, из них имеющие дома далеко от фабрики могут на эти дни сходить домой, а фабрикант избегает растопки котлов на один только день и может воспользоваться этими днями для какого-нибудь серьезного ремонта. Но, конечно, выгода получится только тогда, когда пропущенный день будет отработан, иначе рабочие потеряют в заработке, а фабрикант в выработке.

Такого рода случаи закон, очевидно, и имел в виду, допуская работу в воскресенье взамен будничного дня. На практике, однако, этой статьей закона фабрики почти не пользуются. За 10 лет в моем участке насчитается не больше 10

случаев, когда применена была эта статья. Фабрики прибегли к иному способу возмещения потерь, происходящих вследствие неработы в между праздничные дни: они стали разлагать потерянное время на другие рабочие дни, увеличивая число часов работы в эти дни; например, фабрика, работающая в 2 смены 18 часов в кончающая работу на праздник в 6 часов вечера, после того, как не работает между праздничным днем, следующие 4 субботы кончат работу уже не в 6 часов, а в 10. Конечно, это могло производиться только на основаниях сверхурочной необязательной работы. Следовательно, когда были запрещены сверхурочные работы без разрешения Присутствия, отработки эти стали невозможны и фабрики или совсем перестали останавливаться в между праздничные дни или, останавливаясь, не отработывали этих дней.

Министерство, установив требование подробного и точного учета сверхурочных работ, придавало, по-видимому, большое значение материалу, который должен был получиться путем этого учета. Мы, инспектора, имели основание думать, что нам придется ежегодно представлять сведения об этих работах; в этом смысле нам давал, например, указания окружной инспектор. Прошло, однако, 10 лет и только один раз потребовал эти сведения окружной инспектор, он свел сведения по округу, отпечатал, да тем дело и кончилось. Никто больше этим вопросом и не интересовался.

Глава XIII. Заработная плата. Расценки. Простои. Сроки расплаты

В рабочем вопросе наиболее трудно поддающейся исследованию является, бесспорно, заработная плата. Наше Министерство, опекающее интересы промышленности, даже не пытается и подойти к изучению вопроса о заработной плате. Весь материал, которым располагает министерство в этой области, состоит из самых общих суммарных данных о средней годовой заработной плате рабочих всех категорий в заведениях, где существуют штрафные взыскания с рабочих, по каждой отдельной губернии. Сведения эти представляются старшими инспекторами в годовых отчетах о движении штрафных капиталов. Средний заработок рабочих выводится здесь путем деления общей суммы заработной платы, выданной в течение года, на общее число рабочих. Понятно, что такой средний заработок может дать лишь очень приблизительное представление о действительном заработке рабочих.

Если мы возьмем пределы в заработке рабочих, то будем иметь цифры, которые нам также ничего не скажут. По этому поводу я припоминаю такой случай. В конце 90-х годов жандармский генерал Пантелеев, предполагавший полицейскими предписаниями решить рабочий вопрос, объезжал ряд губерний с целью собрать материал о положении рабочих. Источником, из которого он черпал нужные ему сведения, являлись, конечно, чины жандармской полиции. Последние, совершенно не сведущие в этом вопросе, но вместе с тем обязанные знать все, спешили запастись сведениями, потребовавшимися начальству. И вот перед приездом генерала ко мне является жандармский ротмистр; с таинственным видом он сам закрывает все двери в мой кабинет и шепотом сообщает, что пришел ко мне по весьма секретному делу. Дело его состояло в том, чтобы я сообщил ему сведения о заработке рабочих. Я сказал ему, что в моем участке заработок рабочих колеблется в пределах от 3 р. 50 коп. до 60 рублей в месяц. Я сказал только правду, несколько не кривя душой, и не мог сказать ничего иного, не вдаваясь в длинные объяснения, едва ли доступные

жандармскому пониманию. Ротмистр был вполне удовлетворен, но я не знаю, какие выводы мог сделать отсюда генерал Пантелеев.

Детальное исследование заработной платы рабочих, насколько мне известно, у нас в России было произведено за последнее время лишь частными лицами на нескольких отдельных фабриках и обнимает собою ничтожное количество рабочих. Наиболее крупным детальным исследованием в этой области остается по сих пор, по-видимому, обследование, произведенное Московским Губернским земством в 1884 г., но и оно касается всего около 14.000 рабочих. Трудность собирания сведений о зареботке рабочих обуславливается чрезвычайным разнообразием размера заработка. Заработок колеблется не только в зависимости от пола и возраста, от характера производства и профессии рабочего, но и от места нахождения фабрики, от времени пребывания рабочего в той или иной должности, т.е. от его навыка в работе, отчасти от времени года, от продолжительности рабочего дня и т.д. Только тщательно поставленная поименная анкета массы рабочих могла бы дать материал, необходимый для всестороннего освещения вопроса о зареботке рабочих. Понятно поэтому, что я не берусь представить читателю сколько-нибудь ясную полную картину положения дел в области заработной платы рабочих, хотя я всегда особенно интересовался этим вопросом и при каждом посещении фабрики возможно подробно собирал сведения о зареботке. В предпринятом мною в 1897 г. обследовании состава рабочих мною также собирались сведения о зареботке каждого отдельного лица, но разработать подробно этот материал мне не удалось. Предполагая в дальнейшем изложении привести кое-какие цифровые данные, касающиеся заработка рабочих, я здесь укажу на то, что даже самые виды заработной платы чрезвычайно разнообразны. Плата разделяется прежде всего на окладную и сдельную. Окладное жалованье назначается или за продолжительный рабочий период, например за 6 месяцев или даже целый год, как это встречается на кожевенных заводах, или за месяц, или наконец за день, — поденная плата. При сдельной плате рабочие работают или

каждый за себя, или же в артель, при чем заработок между отдельными членами артели распределяется сообразно заранее назначаемому или конторою, или самую артелью примерному окладу. Кроме того, как особый вид сдельной платы, существует плата поурочная. Часто также случается, что один и тот же рабочий частью получает сдельную плату, частью же поденную в зависимости от того, какую работою он тот или иной день бывает занят.

Преобладающим видом заработной платы на мануфактурных фабриках является сдельная плата, при этом на прядильных и ткацких фабриках каждый рабочий или, при сменной работе, каждая пара сменщиков работает на себя, а на красильно-аппретурных фабриках рабочие работают на артель. На сдельные работы владелец обязан заранее, при найме рабочих, объявить особый расценки, который предварительно свидетельствуется инспектором. Я подчеркнул слово «свидетельствуется» для того, чтобы объяснить, что разумеется под этим понятием в отличие от утверждения, которому подлежат некоторые другие бумаги, составляемые фабрикою. Свидетельствовать, как показывает и самое слово, значит что-либо удостоверить. Свидетельствуя расценки, инспектор является таким образом просто в качестве свидетеля того, что такие-то цены в данное время объявлены. Смысл в этом тот, что фабрикант, по засвидетельствовании расценки инспектором, уже лишен возможности вносить в него какие-либо изменения, понижать цены и т.п. вне установленного законом порядка. Изменять цены, вносить в расценки что-нибудь от себя инспектор не имеет права и, разумеется, никакой ответственности за объявленные цены на себя не принимает, так как и законодательство наше вопроса о размере заработной платы совершенно не касается. Не то по отношению к тем бумагам, которые инспектором утверждаются. Например, при утверждении «правил внутреннего распорядка» инспектор может изменять и вычеркивать все то, что находится в противоречии с установленными законом нормами, и следовательно, принимает на себя ответственность по меньшей мере за то, что в «правилах» не содержится ничего, противоречащего закону. При утвер-

ждении же харчевых такс на продукты, отпускаемые из фабричных лавок, инспектор имеет право понижать самые цены и таким образом ручается за то, что цены, указанные в таксе, нормальны. Для рабочих, как, впрочем, и для значительной части общества, не понятны ни эта разница между утверждением и засвидетельствованием, ни роль инспектора при подписании расценок сдельной платы. Поэтому рабочие очень часто в тех случаях, когда они не довольны объявленными ценами, склонны бывают обвинять не только фабриканта, но и инспектора. Но что же говорить про рабочих или далеко стоящую от фабричных вопросов русскую публику, когда даже высшие представители Министерства Внутренних Дел, полагая, что правительство при существующем социальном строе может принудительно нормировать заработную плату, обвиняют иногда фабричную инспекцию в допущении низких заработков. Известен такой случай. на границе Московской и Владимирской губерний находятся фабрики двух Морозовских фирм, одна в Московской, другая во Владимирской губернии. На одной из этих фабрик, расположенной во Владимирской губернии, заработки были ниже, чем на соседней фабрике другой губернии; рабочие устроили забастовку, разыгралась довольно крупная история, и Владимирский губернатор предъявил к инспекции обвинение в допущении низких расценок. В связи с этой историей в Комитете Министров рассматривался внесенный, если не ошибаюсь, генералом Пантелеевым вопрос об урегулировании заработной платы на фабриках административными мерами. Комитет Министров отнесся к этому предложению, однако, отрицательно, не найдя в законах никаких оснований для положительного решения вопроса. В результате этого совещания явился впрочем циркуляр по инспекции о том, чтобы в случаях крупных, достигающих до 20%, понижений в расценках на отдельных фабриках сравнительно с соседними, если существуют опасения, что такие понижения могут вызвать волнения рабочих, инспектора перед засвидетельствованием расценок склоняли владельцев к повышению цен, а не добившись желательных результатов лично, доносили о том начальнику губернии на предмет тех же воздействий с его стороны. Следует между прочим заметить, что свидетельствово-

вание расценок по наказу составляет обязанность старших инспекторов, которые, однако, имеют право передавать эту обязанность участковым инспекторам. У нас с самого начала был установлен такой порядок, что все расценки свидетельствовались участковыми инспекторами.

Как вытекает из самого существа дела, расценки сдельной платы должны составляться таким образом, чтобы при применении их не могло возникнуть никаких недоразумений, т.е. чтобы они были вполне определены. Возьмем для примера расценок за работу тканей; плата здесь назначается за работу одного куска товара; следовательно, в расценке прежде всего должна быть определена длина куска, а также сорт товара; сорт товара, помимо указания на характер переплета ниток (простой или фасонный товар), определяется плотностью его как в ширину (по основе), так и в длину (по утку) и общим количеством ниток в основе. Без какого-либо из этих данных расценок будет уже неопределенным. Но для точного уяснения условий работы ткача, при расчете вероятного заработка его на том или ином сорте, и этих данных еще мало. На производительность работы будут влиять еще: толщина (номер) пряжи, достоинство пряжи (крепость ее), число ударов батана в минуту, конструкция станка, степень влажности рабочего помещения и пр. При засвидетельствовании расценок инспектора обязаны обращать внимание на то, чтобы расценок обладал необходимой определенностью; так для ткацких расценок является обязательным указание для каждого сорта по меньшей мере приведенных выше основных данных. Не все ткацкие фабрики выполняли, однако, при введении инспекции в N-ской губ., и эти требования, так что нередко приходилось возвращать расценки для дополнения их. Но, если инспектор относится к своим обязанностям не только формально, он не ограничивается этой стороной дела. Еще задолго до обсуждения вопроса о высоте заработной платы в Комитете Министров и последовавшего за тем циркуляра инспектора старались делать все, что было возможно, в интересах повышения цен. Для этого у нас был только один путь, — советов и убеждений; далеко не всегда, конечно, он приводил к желательным резуль-

татам, но иногда кое-чего удавалось добиться. Всего сильнее в этих случаях действовали на заведующих и владельцев указания на более высокие цены соседних фабрик и предупреждения о возможности возникновения неудовольствия рабочих. Приведенный циркуляр только облегчил нам нашу работу, так как давал основание в более серьезных случаях угрожать сообщением о низких расценках губернской власти. Как бы то ни было, но через наши руки не проходило ни одного расценка без самого внимательного рассмотрения его по существу — что, повторяю, но закону совершенно не является обязательным, — и использование всех обстоятельств для возможного повышения цен. Я думаю, что этой стороной своей деятельности инспектора немало принесли пользы рабочим и предотвратили не одно крупное недоразумение между сторонами. Между тем эта работа вряд ли кем-нибудь оценивается и всего меньше, конечно, рабочими, совершенно не подозревающими о закулисной, так сказать, работе инспекторов.

До самых последних лет нам приходилось рассматривать общие расценки почти всех фабрик ежегодно два раза: перед Пасхой и перед 1 Октября. Прежние годы наем рабочих на фабрики производился на срок определенный, причем существовало два периода найма: летний, от Пасхи до Покрова, и зимний, с Покрова до Пасхи. Перед каждым наймом объявлялись новые расценки, более высокие на летний период и более низкие на зимний; разница между теми и другими была в 10—15%. То же понижение платы на зиму и повышение на лето применялось и к окладному жалованью, — поденному и месячному. Такой порядок вызывался тем обстоятельством, что зимой был избыток рабочих рук, летом же фабрики испытывали недостаток в рабочих. Уже во второй половине 90-х годов наем рабочих на определенный срок совершенно исчезает на наших фабриках, все они перешли к найму рабочих на срок неопределенный. Но обычай менять цены на зиму и на лето оставался еще долго и только в новом столетии постепенно одна фабрика за другой стали устанавливать одинаковые цены на круглый год. Пришли они к этому в виду замеченного факта, что те фабрики, на которых плата понижается на зимний

период, более нуждаются в рабочих в летнее время, чем фабрики, не делающие разницы между летней и зимней платой, так как на последних фабриках рабочие более дорожат местом и не оставляют хозяина летом без рабочих рук, зная, что и он их не прижмет, когда наступит зима. Только фабрики, стоящие одиноко, обслуживаемые местными рабочими, которым некуда уйти в другое место, продолжали понижать плату на зимние месяцы до самого последнего времени.

Не только простое отсутствие солидарности между фабрикантами моего участка, но какое-то ревниво-враждебное отношение их друг к другу, существовавшее до 1905 г., когда общие волнения рабочих заставили и их объединиться, имело своим последствием то, что каждая фабрика старалась скрыть свои расценки от соседних фабрик и в то же время всевозможными закулисными путями выведать расценки своих конкурентов. Особенно это проявлялось перед составлением расценок на новый период. Обыкновенно все фабрики откладывали до самого последнего срока представление расценок для засвидетельствования. Делалось это в тех видах, чтобы узнать сначала, какие цены объявит сосед, дабы самому не прогадать, не переплатить лишнего или чтобы накинуть пятачок против соседа и тем привлечь к себе больше рабочих. Рабочие от этого, полагаю, ничего не проигрывали, а скорее выигрывала, в особенности, если принять во внимание, что указания, делаемые инспектором при засвидетельствовании расценок, на более высокие цены соседних фабрик приводили иногда к тому, что вносились фабрикантами поправки в смысле повышения в составленные уже и представленные для засвидетельствования расценки. Всего хуже в этом отношении было положение рабочих на отдельно расположенных фабриках, где владельцу нечего было считаться с соседями и где он мог поэтому назначать возможно низкие цены. Разница между заработком рабочих, занятых на фабриках крупных промышленных районов, и заработком рабочих на фабриках-одиночках была поэтому громадная. Нередко она доходила до 40—50%.

Как бы определенно не составлялись расценки сдельной платы, всегда возможно, особенно в таком производстве, как

ткацкое, различные недоразумения при их применении. Например, такое обстоятельство, как достоинство пряжи, оказывающее громадное влияние на заработок рабочих, очень трудно бывает учесть заранее. Если фабрика работает из покупной пряжи, последняя может быть от разных фирм и весьма различного достоинства. Иногда при всем желании иметь хорошую пряжу фабрика вынуждена бывает, за неимением на рынке таковой, довольствоваться плохой пряжей. Понятно, что ткачи при переходе с хорошей пряжи на плохую, которая ежеминутно рвется на станках, отчего заработок значительно понижается, бывают крайне недовольны. Очень редко случается, что это неудовольствие прекращается домашними средствами: фабрикант по собственной инициативе начинает приплачивать к заработку по расценку ту или иную сумму в зависимости от степени понижения заработка, но в размерах, не покрывающих всех происходящих потерь. Чаще такие случаи ведут к открытому неудовольствию рабочих, и заканчиваются форменной забастовкой. Мелкие забастовки, возникающие исключительно вследствие низких заработков от дурной пряжи, представляют почти хроническое явление на ткацких фабриках. Вместе с тем жалобы на плохую пряжу, «плохие основы» фигурируют почти во всех забастовках, начинающихся по совершенно иным поводам. Что же получается в результате этих претензий рабочих? Иногда рабочие успокаиваются и мирятся с своим положением, иногда фабрикант дает обязательство не работать из плохой пряжи или давать ее лишь в определенном ограниченном количестве наряду с хорошей пряжей, иногда дело кончается тем, что повышается расценки. Другим, связанным с расценками обстоятельством, часто вызывавшим в недавние годы неудовольствие рабочих на ткацких фабриках и послужившим основанием для самой продолжительной забастовки за всю мою практику, является мера товара. Установить совершенно точно длину куска товара бывает почти невозможно; при определенной по расчету длине куска в 60 аршин в действительности мера может колебаться на 1—2 аршина в ту и другую сторону. Происходит это прежде всего от того, с каким грузом работается товар, т.е. насколько вытягиваются при работе нитки основы. До некоторой степени

причина здесь кроется в самом ткаче. Затем, так как длина кусков размечается еще на основе, то всякие ошибки при расчете на уточку (сокращение основы при переплете ее утком), всякое расстройство в шлихтовальной машине, при пропуске через которую основы кладется метка, отзывается на длине сработанного куска. Тут могут быть и невольные ошибки, но могут быть, разумеется, и намеренные неточности. Если мы предположим, что кусок товара, длина которого по расценку значится в 60 аршин, в действительности будет работать в 63 аршина, то ясно, что 5% работы ткача будет пропадать неоплаченной. Многочисленные жалобы ткачей на «длинную меру», — как они называют эти лишние аршины в куске, — подчас жалобы совершенно неосновательные, несколько крупных историй, разыгравшихся по поводу действительных недочетов фабрик в этом деле, заставили фабрикантов сначала ввести перемеривание готового товара и особую оплату каждого аршина, оказавшегося сверх положенной меры, а затем привели их к очень простому выходу, гарантирующему их от притязаний рабочих: в расценках они стали показывать длину кусков на несколько аршин больше той меры, по которой товар на самом деле должен работать. Разумеется, такие изменения в расценках можно было сделать только при одновременном повышении цен, так как иначе это явилось бы понижением расценки, хотя бы с формальной стороны, на что у фабрикантов решимости не хватало. Они сделали это тогда, когда по совершенно иным обстоятельствам все равно нужно было повышать расценки.

Я боюсь, что заставляю читателя скучать, останавливая его внимание на деталях. Поэтому я ограничусь указанными примерами, полагая, что из них можно заключить, насколько сложным является вопрос о заработной плате, какие осложнения могут возникать на этой почве и на сколько инспектор должен быть знаком с технической и бытовой стороной дела для того, чтобы мог вполне сознательно и быстро разбираться в этих вопросах и находить их правильное разрешение. Надо иметь в виду, что детали, имеющие существенное значение, в красильном производстве будут иные, чем в ткацком или

прядильном, в механическом деле иные, чем в стеклянном производстве и т.д.

Кроме общих расценок, ежегодно свидетельствуемых при новом найме, каждой фабрике приходится выпускать во время рабочего периода еще дополнительные расценки на новые сорта товара. Это в особенности имеет место на ткацких фабриках, работающих различные сорта тканей. Здесь почти каждую неделю заправляется какой-нибудь новый сорт, не предусмотренный общими расценками, объявленными при найме рабочих. Путем введения новых сортов взамен прежних могут быть значительно изменены условия, при которых рабочие приступили к работе при найме. Правильное назначение цен на новые сорта, гарантирующее рабочим заработок не ниже того, который они имели на прежних сортах, является поэтому чрезвычайно важным. По смыслу договора, заключаемого фабрикою с рабочими, введение всяких новых сортов среди периода найма возможно только по соглашению с рабочими или же новые сорта могут вводиться, при найме на срок неопределенный, с предупреждением рабочих о том за 2 недели. Формально эти требования и выполняются: на дополнительных расценках, присылаемых инспектору для засвидетельствования, всегда имеется пометка, что расценок вводится по соглашению с рабочими или что он вступает в силу через 2 недели со дня вывешивания. На практике, однако, часто делается гораздо проще. Нужно фабрике работать новый сорт, его тотчас же и заправляют на стайки, даже не объявляя цены за его работу, и уже после того, как сработают некоторое количество товара, вывешивается расценок без всяких предварительных соглашений с рабочими. Обыкновенно рабочие никаких возражений не делают. Лишь в редких случаях они решаются заявить заведующему свое неудовольствие, если цена окажется слишком низкой. Случается, что заведующий, приняв заявление рабочих, начинает с ними торговаться и в конце концов устанавливается цена действительно по соглашению сторон. Но бывает, что заведующий прямо прогоняет недовольных, объявив им, что, если они не желают работать новый сорт, то могут его не работать. Это значит, что, если рабочий действи-

тельно откажется от работы невыгодного ему нового сорта, то ему дадут работать такие старые сорта, на которых он зарабатывает еще меньше, или он окажется лишним на фабрике. Зная, к чему могут повести такие несогласия, рабочие предпочитают молчать... до первой забастовки, когда припоминают все случаи подобного рода.

До какой степени низки могут быть расценки на новые сорта видно из такого, например, случая, послужившего, правда, основанием для кратковременной забастовки. На одной ткацкой фабрике был введен новый сорт, который сразу заправили на большом числе станков. Цена за работу его была прислана для засвидетельствования, как назначенная по соглашению с рабочими. Не успел я, однако, еще подписать расценок, как получаю известие, что на фабрике забастовка. Кроме требования увеличить цену на этот сорт, никаких иных претензий рабочие не заявляли, зато неудовольствие их на новый расценки оказалось вполне понятным.

Цена была назначена настолько низкая, что, например, двое сменщиков, работающих на одной паре станков, оба вместе за 3 дня заработали только 30 копеек (!), причем на каждого из них был наложен штраф за порчу товара по 10 коп. Разумеется, цену должны были увеличить в несколько раз. Очевидно, в данном случае заведующий назначил цену совершенно наобум, не приняв во внимание всех условий работы вновь выпускаемого сорта, так как не мог же серьезно думать, что рабочие будут работать за 5 копеек в день; но этот случай показывает, как легко относятся фабрики к составлению новых расценок. Только немногие вполне солидные фабрики держатся наиболее правильного приема при назначении цен на новые сорта. Вводя новый сорт, они первое время платят за работу его ткачам поденно, но среднему их заработку за предшествующее время и только, присмотревшись к условиям работы, назначают цену и начинают расплачиваться сдельно по истечении законного срока со дня объявления расценки.

Чтобы не быть односторонним, я должен упомянуть о том, что иногда и рабочие прибегают к не совсем чистым средствам в целях добиться повышения платы за работу новых сортов.

Они первое время после того, как заправлен новый сорт, намеренно стараются работать его тише, чтобы показать, что заработок на нем будет низок, лишь после того, как цену на него повысят, принимаются работать его по-настоящему, и сорт становится для них наиболее выгодным.

Читателю может показаться непонятным, зачем же свидетельствуются инспектором расценки с пометкой, что они вводятся по соглашению с рабочими или через 2 недели со дня объявления их, когда он знает, что по расценкам этим расплачиваются до наступления срока и о согласии рабочих никто их не спрашивал. Дело в том, что такие пометки дают рабочим юридическое право не принимать предлагаемых им невыгодных условий и отстаивать на законном основании свои интересы. Другое дело, что рабочие не пользуются этим правом, не пользуются в силу своей изолированности, отсутствия между ними необходимой организации.

При сдельной плате заработок рабочего определяется, кроме расценки, тем рабочим временем, которое, по правилам распорядка, он должен работать. Чем продолжительнее рабочее время, тем при данных расценках рабочий больше зарабатывает и наоборот. Число рабочих часов является таким образом в условиях найма, определяющих заработную плату, таким же основным элементом, как и расценок, и всякое сокращение рабочего времени, обусловленного при найме, будет таким же понижением заработной платы, как и прямое понижение расценки. Под сокращением рабочего времени не следует понимать только определенное уменьшение числа рабочих часов; под это понятие подходит всякий простой, т.е. отсутствие работы в те часы, когда должна производиться работа, потому что заработок рабочего одинаково будет уменьшаться, будет ли прямо сокращен рабочий день или же в течение рабочего дня рабочий будет некоторое время находиться в фабрике без работы. К сожалению, к простоям относятся очень легко не только фабриканты и Министерство в своих циркулярах по этому вопросу, но иногда даже и сами рабочие. От чего же происходят простои? От неисправного состояния и поломки машин, от недостатка материала, от отсутствия надлежащего

распорядка в работе, наконец от отсутствия достаточного количества заказов. Поломалась паровая машина, привод или отдельный исполнительный механизм, например, ткацкий станок, всей фабрике, какому-нибудь отделению ее или единичным рабочим приходится оставаться без работы и ждать, когда будут сделаны необходимые исправления. Не успела прядельная фабрика вовремя получить хлопок или ткацкая фабрика пряжу, задержалась работа в каком-либо отделении, не успел товар подготовиться для дальнейшей обработки в следующем отделении, опять рабочие должны гулять без дела. Последние из указанных причин простои встречаются в тех случаях, когда нет правильного соотношения между числом машин; например, на прядельных фабриках бывает простой на банкбросках, если не достает ленточных машин; ленточные машины могут стоять, если недостаточно количество чесальных и т.п. Наконец, если у фабрики или завода, работающих по заказам, случилась заминка в заказах, у рабочих опять получается простой. Например, на литейном заводе литейщики, работающие сдельно, при обилии работы могут заработать вдвое больше сравнительно с тем временем, когда у завода мало заказов; происходит это от того, что в последнем случае рабочие только часть дня проводят за работой, а остальное время сидят без дела. Понятно, что всякие простои для фабрики невыгодны и фабриканты стремятся к тому, чтобы простоев не было; но избежать их совсем оказывается невозможным, в большей или меньшей степени они бывают на всех фабриках. Но если простои невыгодны для фабриканта, то по отношению к рабочим они затрагивают уже вопрос о куске хлеба. Не могут этого не сознавать и сами фабриканты, как бы им ни хотелось избежать платы за простои. Поэтому они редко решаются возражать в принципе против своей обязанности вознаграждать рабочих за происходящие вследствие простоев потери в их заработке, но на практике стараются через своих ретивых заведующих поставить дело так, чтобы ничего не заплатить рабочим. Отношение Министерства к вопросу о простоях выразилось в особом циркуляре, в котором говорится, что следует вознаграждать, хотя бы частью, рабочих за потери, происходящие от простоев, и размер вознаграждения предо-

ставлено устанавливать всякий раз заведующему по соглашению с рабочими, причем инспектор должен содействовать приведению сторон к соглашению. Как видно, от радикального решения вопроса об обязанности владельцев возмещать рабочим полностью потери от простоев Министерство уклонялось. Сами рабочие, относящиеся в общем крайне остро к вопросу о простоях, склонны делать уступки в размере оплаты простоев. Очень часто при возбуждении претензий относительно оплаты за простои рабочие оговариваются, что они не требуют платы за кратковременные простои, лишь бы им платили за простои, продолжающиеся более часа. Всего радикальнее подошла к этому вопросу фабричная инспекция, по крайней мере в N-ской губернии. Как я упоминал в начале записок, с вопросом о простоях мне пришлось столкнуться на первых же порах своей деятельности. Тогда я подошел к решению его в духе министерского разъяснения. Но этот больной вопрос не закрывался для нас, жалобы на то, что фабрики ничего не платят за простои, почти не прекращались. Предоставить сторонам самим договариваться о плате за простои значило бы пойти на то, что 90% всех простоев останутся не оплаченными. И вот, воспользовавшись тем обстоятельством, что перед 1 января 1898 г., когда вводился закон о продолжительности и распределении рабочего времени все фабрики и заводы должны были прислать для утверждения новые правила внутреннего распорядка, мы в правила всех заведений, где применялась сдельная работа, ввели такой параграф: «За прогульное не по вине рабочих время тем из рабочих, которые получают сдельную плату, уплачивается по их среднему заработку за предшествующие две недели». Фабриканты не протестовали против включения этой статьи, быть может, рассчитывая на то, что написать правило еще не значит его соблюдать. Действительно, потребовалось много времени и усилий для того, чтобы добиться в большей или меньшей степени применения этой статьи. И здесь причина кроется опять в самих рабочих, в общих условиях их положения на фабрике. Чтобы это было понятнее, нужно представить себе какой-нибудь конкретный случай. Допустим, что какой-нибудь ткацкий станок вследствие отсутствия готовой пробранной основы стоит без

работы 3 часа. На фабрике ведется учет простоев, но для того, чтобы данный простой попал в учет, ткач должен пойти к мастеру и просить его сделать соответствующую пометку в его товаро-приемной книжке. Ткач этого не делает. Проходит некоторое время, наступает момент, когда ткач становится смелее, — берет ли он расчет или в фабрике организуется коллективный протест, хотя бы по другому поводу, — и появляется жалоба на то, что не платят за простои. Приезжает инспектор, разбирает дело; ткач сознается, что он своевременно не заявлял о простое; заведующий путем ссылки на имеющиеся в расчетных книгах записи доказывает, что в других случаях за простои платилось. Установить наличность данного случая за давностью времени представляется уже невозможным. Вновь подтверждается рабочим, что за все простои фабрика платит, но что рабочие сами обязаны, во избежание пропусков в записях, своевременно заявлять мастеру или табельщику о всяком простое для надлежащей отметки в их книжках; даже вывешивается об этом объявление. Все успокаивается. Но через некоторое время опять все идет по-старому; заведующий перестает следить за тем, чтобы мастера вели точный учет простоям; рабочие молчат. Благоприятный для заявлений момент, — и вновь выплывает аналогичная жалоба. Такова в общих чертах картина из области оплаты простоев на прядильных в ткацких фабриках. По отдельным фабрикам разница будет заключаться только в том, что на одной фабрике заведующий более добросовестный и искренно стремится к тому, чтобы все простои оплачивались, на другой же фабрике заведующий только делает вид, что он готов платить за простои, на деле же принимает все меры к тому, чтобы как-нибудь избежать платы; в одном случае рабочий, обращающийся с заявлением о записи простоя, не подвергается никакому риску и его заявление принимается, как должное; в другом же случае он рискует, что мастер или заведующий прогонит его, не сделав никакой записи, и обругает за придирчивость и навязчивость, быть может, даже пригрозит увольнением, если тот будет слишком настойчив. В зависимости от того или иного отношения к делу заведующего будет производиться и оплата простоев. Следует при этом отметить, что не было ни одной

забастовки, во время которой рабочими не возбуждался бы вопрос о простоях. Так обстоит дело с простоями на прядильных и ткацких фабриках, где каждый рабочий работает за себя. Труднее решается этот вопрос для заведений, в которых рабочие работают сдельно в артель, например, в большинстве отделений красильно-аппретурных фабрик. Здесь плата назначается за работу, исполняемую одновременно несколькими лицами, или состоящую из целого ряда операций, исполняемых отдельными членами артели. Поломка какой-нибудь отдельной машины, общий недостаток в товаре и т.п. не останавливает еще полностью всех работ в отделении, часть членов артели продолжает работу и сидит без дела лишь другая часть. Усчитать здесь время простоя является поэтому невозможным; между тем, благодаря сокращению работы в отделении, заработок всей артели, а следовательно и каждого отдельного его члена, понижается. Обычным способом удовлетворения рабочих за простои в этих случаях является приплата от конторы к их сдельному заработку приблизительно до размера нормального заработка, определившегося за время, когда работы шли полностью без всяких простоев. Далеко не всегда заведующий удовлетворяет рабочих в подобных случаях по собственному почину, большею частью для этого требуется заявление рабочих, иногда даже их жалоба инспектору. Вместе с тем весьма возможно, что во многих случаях происходящее вследствие простоев понижение заработка рабочих, работающих артелью, остается совершенно невозмещенным. Почти невозможно также учесть время простоя, происходящего от недостатка работы у литейщиков, так как работа их при ручной формовке находится в зависимости не от каких-либо машин, а исключительно от ловкости и усердия самого литейщика. Чтобы литейщик мог быть хотя бы до известной степени вознагражден за происходящие от недостатка работ потери в его заработке, пришлось прибегнуть к способу гарантий. По настоянию инспекции наши чугунолитейные заводчики после многократных и упорных отказов согласились наконец назначать литейщикам поденные оклады, которые приближались бы к их среднему нормальному заработку по сдельным расценкам. Эти оклады гарантировали литейщикам *minimum* их заработка:

когда вследствие недостатка в работе сдельный заработок литейщика получался мал, контора должна была доплачивать ему до нормы, определяемой поденным окладом.

В вопросе о заработной плате немалое значение имеют сроки расплаты с рабочими. Поддерживая свое существование исключительно на заработок, рабочий до получения своей заработной платы, естественно, должен жить в кредит, и чем позднее он получает плату, тем тяжелее ложится на его бюджет задолженность его всевозможным лавочникам и иным кредиторам. До введения инспекции наши фабриканты, — по крайней мере большинство из них, — не сдерживаемые в этом отношении никакими законами, считали за правило всегда оставлять за конторою заработок рабочего хотя бы за один месяц; иными словами говоря, за текущий месяц они выдавали плату только в конце следующего месяца.

Этим они старались гарантировать себя от самовольного оставления рабочими работы: если бы рабочий пожелал уйти с фабрики без согласия на то заведующего, то он лишался своего заработка. И только вполне надежным, давно живущим на фабрике, рабочим фабриканты иногда решались давать деньги вперед на какую-нибудь особую нужду, причем такие редкие случаи они старались афишировать, подчеркивая свое отеческое отношение к рабочим.

В нашем фабричном законодательстве не содержится вполне определенных требований о том, когда должна производиться расплата с рабочими. Соответствующая статья Устава о Промышленности говорит лишь, что «выдача заработной платы рабочим должна производиться не реже одного раза в месяц, если наем заключен на срок более месяца, и не реже двух раз в месяц при найме на срок неопределенный». Министерским циркуляром разъяснено, что этой статье не противоречит допущение льготного времени для расплаты с рабочими, и установлено, что льготные сроки для выдачи платы рабочим могут быть назначаемы местными Присутствиями для каждой фабрики в отдельности, в зависимости от числа рабочих, «но во всяком случае не позднее 20 числа следующего за расчет-

ным месяца, и не позднее 14 дней за предшествовавшие две недели при найме на срок неопределенный».

При введении закона в N-ской губернии мы, инспектора, разумеется, обратили внимание на существовавший порядок расплаты с рабочими и предложили владельцам, если они не имеют возможности расплачиваться тотчас же по окончании месяца или полумесяца, ходатайствовать перед Присутствием о допущении льготных сроков. Для читателя, мало знакомого с фабриками, может быть, покажется странным, для чего нужно какое-то льготное время для выдачи заработка рабочим; казалось бы, кончился месяц, тотчас же и нужно выдать плату. Такой порядок возможен только на таких фабриках и заводах, где не существует сдельной платы и где общее количество рабочих настолько незначительно, что для подсчета их заработка и записи его в расчетные книжки требуется всего лишь несколько часов. На крупных же фабриках со сдельной платой подсчет заработка представляется операцией довольно сложной, требующей значительного времени; как бы ни была многолюдна фабричная контора, в 1—2 дня этой операции проделать здесь нельзя. Для подсчета заработка и полагается льготное время при расплате с рабочими, и только для этого. Между тем для фабрикантов каждый лишний день отсрочки в выдаче платы представляет интерес, так как каждый день деньги приносят процент. Поэтому в своих подаваемых в присутствие ходатайствах о допущении льготного времени для расплаты с рабочими фабриканты старались испросить возможно длинные сроки, совершенно не оправдываемые действительной необходимостью. Те из фабрикантов, которые успели подать свои прошения еще при губернаторе S., были вполне удовлетворены: присутствие разрешило им пользоваться самыми длинными сроками, допускаемыми министерским разъяснением. Большинство ходатайств рассматривалось присутствием, однако уже при губернаторе L и по ним льготное время для расплаты с рабочими определено только в 9 дней. Таким образом получилось, что из двух соседних фабрик одна выдавала плату рабочим за истекший месяц не позднее 9-го числа, тогда как другая 14-го или даже 20-го. Выдача

заработной платы рабочим или, как говорят, дачка производится обыкновенно по субботам или накануне других праздников, но не под рабочий день. Этот порядок так укоренился на громадном большинстве фабрик, что изменять его фабриканты считают совершенно невозможным. Они находят, что если выдавать деньги под рабочий день, то на другой день фабрика не в состоянии будет работать, так как большинство рабочих не выйдет на работу или выйдут в пьяном виде. Основывают они свой взгляд на том явлении, что и в понедельник после субботней дачки бывает много прогулов. Я думаю, однако, что это предположение не вполне основательно. Я понимаю, что рабочий, получив деньги под праздник, на празднике выпьет и вследствие этого, может быть, не выйдет на работу после праздника; но выпьет он именно потому, что праздник. Когда же деньги выдаются накануне рабочего дня, то разве только самый горький пьяница не вытерпит и тотчас же напьется, громадное же большинство рабочих сумеет воздержаться и отложить выпивку до праздника, а на празднике, возможно, у многих уже не останется наличных денег за уплатою долгов и приобретением необходимых покупок и таким образом дачка пройдет для них совсем без выпивки. Справедливость моих рассуждений блестящим образом подтверждается примером одной крупной фабрики моего участка, где дачка производится обязательно не под праздник и где заведующий считает такой порядок единственно правильным в интересах именно сокращения пьянства среди рабочих. Косность наших фабрикантов, однако, настолько велика, что на них не действует ни этот пример, ни даже необходимость, подгоняя дачку к праздничному дню, производит ее иногда значительно раньше 9-го или 24-го числа, чтобы не переступить разрешенного льготного срока.

В общем, нужно заметить, с крупных фабрик никогда не бывало никаких жалоб на задержку заработной платы. Даже на тех фабриках, на которых дачка оттягивалась, согласно первым постановлениям Присутствия, до 14—20 числа, рабочие мирились с этим и никаких претензий не выражали. Бывали неудовольствия лишь на самый порядок выдачи денег. При

громадном количестве рабочих на крупных фабриках дачка продолжается иногда несколько дней и во всяком случае производится с утра до поздней ночи, и, если не установлены точные очереди и нет определенного внешнего порядка, то рабочим приходится терять массу времени для того, чтобы получить свой заработок, что и вызывало неудовольствие рабочих.

Совсем иначе обстоит дело на мелких фабриках и заводах. Здесь задержка выдачи заработка является одним из наиболее крупных зол, при том таким, в борьбе с которым фабричный инспектор бессилен. Мелкие фабрики в заводы, при незначительном числе рабочих и по большей части поденном или месячном жалованье рабочих, могли бы выдавать заработок тотчас же по окончании платного периода, так как времени для подсчета заработка им нужно очень немного. Не имея поэтому никаких мотивов для ходатайств, они таких ходатайств и не возбуждали. Но, как и крупные фабриканты, мелкие предприниматели считают невозможным производить дачку не под праздник. Таким образом, как общий порядок, установилось, что на мелких фабриках и заводах выдача заработка производится в первую субботу после 1-го и 15-го числа за предшествующую $\frac{1}{2}$ месяца. Если бы этот порядок соблюдался в действительности, то оставалось бы только радоваться, несмотря на то, что на несколько дней выдача заработка рабочим задерживалась бы. К сожалению, этот порядок больше оставался в теории, чем применялся на практике. Жалобы рабочих с мелких заведений на задержку выдачи заработка были хроническим явлением, по, разумеется, далеко не обнимали всех аналогичных случаев. Я не думаю, чтобы владельцы мелких заведений часто задерживали выдачу платы из-за каких-либо корыстных расчетов, причиною тут является по большей части недостаток у них наличных средств и отсутствие необходимого кредита, а также простая халатность, отсутствие заботы о своих обязанностях и об интересах рабочих, не побуждающее их приготовить своевременно нужные для дачки деньги. Для рабочих, конечно, безразлично, какие причины мешают им получить их заработок, для них важно то,

что вместо причитающихся им денег они получают от владельца одни лишь обещания и принуждены бывают иногда сидеть без куска хлеба. Потеряв всякое терпение, побуждаемый, быть может, действительно голодом, рабочий идет наконец жаловаться инспектору. Инспектор предлагает заведующему немедленно выдать рабочему следуемую ему плату... Но никаких практических результатов в большинстве случаев из этих предложений не получается; не может или просто не хочет заведующий уплатить рабочему и последнему приходится по-прежнему ждать, когда наконец владельцу угодно будет удовлетворить его. Предложения инспектора заведующим и владельцам нисколько не страшны: они по большей части знают, что эти предложения чисто платонические, что никаких мер побуждения в этом деле у инспектора не имеется. Самое большее, что инспектор может сделать, — это привлечь заведующего к ответственности у городского судьи или земского начальника по пресловутой 29 ст. Устава о наказаниях за неисполнение своего законного требования. Я и пытался одно время вести борьбу этим способом, по штрафу в 5—10 руб., налагаемый земскими начальниками в наиболее упорных случаях невыдачи своевременно платы всему составу рабочих после неоднократных требований моих, занесенных в книгу замечаний чипов инспекции, не могли, разумеется, привести к цели. В своих отчетах мы несколько раз обращали внимание своего высшего начальства на необходимость дополнения ст. 97 Устава о промышленности, толкующей о расплате с рабочими, каким-либо постановлением об ответственности предпринимателей за несвоевременную выдачу платы, но из этого ничего не вышло.

Я уже упоминал, что перед введением инспекции в N-ской губернии на одном заводе рабочие не получали полностью своего заработка в течение нескольких лет и что для побуждения владельца к уплате долга рабочим пришлось прибегнуть к содействию двух губернаторов; несмотря на такие меры воздействия, спустя год после того, как началась наша борьба, долг завода рабочим равнялся еще 3500 руб. К таким экстраординарным способам мне больше прибегать не приходилось, но

в поисках мер, которые побуждали бы владельцев быть более аккуратными в расплате с рабочими, иногда удавалось пользоваться описанным уже приемом привлечения к ответственности за формальные нарушения, стоящие в связи с выполнением владельцами их существеннейших обязательств перед рабочими по удовлетворению их заработной платой. При всей своей бесцеремонности по отношению к рабочим, заведующие мелкими заведениями (большею частью сами же владельцы) проявляют иногда удивительную наивность, за которую собственно им и приходится расплачиваться. Не выдавая рабочим в срок причитающейся им платы, они, вероятно, из желания ввести в заблуждение инспектора, делают пометки в расчетных книжках о выдаче денег установленного числа. Между тем достаточно обнаружить такой факт, чтобы можно было привлечь заведующего к ответственности за неправильное ведение расчетных книжек. Взыскания, налагаемые Присутствием за подобные нарушения, побуждают некоторых заведующих принимать в дальнейшем больше мер к своевременной расплате с рабочими, других же, более сообразительных, заставляют только быть осторожнее и не спешить с записью в книжки не выданных еще денег.

Существовавшие когда-то крупные злоупотребления при расплате с рабочими, выражавшиеся в выдаче рабочим вместо денег записок, ярлыков и т.п., можно считать в настоящее время совершенно прекратившимися. Перед самым введением инспекции в N-ской губернии одна захолустная фабрика моего участка выдавала еще такие записки, упитывавшиеся местными кулаками с громадной скидкой. Мне указывали сельских богатеев, которые составили себе состояние, занимаясь исключительно учетом ярлыков, получаемых рабочими из конторы. Но с введением инспекции и на этой фабрике выдача записок прекратилась.

В прежние годы немалое зло на фабриках представляли также вычеты из заработка рабочих на разные сборы с благотворительной и иной целью. Все, кто только имел разрешение на производство сборов, — а может быть, и те, которые не имели никаких разрешений, — смело обращались на фабрику в

полной уверенности, что здесь они соберут богатую жатву. На построение храма, на поднятие колокола, на бедный монастырь и т.п., не говоря уже о сборах, производившихся непосредственно через полицию, — на все это собирали с фабричных, и такие сборы бывали по несколько раз в месяц. Самый сбор производился чрезвычайно просто: контора посылала табельщика со списком рабочих по их рядам; табельщик спрашивал каждого рабочего о сумме, которую тот желает пожертвовать, и помечал эту сумму на листе. Рабочий, едва ли даже осведомленный о том, на что производится сбор, называл пяточок или гривенник, и никто не решался ответить полным отказом. Образовавшаяся, но такой подписке сумма выдавалась контрою лицу, производящему сбор, а при первой же выдаче рабочим платы эти пяточки и гривенники с рабочих удерживались. Между тем такие вычеты были безусловно незаконны и мы, инспектора, запретили их самым категорическим образом. Доброе желание рабочих внести свою лепту на то или иное дело этим нисколько не насилувалось; всякий рабочий мог сделать пожертвование наличными деньгами, для этого сборщик только должен присутствовать на фабрике во время дачки, когда у рабочего есть на руках деньги. Оказалось однако, что при таком порядке сборы ничего не давали, и распоряжение инспекции вызвало целый переполох среди лиц, привыкших извлекать пожертвования из фабрик.

Пришлось мне, наконец, иметь в своей практике дело с одним случаем вычетов с рабочих в пользу владельца. Дело происходило на заводе, расположенном в лесных дебрях. За несколько лет до введения инспекции здесь была устроена владельцем по просьбе рабочих школа для обучения малолетних работающих и детей рабочих. Содержание училища владелец, однако, не принял вполне на свой счет, а часть расходов возложил на самих рабочих и стал производить ежемесячные вычеты из их заработка. Существование этих вычетов было обнаружено мною при первом же посещении завода; владельцу была разъяснена вся незаконность вычетов; дальнейшее производство их было тотчас же прекращено, а вычтенные до того времени деньги владелец должен был

вернуть рабочим, что и проделано было с полной тщательностью. Получили свои деньги не только рабочие, продолжавшие работу на заводе, но и те, которые к тому времени уволились.

Для читателя, который ждет от меня указаний на размер заработков рабочих, я могу привести лишь общие цифры среднего годового заработка рабочих всех категорий без подразделения по полам и возрастам за несколько последующих лет. В 1900 г. этот заработок равнялся 138 руб., в 1901 г. — 131 руб., в 1902 г. — 139 руб., в 1903 г. — 138 р., в 1904 г. — 143 р., в 1905 г. — 143 р. и в 1906 г. — 157 руб.; сведения касаются в 1900 г. 23.662 рабочих, в 1906 г.—33.180 рабочих. Как я и предупреждал, приводимые мною цифры говорят очень мало; они свидетельствуют только о том, насколько вообще низки заработки рабочих и насколько медленно они повышаются; с 1900 по 1905 г. включительно размер заработка увеличился на ничтожный процент, хотя за эти годы стоимость всех жизненных продуктов значительно возросла; лишь 1906 г. показал повышение заработка на 10%, что явилось результатом сделанных в 1905 г. под влиянием коллективных требований рабочих общих прибавок к расценкам.

Для освещения затронутого мною вопроса, я позволю себе привести несколько данных из моей статьи, касающейся заработной платы на небольшой группе фабрик Московской губернии (с числом рабочих около 10.000); работа была произведена мною в 1908 г. Здесь я определял денной заработок рабочих; таковой в январе 1905 г. равнялся 54.3 коп., в январе 1906 г. 63,3 к., в январе 1907 г. 61.1 коп. и в январе 1908 г. 62.8 к. Как видно, и здесь размер заработка резко повысился к 1906 г., после чего, однако, вновь несколько пал. При сравнении заработка 1905 г. с тем, который был в 1884 г. (по данным статистического исследования Московского Губернского Земства, обнимающего фабрики того же района, к которому относится и моя работа) оказалось, что за 20 слишком лет увеличение размера заработка составляет менее 2½%. Далее я старался выяснить, какое значение имело для рабочих увеличение их заработка с 1905 по 1908 г. при одновременном возрастании за то же время цен на пищевые продукты, пользуясь при этом

утверждаемыми инспекторами таксами фабричных лавок и земскими статистическими данными о продовольствии рабочих московских фабрик. И я нашел, что 47% полученной рабочими прибавки к их заработку пошло на покрытие разницы в цене только 4-х продуктов (ржаного хлеба, гречневой крупы, мяса и сала), идущих на личное продовольствие рабочих. Это дало мне основание придти к следующему заключению: «Если же принять во внимание: 1) что, кроме поименованных продуктов, в пищевое довольствие рабочих входят и другие продукты, цены на которые также повысились и в некоторых случаях очень значительно, 2) что на заработок рабочего должны продовольствоваться и не рабочие члены семьи и 3) что рабочему, кроме пищи, нужна одежда, стоимость которой за последние годы также значительно увеличилась, то вряд ли мы ошибемся, если скажем, что материальное положение рабочих с 1905 г., не смотря на полученные ими прибавки к заработной плате, не только не улучшилось, но даже ухудшилось. («Русские Ведомости», 1908 г. №164).

Глава XIV. Правовое положение рабочего на фабрике. Договор найма. Правила распорядка

В теории предприниматель и рабочий представляют две равноправные стороны, вступающие в добровольное соглашение друг с другом. Но уже в законе содержатся такие положения, которые нарушают равноправность сторон. Основные элементы договора, — рабочее время и заработную плату,— закон предоставляет определять исключительно предпринимателю, за рабочим остается только право согласиться или не согласиться на делаемые ему предложения; вносить какие-либо предложения от себя, указывать на необходимость или желательность каких-либо изменений в условиях, выработанных владельцем, рабочий не может; это возможно лишь при существовании коллективного договора, до применения которого у нас еще слишком далеко, и частью осуществляется при забастовках, когда предъявляются рабочими коллективные требования.

Заключение договора найма между предпринимателем и рабочим и выражается выдачею рабочему расчетной книжки. Приняв от конторы фабрики или завода расчетную книжку, рабочий считается согласившимся со всеми изложенными в ней условиями найма. Образец расчетной книжки утверждается местным по фабричным и горнозаводским делам Присутствием. Расчетная книжка содержит в себе извлечения из постановлений закона и правил внутреннего распорядка, определяющих права, обязанности и ответственность рабочих; в ней указываются условия, на которые поступил данный рабочий, а именно его должность, срок найма и условия вознаграждения; в расчетную же книжку вписывается заработок рабочего, выдача ему денег, наложенные на него взыскания и произведенные с него вычеты. Расчетная книжка должна выдаваться рабочему не позднее 7 дней по допущении его к работе. Невыдача расчетной книжки или неправильное ведение ее считается серьезным нарушением со стороны заведующего, караемое, по постановлению Присутствия, взысканием от 5 до

25 рублей за каждого рабочего, не снабженного расчетной книжкою или имеющего неправильно веденную расчетную книжку. Несмотря на такое сравнительно серьезное наказание, нарушение соответствующих статей Устава о Промышленности встречается довольно часто. В большинстве случаев это бывают нарушения чисто формального свойства, не вытекающие не из каких злых побуждений заведующего. Но весьма нередко также случается, особенно в мелких промышленных заведениях, что выдача расчетной книжки задерживается или книжка неправильно ведется по особым корыстным расчетам заведующего. Не выдавая расчетной книжки, заведующий рассчитывает тем самым сохранить за собой право уволить рабочего во всякое время и рассчитать его по своему усмотрению. Это и удается, если рабочий не догадается пойти с жалобой к фабричному инспектору. Иногда всему составу рабочих в выданных расчетных книжках не указывается размер платы.

Так бывало, например, на валяльных заводах, где, нанимая с осени рабочих, владельцы в течение нескольких месяцев не определяли им платы за работу и только к Рождеству в зависимости от того, как складывались их коммерческие дела, назначали плату. Интересно, что сами рабочие, вообще совершенно забитые на этих заводах, никогда не протестовали против этого и мне лишь при посещении заводов удавалось открывать такой совершенно недопустимый порядок.

«Обязательная выдача расчетной книжки не распространяется на рабочих, нанятых для исполнения на фабрике обязанностей или работ, не составляющих предмет фабричного производства». Так говорит ст. 135 Устава о Промышленности. Пользуясь этой статьей, заведующие обыкновенно стараются возможно большему количеству рабочих не выдавать расчетных книжек, относя их таким образом к числу рабочих не фабрично-заводских, на которых не распространяется действие фабричного законодательства. Долго было бы перечислять отдельные категории рабочих, которых в различных производствах предприниматели стремились этим путем устранить от надзора инспекции. Достаточно сказать, что с этим стремлением инспекторам пришлось выдержать продолжительную и

упорную борьбу, пока наконец Присутствия, налагая взыскания по протоколам инспекторов, не доказала владельцам и заведующим, фабрично-заводские или нет те рабочие, которым они не выдавали расчетных книжек.

Итак, выдачею и принятием расчетной книжки заключен договор между сторонами. Насколько же этим договором обеспечивается положение рабочего на фабрике и с другой стороны насколько фабрикант может считать себя обеспеченным нужной ему рабочей силою? Предприниматели все в один голос говорят о том, что договор, заключаемый ими с рабочими, нисколько не гарантирует их от самовольного оставления рабочими работы в любое время, вместе с тем связывая их самих обязательствами перед рабочими. С таким взглядом едва ли можно согласиться, хотя, быть может, в нем и есть доля правды. В настоящее время почти на всех фабриках и заводах наем рабочих производится на срок неопределенный. Это значит, что та и другая сторона имеет право прекратить договор, предупредив другую сторону о своем желании за 2 недели. Кроме того, закон предоставляет обеим сторонам право на расторжение договора без всякого предупреждения о том в особых, предусмотренных Уставом о Промышленности, случаях. Между прочим, заведующий фабрикою или заводом может уволить рабочего за прогул более трех дней сряду без уважительной причины, а также за дерзость или дурное поведение рабочего, если оно угрожает имущественным интересам фабрики или личной безопасности кого-либо из лиц, наблюдающих за работами. Рабочему, уволенному по этим поводам, предоставляется обжаловать расторжение договора по суду в месячный срок. Таким образом, всякий рабочий может считать себя обеспеченным службою на данной фабрике или заводе не более, как на 2 недели, так как, не говоря о возможности внезапного увольнения, каждый день ему могут заявить о том, что через 2 недели он будет рассчитан. Чтобы показать, до какой степени непрочна в этом смысле положение рабочего на фабрике, приведу один пример. На одной мануфактуре, — по поводу соответствующей жалобы рабочих, — мною было подсчитано число случаев увольнения рабочих в течение

одного года. Оказалось, что при среднем числе рабочих в 2205 человек уволено было 590, т.е. почти 27%. В сведениях о причинах увольнения относительно 546 рабочих значилось: «уволился во собственному желанию». Отсюда можно было бы вывести заключение, что не фабрика, так сказать, играет рабочими, а сами рабочие своими постоянными уходами вносят дезорганизацию в фабрику. В действительности дело обстояло, однако, иначе. Мне удалось проверить 15 случаев увольнения «по собственному желанию» и во всех этих случаях, как оказалось, рабочие, брали расчет только потому, что им предложено было конторою получить расчет через 2 недели. Не следует, впрочем, обобщать указанный мною факт и думать, что всегда и везде состав рабочих меняется в такой пропорции. В общем увольнение рабочих среди года производится в менее крупном масштабе; но все же ни один рабочий не может быть вполне уверен в завтрашнем дне. В числе жалоб, поступающих от рабочих к фабричным инспекторам, на первом месте в количественном отношении стоят жалобы на увольнение. Большинство этих жалоб относится к разряду неосновательных. Неосновательны они, потому что при увольнении рабочих никаких закононарушений со стороны заведующих допущено не было. Уволенному от этого, конечно, не легче, особенно, когда при соблюдении всех формальностей заметна явная несправедливость в распоряжении заведующего. Эта-то несправедливость обыкновенно и побуждает рабочего идти с жалобой. Придавая слишком мало значения формальным условиям, рабочий думает, что, раз справедливость нарушена, то ему должна быть оказана защита. Возьмем хотя бы такой пример, часто встречающийся на практике. Рабочий не угодил чем-либо подмастерью, например, не угостил его водкой, когда тот напрашивался на это; подмастерье начинает придирается к рабочему и жалуется заведующему, что такой-то рабочий не исполняет его распоряжений, грубит ему и т.п. Заведующий, может быть, даже не доверяя вполне подмастерью, но находя неудобным для дела оставлять на работе человека, который не ладит со своим ближайшим, хотя бы и маленьким, начальством, назначает неуживчивому рабочему

расчет. Законных причин для увольнения нет, следовательно, делается предупреждение о расчете через 2 недели. Рабочий, чувствуя себя вполне правым в столкновении с подмастерьем и зная, что только это обстоятельство является причиной его увольнения, естественно, считает себя несправедливо обиженным и идет с жалобой к инспектору. Как должен инспектор отнестись к такого рода заявлению? Оставаясь на вполне законной, но формальной почве, инспектор может сказать рабочему одно: — жалоба неосновательна, так как расторжения договора нет, есть лишь предупреждение о прекращении договора на вполне законных основаниях; никаких причин для такого увольнения не требуется, для этого достаточно желания одной из сторон. — Такой ответ рабочего не удовлетворяет и обыкновенно он идет жаловаться дальше. Между тем в громадном большинстве случаев ничего много инспектор и не может сделать. Если инспектор вздумает расследовать такую жалобу, если он решит обратиться за объяснением к заведующему, он должен иметь в виду, что заведующий может уклониться от всяких объяснений, отделавшись ответом: — этот рабочий мне не нужен и я пользуюсь своим правом прекращать договор в законный срок. — Другой заведующий может еще добавить: — Когда рабочие прекращают с нами договор на законных основаниях, мы не ходим к вам жаловаться на них. — Поэтому только в сравнительно редких случаях, имея дело с заведующим, с которым установлены хорошие отношения, и действуя уже неофициально, инспектор может здесь сделать что-нибудь в пользу рабочего: прибегнуть к просьбе, попросить заведующего об отмене его распоряжения и этим путем достигнуть цели. Ни один инспектор, если он только не простой чиновник, не упускает случая помочь рабочему таким способом, хотя при этом рискует дискредитировать себя в глазах тех же рабочих, так как поддерживает в них неправильное представление о своих правах и о силе своей власти. Рабочий не разбирается в том, чем достиг инспектор благоприятного результата, и принимает помощь, оказанную ему инспектором, как нечто должное. Зато, когда ходатайство инспектора оканчивается ничем, или инспектор, зная, с какою

фабрикою он имеет дело, сразу объявляет рабочему, что он не может ему помочь, рабочий уходит в полной уверенности, что инспектор мог, но не хотел ничего для него сделать; быть может, даже подумает, что инспектор данной фабрикой «закуплен».

Впрочем, инспектор часто не в состоянии бывает ничего сделать и тогда, когда рабочий обращается к нему с жалобой на явно незаконное увольнение. Увольнение рабочих без предупреждения за 2 недели встречается сравнительно нечасто: рабочие стараются не доводить себя до того, чтобы заведующий мог воспользоваться статьей, предоставляющей ему право на немедленное расторжение договора. Всего чаще заведующим удается прибегать к тому пункту, который говорит о дурном поведении рабочего. В стремлении воспользоваться этим пунктом заведующие иногда под понятие дурного поведения, угрожающего имущественным интересам фабрики или личной безопасности кого-либо из лиц фабричной администрации, подводят такой проступок рабочего, который при всем желании никак нельзя инкриминировать ему.

Рабочий, уволенный по этому пункту, первым долгом идет, конечно, жаловаться инспектору. Разобрав дело, инспектор видит всю незаконность увольнения и предлагает заведующему или оставить рабочего на работе, или по меньшей мере выдать ему плату за 2 недели вперед. Случается, что заведующий убеждается разъяснениями инспектора и отменяет свое распоряжение или соглашается удовлетворить рабочего 2-х недельной платой. Но случается также, что заведующий вопреки всякому здравому смыслу упорно стоит на своем и твердит одно: «пусть рабочий жалуется в суд», — отказываясь без решения суда удовлетворять рабочего. В последнем случае инспектору остается только одно: признав свое бессилие, направить рабочего в суд. Что значит для рабочего вести дело судом, мне кажется, читателю понятно без всяких объяснений. Рабочий опять уходит от инспектора крайне недовольным, с упреком в нежелании защитить его и с подозрением о продажности, несмотря на то, что инспектор в расчетной книжке рабочего написал свое заключение об основательности жало-

бы, иногда даже рекомендовал рабочему указать судье на него, инспектора, как на свидетеля по данному делу.

Но такие случаи, повторяю, сравнительно редки, большинство заведующих предпочитает не иметь дела не только с судом, но даже с инспектором, поэтому они стараются не давать оснований для жалоб на увольнение и, находя нужным отделаться от нежелательного почему-нибудь рабочего, заявляют ему о расчете через 2 недели, при этом они небезосновательно рассчитывают на то, что рабочий не доживет до срока и сам откажется продолжать работу. Действительно, рабочий, получивший предупреждение о расчете, уже не работник, у него пропадает всякий интерес к работе, и он думает прежде всего о том, чтобы найти другое место; если ему удастся скоро добиться этого, он тотчас же оставляет прежнее место. Но почти всегда рабочий делает при этом попытку получить с фабрики плату за 2 недели вперед. У рабочих как будто даже составилось убеждение в том, что, если им заявляют о расчете через 2 недели, то они эти две недели не обязаны отрабатывать, а им должна фабрика выдать плату за 2 недели вперед. Такое убеждение могло возникнуть на основании часто встречающихся фактов увольнения рабочих с выдачею платы за 2 недели вперед. Некоторые фабриканты и заведующие держатся того взгляда, что, раз рабочему назначен расчет, то он не только не будет работать, следовательно, не принесет никакой пользы фабрике (при окладной плате), но даже может принести ей вред путем сознательной порчи материала, имущества и т.п. И вот, чтобы оградить себя от такого риска, а вместе с тем закрыть рабочему дорогу к каким-либо претензиям, ему сразу выдают деньги и следят только за тем, чтобы он поскорее убирался с фабрики. И это проделывается не только по отношению к каким-нибудь злодеям, способным внушить действительные опасения, но по отношению ко всем почему-либо нежелательным для фабрики рабочим. Нежелательность же эта вызывается чрезвычайно разнообразными обстоятельствами. Подозрение в агитации, «смутьянстве» и воровстве, основанное сплошь и рядом на оговорах низших чинов фабричной администрации, — разных подмастерьев, табельщиков, при-

ставов, или даже своих же товарищей-рабочих, играет, разумеется, главную роль в вопросе о нежелательности присутствия на фабрике того или иного рабочего. Причины, побуждающие к оговорам, бывают, понятно, самого низкого свойства. Мне известен, например, случай, когда старший подмастерье оговорил девицу-ткачиху, потому что она отказала на его гнусное предложение гулять с ним; ткачиха была уволена с фабрики. Приведу еще один факт, показывающий какими мотивами руководствуются некоторые заведующие при увольнении рабочих. Заведующий обозвал скверными словами работницу; та не могла снести этого и привлекла заведующего к суду. Конечно, она была тотчас же уволена, но сгоряча заведующий уволил и рабочего, который был очевидцем происшедшей между ними сцены. Потом заведующий, узнав, что уволенный выставляется свидетелем на суде, спохватился и, желая получить от него показания в свою пользу, разыскал его, вновь принял на фабрику и оказывал ему разные льготы. Однако рабочий показал на суде не в пользу заведующего; тогда заведующий уволил с фабрики не только самого рабочего, но и жену его.

Рабочему, уволенному в необычное время⁵, не всегда удастся скоро поступить на другую фабрику. Еще летом, когда фабрики нуждаются в рабочих, легче бывает найти место; заведующие в это время менее разборчивы и требовательны, да и самые увольнения летом бывают реже. Другое дело зимой. Прежде чем принять рабочего, уволенного с другой фабрики, если даже для него есть место, заведующий обыкновенно наводит справки, за что он уволен. Если уволенный расстался мирно с своим прежним принципалом, тот не старается закрывать ему дорогу к поступлению на другую фабрику. Но если при увольнении вышла «история», т.е. если рабочий не выказал

5 Обыкновенно на всех фабриках все рабочие получают расчет перед Пасхой и после Пасхи, т. е. через 10 дней, вновь принимаются, причем, за небольшими исключениями, возобновляется прежний состав.

полной покорности своей судьбе и ходил с жалобой, или причина увольнения была особенно серьезна, например, если тут замешано воровство, хотя бы и не доказанное, а тем паче «смутьянство», то такой рабочий не может уже рассчитывать на благоприятные для него справки и, следовательно, обречен сидеть без места на долгое время или вынужден бывает отправляться в поиски места в другие, дальние фабричные районы. Прошу читателя не забывать, что речь касается одного сравнительно небольшого и во всяком случае провинциального фабричного района, где почти все заведующие фабриками знакомы между собой; наведение всяких справок и сообщение различных сведений относительно того или иного рабочего здесь вполне возможны и не сопряжены ни с какими трудностями. В крупных промышленных центрах, а особенно в столицах, это, конечно, труднее проделывать и поэтому, надо думать, там положение рабочих в этом отношении лучше. Было время, и не так оно далеко от нас, когда на описываемых мною фабриках заведующие, увольняя какого-либо неблагонадежного, по их мнению, рабочего, тотчас же, не дожидаясь никаких запросов, сообщали о нем на соседние фабрики, чтобы предупредить его поступление туда. Вряд ли это делалось из желания оказать услугу своим конкурентам, с которыми в других вопросах не проявлялось никакой солидарности; скорее здесь действовало чувство злобы в мстительности по отношению к неугодному и чем-либо провинившемуся рабочему. Еще в 1905 г., во время общей забастовки, рабочие указывали на существование этих «записок», являющихся своего рода проскрипционными списками для рабочих; впрочем, тут же они добавляли, что интеллигентные заведующие, инженеры, «такими глупостями не занимаются». Кстати упомянуть, что проскрипционные списки составлялись и полицией, требовавшей от заведующих, чтобы известных рабочих они на фабрике не держали. А теперь такие списки завел «Союз фабрикантов и заводчиков».

Посмотрим теперь, насколько сами рабочие придерживаются законных норм при своем уходе с фабрики и насколько выполняют принятые на себя в этом отношении обязательства

перед фабрикой. Прежде всего я должен констатировать, что чувство законности вообще у наших рабочих развито чрезвычайно слабо. Странно было бы, впрочем, и ожидать иного. Быть может, единственным лицом из всех, с кем рабочим приходится встречаться, неустанно твердящим о законе без каких-либо задних мыслей, является фабричный инспектор. Но жизнь на каждом шагу подрывает у рабочих веру в силу и незыблемость закона; естественно поэтому, что и к словам инспектора о законе она относятся более, чем скептически. В данном вопросе, если сами фабриканты не всегда строго придерживаются требования о двухнедельном предупреждении и при увольнении отдельных рабочих⁶ стараются поставить дело так, чтобы рабочий ушел, не отживая 2-х недель, то рабочие еще менее считаются с этим требованием закона в тех случаях, когда сами желают получить расчет. Обыкновенно рабочий, не желающий продолжать работу на данной фабрике, является в контору и просит выдать ему расчет немедленно, и в громадном большинстве случаев расчет тотчас же выдается. Заведующие исходят при этом из тех соображений, что удерживать рабочего, не желающего продолжать работу, все равно бесполезно, так как от него нельзя ожидать добросовестного исполнения своих обязанностей. Но не все заведующие придерживаются такого порядка; некоторые из них стараются, во что бы то ни стало, принудить рабочего отработать законные 2 недели и ни под каким видом не выдают расчета по первому требованию рабочего, не считаясь даже с причинами, заставляющими рабочего требовать расторжение договора. Однако никакие принуждения, ни даже угроза 51⁴ ст. Устава о Наказаниях в большинстве случаев не заставляют рабочего отказаться от своего намерения покинуть данную фабрику. Названная пресловутая 51⁴ ст. Устава о Наказаниях, применение которой отменено было лишь в 1905 г., доставила фабричным инспекторам массу неприятностей. Эта статья, устанавливая уголов-

6 При расчете целых групп рабочих закон о 2-х недельном предупреждении соблюдается довольно строго.

ную ответственность рабочего «за самовольный отказ от работы до истечения срока найма или, при найме на срок неопределенный, без предупреждения хозяина за 2 недели» (арест не свыше одного месяца), т.е. за чисто гражданское правонарушение, являлась вопиющим нарушением основных понятий права и самой элементарной справедливости. Фабрикант, отказавший рабочему до срока, мог ответить за это только материально в гражданском порядке, рабочий же, отказавшийся от работы, отвечал лично в уголовном порядке. Вызванная заботами правительства об охране общественного порядка и спокойствия (?!), эта статья до 1894 г. применялась, по-видимому, довольно широко, так как дела по ней возбуждались непосредственно заведующими. В 1894 г. состоялось сенатское постановление, на основании которого дела этого рода должны были возбуждаться только через фабричных инспекторов, чем как будто имелось в виду сократить число этих дел. Принимая заявление о возбуждении дел от заведующих, инспектор являлся здесь в качестве прокурора и, рассматривая все обстоятельства дела, мог или прекратить дело или направить его в суд. Тяжелее этой обязанности я по крайней мере не испытывал. Все свои старания я направлял на то, чтобы найти какие-нибудь оправдывающие рабочего обстоятельства и отыскать какой-нибудь формальный повод для прекращения дела. В результате этих стараний 90% всех дел прекращалось; остальные дела, по которым нельзя было подобрать никаких мотивов для прекращения, волей-неволей приходилось передавать земскому начальнику или городскому судье, дабы не заслужить обвинения в неисполнении своих обязанностей. Фабрик, возбуждавших дела по 51⁴ ст., было, впрочем, очень немного, всего 5—6, зато эти фабрики не пропускали ни одного случая самовольного ухода рабочего без того, чтобы не начать дела. О другой стороны рабочие, привлекавшиеся к ответственности, относились к этому чрезвычайно легко: арест на время от 3 до 7 дней, к которому их приговаривал суд, они принимали как должное, и обыкновенно еще при уходе с фабрики сами заявляли заведующему, что они готовы отсидеть, лишь бы им немедленно выдали паспорта и причитающуюся плату; так что

наши действия при возбуждении этих дел и переживаемые при этом чувства вызывались главным образом принципиальными мотивами. Под влиянием многократных представлений инспекторов о необходимости отмены ст. 51⁴, под влиянием уничтожающей критики этой статьи литературою, Министерство нашло возможным за год — за два до 1905 г. издать по фабричной инспекции циркуляр, на основании которого инспектора получили возможность еще реже прибегать к этой статье; наконец в 1905 году применение статья было отменено, хотя самая статья продолжает благополучию оставаться в законе до сего времени. Нельзя, однако, утверждать, что статья в настоящее время не применяется. Мне известны случаи, имевшие место, правда, до 1905 г., направления дел о привлечении к уголовной ответственности рабочих за самовольный уход и помимо фабричного инспектора, и некоторые земские начальники, а особенно волостные правления принимали такие дела, разбирали их и присуждали рабочих к аресту, действуя таким образом совершенно вразрез с сенатским разъяснением. Такие дела доходили до моего сведения совершенно случайно, уже *post factum*, и все они относятся к мелким промышленным заведениям, предпочитающим пользоваться услугами волостных правлений, или к заведениям, расположенным в отдаленных междуречьях углах участка, где ни владельцы, ни, вероятно, сами земские начальники даже не подозревали об установленном Сенатом порядке направления этих дел. Сейчас они могут также не знать об отмене действия ст. 51⁴.

Итак, мы видим, что рабочие в большинстве случаев не считают себя связанными какими-либо срочными обязательствами по отношению к службе у данного владельца и даже угроза уголовной ответственности мало побуждала их к выполнению этих обязательств. Отсюда возникло стремление фабрикантов добиться такого закона, который давал бы обеим сторонам право на прекращение договора найма с предупреждением всего лишь за 3 дня. Этим фабриканты хотят как бы восстановить справедливость, желая получить для себя право на то, чем в настоящее время вне всякого права пользуется рабочий, требующий немедленного расчета и отказывающийся

отживать законный срок. Но при этом г.г. фабриканты забывают или, вернее сказать, умалчивают об одном чрезвычайно важном обстоятельстве: случаи самовольного ухода рабочих представляют лишь каплю в море сравнительно с случаями увольнения рабочих фабрикою; под увольнением рабочих фабрикою мы разумеем и случаи коллективного расчета при сокращении производства, временной остановке промышленного заведения и т.п.; но если даже иметь в виду только случаи единичных увольнений, то и они во много раз превысят число случаев самовольного ухода; и это попятно, потому что рабочий гораздо больше дорожит местом, чем фабрикант дорожит рабочим.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы прошел такой закон, на фабриках, а особенно на разных мелких заведениях, работающих по заказам, тотчас же началась бы настоящая вакханалия и рабочие превратились бы в мячики в руках предпринимателей-жонглеров. Прежде всего число единичных увольнений возросло бы в чрезвычайной степени; всякого рабочего, чем-либо не угодившего заведующему, стали бы немедленно увольнять: выдать плату за 3 дня для фабрики ничего не стоит, это не то, что выдача 2-х недельной платы, перед чем заведующий иногда еще задумывается. Главное же, 3-х дневный срок предупреждения позволил бы владельцам избегать выдачи платы за простой в огромном количестве случаев и прибегать к постоянным остановкам производства при всякой малейшей заминке в деле. Возьмем для примера красильную фабрику или механический завод; в жизни их нередко бывают периоды, когда в некоторых отделениях работы значительно сокращаются и часть рабочих сидит без дела; такие периоды могут продолжаться неделю или больше, предусмотреть их заблаговременно часто бывает невозможно. В настоящее время связанные 2-х недельным сроком владельцы не имеют возможности уволить часть рабочих на такие периоды и должны платить им за это время жалованье или уплачивать за простой в случае сдельной платы, хотя бы рабочие ничего не делали. С установлением 3-х дневного срока предупреждения владельцы находят прекрасный выход из

такого положения; им стоит только при начале простоя объявить рабочим о расчете и через 3 дня их уволить с тем, чтобы еще через 3—4 дня вновь принять на работу. То же самое в случае желания владельца по каким-либо причинам, например, вследствие временного перепроизводства остановить все производство на некоторое время. Сейчас сделать это довольно трудно: нужно предупредить рабочих за 2 недели, пожалуй, некоторые из них начнут уходить преждевременно и тем нарушат общую плановость работ, да за это время обстоятельств могут изменяться, пожалуй, и не потребуется останова, так что есть риск таким предупреждением внести бесполезную дезорганизацию в дело. Совсем иное положение, когда сегодня можно сделать заявление, а через 3 дня остановить фабрику. Словом, такой порядок был бы очень удобен для предпринимателей. Насколько он был бы выгоден для рабочих, мне кажется, читатель может представить себе довольно ясно.

Условия найма рабочих, помимо указания должности, срока найма, размера и способа вознаграждения, определяются еще правилами внутреннего распорядка. Главную составную часть правил распорядка является расписание рабочего времени, но, кроме того, они содержат в себе подробное определение обязанностей рабочих по соблюдению порядка и благочиния на фабрике; иногда в них предусматривается всякий шаг рабочего на фабрике, регламентируются все его отношения к фабричной администрации. Правила распорядка утверждаются фабричным инспектором. При утверждении их инспектор главным образом должен наблюдать за тем, чтобы в них не было внесено чего-либо противозаконного. Но при работе инспектора не только за страх, но и за совесть, роль его этим не ограничивается. Инспектор смотрит, чтобы в правилах не заключалось излишних, ненужных, способных только раздражать, стеснений рабочих, не говоря уже о том, что не пропускает в них никаких двусмысленных, неопределенных требований и выражений. Иногда при утверждении правил инспектору удастся кое-что выторговать у фабрикантов в пользу рабочих. Опять это та кропотливая закулисная работа, которая никем не замечается, никем не ценится, по имеет

громадное значение в деле упорядочения отношений между сторонами и поднятия правового положения рабочего на фабрике. Работа эта, бесспорно, принесла существенную пользу рабочим и во многих случаях предотвратила конфликты и осложнения между сторонами.

К числу пунктов, которые фабрики упорно старались включать в правила распорядка и внесению которых инспектора систематически противодействовали, относятся статьи об обысках и о праве заведующих переводить рабочих с одной работы на другую. Установление обысков рабочих при выходе их с фабрики вызывается существованием кражи товара, достигающей на некоторых фабриках действительно крупных размеров. Самый обыск состоит в том, что сторож, стоящий у дверей фабрики, ощупывает всякого рабочего, выходящего из фабрики, проводя обеими руками по его корпусу. Предполагается, что сторож обнаружит при этом спрятанный под одеждою товар, похищенный рабочим. Обыску подвергаются как мужчины, так и женщины. Я застал еще то время, когда и женщин обыскивали сторожа-мужчины; потом для обыска женщин начали ставить специальных женщин-сторожих. Надо заметить, что против унижительной операции обыска сами рабочие почти не протестовали до 1905 г. Были лишь заявления о том, чтобы женщин обыскивали женщины, а не мужчины, на что фабрики и согласились. Между тем обыск есть, несомненно, оскорбление личности рабочего и закон никоим образом не может предпринимателю давать право на это. Поэтому инспектора и не пропускали в правилах распорядка статьи, которая вменяла в обязанность рабочим подвергаться обыску, хотя прекрасно знали, что обыски все же практикуются почти на всех фабриках. Лишь очень немногие фабрики отказались от обысков до 1905 г. по собственной инициативе. В 1905 г. сами рабочие возбудили наконец вопрос о полной отмене обысков в своих требованиях, предъявленных во время забастовок. Под влиянием этих требований и по настоянию инспекции в период 1905—7 гг. почти всюду обыски были отменены. Трудно было решиться на это фабрикантам. Чтобы иметь какую-нибудь гарантию в том, что с отменою обысков кражи не увеличатся,

некоторые фабриканты брали с рабочих своего рода обязательства в том, что они сами будут следить друг за другом в целях предупреждения воровства.

Результат отмены обысков, судя по словам заведующих и владельцев, на разных фабриках получился различный: в одних случаях число краж уменьшилось, в других же случаях воровство значительно увеличилось. Последнее обстоятельство заставило фабрикантов к концу 1907 года, когда они почувствовали прежнюю возможность не считаться ни с какими желаниями рабочих, вновь ввести обыски. На помощь им в этом деле пришло циркулярное разъяснение Главного Присутствия, признавшего, что, хотя в правила распорядка и нельзя вносить требование о подчинении рабочих обыску, можно, при согласии на то рабочих, включать о производстве обысков в особые условия найма. Если принять во внимание наступившие для рабочих времена, то нужно признать, что выражение «согласие рабочих» звучит горькой иронией. Не имея оснований не доверять заявлению фабрикантов о том, что с отменой обысков увеличилось воровство, я позволяю себе, однако, сомневаться в действительности выставляемой ими причины обнаруженного явления, так как я глубоко убежден в том, что обыск сам по себе в том виде, как он производится, никоим образом не может предотвратить воровства. Обыски существовали, но и кражи процветали; товар с фабрик пропадал массами, а при обысках задерживали с поличным лишь ничтожное число лиц, пронесивших какие-нибудь жалкие лоскуты или несчастные золотники пряжи⁷. Виновные тяжело платились за свое преступление: их увольняли с фабрики, привлекали к суду и суд приговаривал к тюрьме на несколько месяцев; а кражи

7 Я имею в виду главным образом мануфактурные фабрики, где пропажа товара на некоторых фабриках составляет действительно громадное зло. Рассказывают, что в некоторых местностях вблизи крупных прядильных фабрик имеются мелкие ручные ткацкие заведения, работающие исключительно из краденой пряжи.

все продолжались. Во время своей службы на фабрике, где также существовал обыск, я имел возможность убедиться, что при обыске краденое находили лишь у тех рабочих, которых проследили заранее и о которых знали наверное, что они хотят пронести. Признавая вполне отсутствие у некоторой, и думаю, весьма незначительной части рабочих ясного представления о безнравственности похищения принадлежащего фабриканту имущества и, следовательно, известную склонность их к воровству, я думаю однако, что громадные пропажи товара, наблюдаемые на некоторых фабриках, следует объяснить иными причинами, а не мелким воровством рабочих. Красно-речивым указанием на существование этих иных причин является один факт, имевший место на одной крупной ману-фактуре моего участка как раз в то время, когда вопрос об отмене обысков стоял особенно остро. Представьте себе громадную фабрику с прядильным, ткацким и красильно-отделочным отделениями. Во главе дела стоит почтенный старец, отец многочисленного семейства, человек с самыми старозаветными принципами. Он сам следит за тем, чтобы его директора-инженеры по свистку выходили на фабрику, придерживается целой системы шпионства за служащими и имеет на фабрике «своих людей», которым безусловно доверяет и к которым особенно благоволит. К числу этих близких людей принадлежит отбельный мастер, почтенная видом личность, выслужившийся, конечно, из мальчиков. Каждое воскресенье после обедни хозяин заходит к нему на квартиру, каковой чести не удостоивается никто из инженеров, и они беседуют по душам, обсуждая способы борьбы с безнравственностью рабочих. И вот однажды глухою осенью, проезжая по улице своего села, утопающего в это время года в непролазной грязи, сей строгий ревнитель нравов видит такую картину. Стоит в грязи опрокинувшаяся от сломавшейся оси телега и с воза сыплются в грязь куски кретона, демикатона и прочих вырабатываемых на его фабрике товаров; сцена уже привлекла толпу зрителей. Начинается допрос, что за товар, откуда, куда, зачем, почему? И оказалось, что товар вывозится с фабрики под видом навоза пользующимся неограниченным доверием

фабриканта отбельным мастером, создающим таким путем маленькую прибавку к своему скромному жалованью. К этой картине, кажется, нет надобности что-либо добавлять.

Независимо от тех или иных правил внутреннего распорядка, положение рабочего на фабрике в значительной степени определяется свойствами заведующего данною фабрикою я наличным составом низших чинов фабричной администраций. Значение мастеров, подмастерьев и различных смотрителей в жизни рабочего громадно. Как бы близко ни стоял к рабочим сам заведующий, все же мастер является для рабочего ближайшим начальством, способным и казнить, и миловать. Общую характеристику мастеров мне уже пришлось сделать в одной из первых глав. Воспитанные при суровом режиме доброго старого времени, когда всевозможное рукоприкладство входило в систему обращения с рабочими, особенно малолетними, многие из мастеров до сих пор сохраняют пристрастие к этой системе. Случаи побоев в настоящее время сравнительно редки, по все же мне не раз приходилось расследовать жалобы как малолетних на побои, так и взрослых на зуботычины мастеров. В сущности, расследование подобного рода жалоб не составляет непосредственной обязанности фабричного инспектора; это есть дело суда, который один только может защитить интересы потерпевшего и покарать виновного. Поэтому наша роль при получении жалобы на побои сводилась главным образом к тому, чтобы побудить потерпевшего привлечь насильника к суду. И если бы все рабочие, испытавшие побои мастеров, следовали этим указаниям и возбуждали дела в суде, то, наверное, можно сказать, рукоприкладство на фабриках вывелось бы окончательно в самом непродолжительном времени. К сожалению, большинство рабочих, возбужденных вначале расправою мастера, очень быстро успокаиваются, и дело до суда не доходит. Наше расследование на фабрике случаев побоев имеет значение лишь нравственного воздействия, силу которого, конечно, трудно определить, но надо думать, что вмешательство инспектора в эту область не проходит бесследно; по крайней мере повторных жалоб на одних и тех же лиц никогда не бывало.

Любопытно объяснение одного мастера, уличенного в избивании малолетнего. Он сразу признался в своем проступке, объясняя его тем, что не мог удержаться в силу привычки, приобретенной в прежние времена, и дал слово употреблять все усилия, чтобы не поддаваться впредь этой привычке.

В общем, однако, ручная расправа на фабриках отходит постепенно в область преданий и не в этом главное зло, которое приходится испытывать рабочим от мастеров и подмастерьев; оно кроется во всевозможных поборах и вымогательствах. Самым гнусным видом вымогательства являются предложения, делаемые женщинам. О таких предложениях и о последствиях, связанных с отказом на них, нередко рассказывают работницы во время жалоб. Однажды слишком настойчивые ухаживания подмастерьев послужили даже одною из главных причин забастовки целой фабрики. Побои принимают иногда вид лотерей. Разыгрывает, например, подмастерье какие-нибудь ничего не стоящие часы и рабочие принуждены бывают покупать билеты на лотерею. Разумеется, делается это под сурдинку и нам, инспекторам, становится известным только случайно. Но из одного того, что мне, например, было известно о таких лотереях, о которых не подозревал даже заведующий, можно вывести заключение, что практикуются лотереи довольно часто. Вероятно, до сих пор практикуется еще бесплатная работа фабричных рабочих в свободное время в домах, огородах и полях мастеров; в прежние годы по крайней мере, я хорошо знаю, это практиковалось в широких размерах.

Работница или рабочий, снискавшие тем или иным путем благоволение мастера и своего ближайшего подмастерья, могут быть спокойны: в их лице они всегда найдут защиту перед заведующим, им будут делаться всяческие льготы, они получают более выгодную работу. Рабочие же, не угодившие своему непосредственному начальству, рискуют очень многим; преследованием и постоянными придирками этого начальства непокорные могут быть доведены до того, что им ничего не останется, как только уйти с фабрики, если раньше того они не будут уволены заведующим по наветам того же оскорбленного

непокорством начальства. Влияние мастеров и подмастерьев в зависимости от личных отношений их к отдельным рабочим на заработок рабочего особенное значение имеет на ткацких фабриках, где размер заработка значительно колеблется от того, на каком станке ткач работает и какой товар у него запрошен. Распределение рабочих по станкам и заправка станков зависит исключительно от мастера и его помощников, сам заведующий редко входит в это дело. При правильной и нелицеприятной постановке дела работа на более сложных станках более сложных сортов должна предоставляться более опытным рабочим и наоборот; это вполне согласуется и с интересами самой фабрики. В действительности от этого принципа бывают довольно частые отступления, объясняемые исключительно лицемерием мастеров. При поступлении ткача на фабрику не обуславливается, на каких станках и какие сорта он должен работать, он обязан работать любой сорт, объявленный в расценке, и на всяком станке, на какой он будет поставлен. Если фабрика производит одновременно и простой миткаль, и какие-нибудь камчатные скатерти, — а такие примеры имеются, — заработок одного ткача будет превосходить заработок другого в 3 и даже 4 раза. Какое же тут широкое поле для воздействия на остальных рабочих путем перевода их с одного станка на другой! К переводам со станка на станок заведующие и прибегают иногда, как к особой мере дисциплинарного взыскания. Насколько такая мера законна, — вопрос, возбуждающий сомнение. Формально до тех пор, пока в условиях найма отдельных рабочих не будет указываться, на каких станках и какие сорта данный ткач поступил работать, запрещать переводов нельзя. Но по существу перевод ткача с одного станка на другой, на котором заработок его значительно понижается, представляет несомненное изменение условий его работы, установленных молчаливым соглашением сторон. Я знаю один пример, когда ткач, работавший в течение нескольких лет на одной фабрике фасонный товар и переведенный на

простые станки⁸ с сильным понижением заработка, предъявил к фабрике судебный иск и выиграл дело. На красильно-аппретурных фабриках явлением, аналогичным переводу со станка на ставок, представляется перевод с одной работы на другую. Правда, вопрос о размере заработка здесь не играет такой роли, потому что за рабочим, переведенным на другую работу, обычно сохраняется его прежний заработок. Здесь выступают на сцену внешние условия работы, которые не могут быть безразличными для рабочего. Например, рабочий при сушильных барабанах, привыкший работать в чистоте, в сухой и жаркой атмосфере, и при переводе в красильное или отбельное отделение сразу попадает в сырость, переносить которую ему, может быть, даже по позволяет его здоровье. В другом случае новая работа может потребовать от рабочего большого напряжения мускульной силы, не требующегося на его прежней работе. Понятно, что такие переводы способны вызывать неудовольствие рабочих. В сущности, перевод рабочего с одной должности на другую составляет форменное нарушение условий найма, так как в расчетной книжке рабочего должна указываться его должность. Первое время фабрики пытались выдавать расчетные книжки без указания в них должности рабочего, дабы сохранить за собою право полного распоряжения рабочим, — разумеется, в пределах определенного времени, — но под влиянием требований инспекторов должны были отказаться от этих попыток. Тогда они начали отстаивать свое право переводить рабочего на другую работу, несоответствующую его прямой должности, временно, в

8 Чтобы читателю было понятнее, почему я в одном случае говорю о сорте, а в другом о станке, я должен сказать, что значительно отличающиеся друг от друга сорта работают на различно приспособленных станках; таким образом до известной степени станком определяется сорт товара, по только до известной степени, так сказать, в крупном масштабе, потому что и на одинаковых станках могут работать сорта различной выгоды для рабочих.

случаях недостатка работы в каком-либо отделении. Но так как и на это у фабрик не может быть законного права, то я систематически, из года в год, вводимые фабрикантами в правила внутреннего распорядка требования о подчинении рабочих таким переводам также систематически вычеркивал, предоставляя входить в добровольное соглашение с рабочими в каждом отдельном случае относительно временной работы их не в своих должностях.

Глава XV. Взыскания с рабочих. Штрафные капиталы

Наш закон о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих обязан своим появлением в свет в значительной степени тем невероятным штрафам, которые практиковались на фабриках Московской и Владимирской губ. в 80-х годах прошлого столетия, достигая иногда 40% заработка рабочего, и вызвали в то время сильные волнения рабочих. Поэтому, вероятно, положение о штрафных взысканиях с рабочих является наиболее совершенною частью всего нашего фабричного законодательства; оно выгодно отличается от западноевропейских законодательных актов тем, что содержит в себе категорическое постановление о том, что все взыскания, налагаемые на рабочих, поступают в особый капитал, предназначенный исключительно для выдачи пособий рабочим. Таких требований ни одно из законодательств иностранных государств не содержит. Мы видели уже, что при введении инспекции в N-ской губернии главное недовольство фабрикантов обрушилось именно на закон о штрафных взысканиях. С другой стороны, мне неоднократно приходилось слышать от рабочих выражение признательности за введение этого закона. Я не знаю, до каких размеров доходило штрафование рабочих на фабриках моего участка до 1894 г., но надо думать, что размеры эти были весьма солидны, не даром же фабриканты так сокрушились о том, что отныне налагаемые на рабочих взыскания будут поступать уже не в их пользу. Вероятность этого предположения подтверждается также признанием рабочих и некоторыми другими данными. Да и до сих пор мой участок по размеру штрафных взысканий, судя по сводам отчетов фабричных инспекторов, занимает первое место во всей Российской империи. По сами по себе эти размеры в настоящее время весьма скромны. Вот данные, начиная с 1900 г., когда впервые стали представляться отчеты о штрафных капиталах. В 1900 г. штрафные взыскания составили 0.61% общего заработка рабочих, в 1901 г. — 0.60%, в 1902 г. — 0.59%, в 1903 г. — 0.58%, в 1904 г. — 0.56%, в 1905 г. — 0.40% и в 1906 г. —

0.35%. Как этот процент далек от того, который констатирован был в 80-х годах! В 1906 г., например, на одного рабочего в тех заведениях, где существовали взыскания, приходится за год менее 56 коп. штрафа; а если подсчитать на всех рабочих, принимая во внимание и те заведения, где штрафы совсем не применялись, то выйдет только 52 копейки. В приведенных данных обращает на себя внимание резкое понижение процента в 1905 г. Это объясняется тем, что во время забастовок 1905 г. рабочие, вообще относящиеся вполне терпимо к штрафам, которые и на самом деле для них необременительны, все же заявляли о желательности понижения размера взысканий, на что фабриканты и пошли охотно, благо от этого лично они теряли мало.

Для чего же в таком случае фабриканты вообще прибегают к штрафам, если это для них не представляет никакого интереса? — может быть, спросят кто-нибудь из читателей. На это я отвечу выражением ст. 143 Устава о Промышленности: «в видах поддержания на фабриках должного порядка». Таким образом штраф есть только дисциплинарная мера, рассчитанная на то, что рабочий под угрозой штрафа будет внимательнее и аккуратнее исполнять свои обязанности. Можно, разумеется, сомневаться в действительности этой меры, и некоторые фабрики, особенно более мелкие, совершенно отказались от применения штрафных взысканий и дело от этого, по-видимому, нисколько не страдает. В моем участке, беру 1906 год, — из 82 промышленных заведений штрафы взыскивались только в 40; правда, в этих 40 заведениях занято было 93% всех рабочих.

В виду того, что владельцы не могут иметь корыстных целей при штрафовании рабочих, и для придания большей авторитетности распоряжениям заведующих по наложению взысканий, законодатель признал, что эти распоряжения обжалованию не подлежат. Самый порядок наложения взысканий, поводы и размер штрафов регламентированы, однако, довольно подробно. Взыскание может быть наложено за неисправную работу, за прогул и за нарушение порядка. Отдельные поводы взысканий должны быть подробно поименованы в особых

табелях с указанием размера взысканий. Табели взысканий утверждаются фабричным инспектором. Всякий штраф заносится в особую шнуровую книгу. За нарушение правил о взысканиях установлена ответственность заведующего в виде штрафа от 25 до 100 рублей.

Старые привычки заведующих штрафовать, что называется, сплеча и не особенно стесняясь размерами, сказались в первых представляемых ими для утверждения табелях взысканий; тут значился штраф и за то, что не довернулся, и за то, что перевернулся, в большинстве же случаев подлежащие взысканию проступки рабочих указывались в таких неопределенных выражениях, что под них можно было подвести все, что угодно; словом, на основании такой табели любого рабочего можно было оштрафовать во всякое время. При составлении табели некоторые заведующие даже не справлялись с указаниями закона и выставляли такие размеры взысканий, которые в несколько раз превосходили допускаемые законом нормы. Понятно, такие табели пришлось исправлять радикальным образом.

В моем участке явных стремлений к обходу закона о штрафах не наблюдалось. Но из рассылавшихся по инспекции циркуляров видно, что в других местах предприниматели пытались обходить закон различными способами. Так, вместо того, чтобы налагать на рабочих штраф за прогул, фабрики вводили особые премии за работу без прогула; иными словами говоря, платили в большем размере работавшим без прогула, чем тем, у которых был прогул; разница, ложившаяся тем же штрафом на прогулявшего, оставалась при этом уже в кармане владельца⁹. Большое сравнительно количество штрафов, наблюдаемое в моем участке, объясняется тем обстоятельством, что здесь имеется много ткацких фабрик, на которых штраф за

9 Разумеется, плата за прогульное время у рабочих, получающих окладное жалованье, поденное или месячное, — удерживается само собой независимо от того, налагается ли на них штраф или действует система премий.

неисправную работу есть как бы нормальное явление. Всякий кусок сработанного ткачам товара осматривается особым приемщиком, — браковщиком, — который отмечает все малейшие недочеты в работе; таких недочетов предусматривается табелями взысканий масса, многие десятки: близна, недосева, подплетина и пр., и пр.; за каждый из них полагается штраф, небольшой, 5—10 коп., но почти обязательный: заведующие ткацкими фабриками утверждают, что, если пропускать эти недочеты без штрафов, то будет получаться один бракованный товар. Из таких мелких взысканий в конце концов составляются, однако, крупные суммы. В среднем штрафы за неисправную работу по всему моему участку составляли 60% общего количества штрафов, 30% приходилось на штрафы за прогул и 10% — за нарушение порядка; если же взять отдельно ткацкие фабрики, то там штраф за неисправную работу составляет более 80% всей суммы штрафов.

Можно ли думать, что, раз взыскания с рабочих поступают в пользу фабрики, штрафы налагаются правильно и беспристрастно? Конечно, нет. При наложении взысканий больше, чем в каких-либо иных действиях заведующего, может проявляться его пристрастное отношение, может отражаться его случайное настроение, могут сказываться посторонние влияния. Можно сказать, что при штрафовании рабочих справедливость подвергается риску пострадать на каждом шагу. Сегодня известный проступок прошел рабочему безнаказанно, потому что заведующий был в благодушном настроении, завтра за такой же проступок другой рабочий будет оштрафован в высшем размере. Как бы определенно и точно ни была составлена табель взысканий, при желании заведующий всегда сумеет любой проступок рабочего подвести под ту или иную статью. Всего хуже, когда заведующий поручает наложение взысканий мастерам, а сам только скрепляет их распоряжения. И тем не менее распоряжения заведующего о наложении взысканий обжалованию не подлежат.

Казалось бы поэтому, что рабочие, неосведомленные о беспелляционности распоряжений заведующих о наложении взысканий, как они не осведомлены и о других более важных

положениях закона, будут осаждать инспекторов своими жалобами на штрафы. В действительности, однако, этого не наблюдается; жалобы бывают, по сравнительно редко. Я объясняю себе это таким образом. Первое время, — год-два, — по введении инспекции рабочие вообще редко являлись к инспектору; они, так сказать, не знали еще дороги к нему; идти же с жалобой на штраф у них не могло быть и особых побуждений, потому что в чем другом, а уж в штрафах они, несомненно, тотчас же почувствовали облегчение с введением закона. Впоследствии, когда у рабочих развилась привычка искать защиты у инспектора, их удерживало от протеста против штрафов, по-видимому, сознание, что взысканный, хотя бы и несправедливо, штраф пойдет на выдачу пособий кому-нибудь из них же, быть может, самому же оштрафованному. Все же, я говорю, жалобы отдельных рабочих на штрафы бывали. Разумеется, жалобщикам приходилось разьяснять, что инспектор не в праве отменить распоряжение заведующего. Это всегда удивляло рабочих, вообще переоценивающих значение инспектора. При этом обыкновенно рабочие проявляли удивительно своеобразное понимание своих прав и своих отношений к нанимателю. Вот типичный образчик разговора, который происходит после того, как рабочему разьяснено, что отменить распоряжение заведующего инспектор не может, разьяснено с ссылкой на закон, с указанием мотивов и т. д.

— Я штрафа все равно не приму! — заявляет самым решительным топом рабочий.

— От Вас это не зависит: принять или не принять. Раз штраф наложен, его все равно вычтут.

— Пусть лучше мне дают расчет!

— Если не хотите продолжать работу, заявите заведующему. Может быть, он согласится выдать Вам расчет. По имейте в виду, что штраф он все же имеет право вычесть при расчете.

— То есть как же? И расчет, и штраф вместе?!

— Да. При том же, ведь, он Вас не увольняет; Вы сами говорите, что не желаете жить.

— Ежели штрафа не будет, я согласен работать.

— Попросите заведующего, может быть он и сложит штраф.

— Нет, уж он не сложит, я знаю.

— Тогда Вам придется подчиниться.

— Нет, я штрафа не приму, пускай дает расчет.

И так далее, почти без конца. Пусть не подумает читатель, что с такими заявлениями являются рабочие действительно обиженные. В большинстве случаев заявляют это рабочие, оштрафованные вполне правильно, например, за прогул по пьяному делу.

Выдача пособий из штрафного капитала началась в моем участке приблизительно через год после введения закона, когда несколько принакопился капитал, и первые годы производилась в очень ограниченных размерах. Не зная о назначении капитала, рабочие и не обращались с заявлением о выдаче пособий. Согласно правилам, выдачи из штрафного капитала производятся заведующим фабрикою с разрешения фабричного инспектора «на следующие, — говоря языком Правил, — по преимуществу нужды рабочих: а) на пособие рабочим, потерявшим навсегда способность к труду или лишившимся возможности временно трудиться по болезни; б) на пособие работницам, находящимся в последнем периоде беременности и прекратившим работу за 2 недели до родов; в) в случае утраты или порчи имущества от пожара или другого несчастья; г) на погребение». Постановлением нашего фабричного Присутствия было предоставлено право заведующим выдавать пособия без предварительного разрешения инспектора в размере до 15 руб. Это была ошибка, в которой впоследствии старшему инспектору, предложившему Присутствию сделать такое постановление, пришлось горько раскаиваться; но поправить эту ошибку так и не удалось. Я не скажу, чтобы заведующие слишком злоупотребляли своим правом выдавать пособия или отказывать в выдаче их, но пристрастия, а главное превратного толкования они вносили в это дело немало, особенно первое время, пока они не усвоили тех принципов, которых следует держаться при назначении пособий. Вначале почти все заведующие взглянули на пособия, как на какую-то

награду, охотно выдавая их рабочим, давно работающим и особенно благонравным, хотя бы и менее нуждающимся, и отказывая в выдаче тем, которые крайне нуждаются, но недавно служат на фабрике. До какой нелепости доходило представление некоторых фабрикантов о назначении штрафного капитала показывает такой случай. Не помню уже, по чьей инициативе, кажется, губернаторской, а может быть, и выше, рекомендовано было фабрикантам по случаю коронования Императора Николая II не производить работ на фабриках. Предложение это могло быть проведено при условии, чтобы интересы рабочих при этом не пострадали. Многие фабриканты сразу согласились распустить фабрики (на 2 или 3 дня), выдав рабочим плату за прогульные дни полностью за счет конторы; другие выдавали плату в половинном размере; по нашлись и такие фабриканты, которые захотели проявить свой патриотизм по возможности без всякого ущерба для своего кармана: вместо платы за прогульное время они решили оделить своих рабочих своим залежавшимся бракованным товаром, выдавая каждому по 5 аршин на рубашку. Выискался наконец один фабрикант, вознамерившийся облагодетельствовать рабочих и дать им возможность погулять в честь коронации за счет штрафного капитала! Сделать это ему, конечно, не удалось, но любопытна его бойкая мысль воспользоваться штрафным капиталом, чтобы выйти из затруднительного положения: и патриотом себя показать, и ущерба себе никакого не причинить. Одному заведующему, впрочем, удалось было однажды оказать благодеяние за счет штрафного капитала; это было уже явное злоупотребление. Перед Пасхой на одной ткацкой фабрике у некоторых рабочих оказались очень низки заработки; чтобы не вызывать их неудовольствия, заведующий при расчете прибавил каждому из них по 2—3 рубля и списал всю сумму, рублей 200 с чем то, на штрафной капитал, сделав пометки о выдаче пособий «по бедности». При ближайшей же ревизии штрафных книг эта операция была мною открыта, и заведующий, вероятно, горько раскаивался в допущенной им игре ума, ибо всю сумму должен был покрыть из своего собственного кармана.

Раньше всего началась выдача пособий из штрафного капитала по случаю беременности. В этих пособиях была не только острая нужда, что медлить с выдачей их, дожидаясь больших накоплений капитала, было невозможно. Давно уже статистикой установлено, что смертность грудных детей среди фабричных рабочих достигает невероятной цифры; профессиональной гигиеной установлено также, что работающие на фабриках женщины в громадной своей массе страдают всевозможными женскими болезнями. Объясняется все это тем обстоятельством, что беременные женщины работают на фабрике до последней возможности, прекращая работу часто за несколько часов до родов; бывали случаи, что женщина разрешалась от бремени по дороге с фабрики, не будучи в состоянии дойти до дому. Через 2—3 дня после родов она уже снова становилась на работу. Такая работа, понятно, должна была отражаться самым плачевным образом на здоровья как матери, так и ребенка. Но могла ли женщина поступать иначе, когда каждый лишний день ее прогула подрывает благосостояние ее семьи и как раз в то время, когда появление нового члена семьи требует новых лишних расходов. В этом трагическом положении до некоторой степени и пришли на помощь женщине штрафные капиталы. По правилам, пособие по случаю беременности выдается женщинам, прекратившим работу за 2 недели до родов. Я полагаю, — никаких министерских разъяснений по этому поводу не было, — что приведенное выражение нужно понимать в том смысле, что правом на получение пособия пользуются только те женщины, которые оставляют работу не позднее, как за 2 недели до родов¹⁰. При таком толковании будет понятна цель выдачи пособий: побуждение женщин раньше прекращать работу, чтобы сохранить здоровье и себе, и ребенку; получив пособие, женщина может не изнурять себя работой и с спокойной совестью отдохнуть две недели до родов. Этот принцип я и старался неукоснительно

10 Есть и такое толкование, что женщина должна оставлять работу ранее, как за 2 недели до родов.

проводить в жизнь. Но не так-то легко было это сделать. Прежде всего, заведующие, выдавая пособия без предварительного разрешения, несмотря на мои постоянные разъяснения, не сразу привыкли строго придерживаться этого принципа. Затем, у самих женщин (и их мужей) долго оставался чрезвычайно странный взгляд на пособие: они полагали, что пособие выдается как награда за рождение ребенка¹¹, очень мало придавая значения своевременности оставления работы в интересах здоровья, женщины в погоне за заработком старались возможно дольше оставаться на работе и очень часто пропускали установленный и постоянно напоминаемый им срок. Наконец, не всегда возможно бывает точно определить время, когда женщине нужно прекратить работу. Обыкновенно с этой целью женщин направляют к фабричной акушерке, которая и выдает записку с указанием приблизительного времени, когда должны произойти роды. Но женщины иногда отказывались даже идти к акушерке. В конце концов, по прошествии нескольких лет, в этом деле установился порядок и совершенно исчезли случаи работы беременных до последнего времени. Отчасти я объясняю это развитием у рабочих большей сознательности.

Средний размер пособия, выдаваемого беременным, на фабриках моего участка был 5 рублей, несколько больше там, где имелись крупные капиталы, и меньше на мелких фабриках. Впоследствии, с общим истощением штрафных капиталов, размер этот пришлось уменьшить. Разумеется, 4-5 рублей, получаемые женщиной, не могут возместить потери в ее заработке, если даже считать только 2 недели, проходящие до родов; они составят приблизительно 2/3 ее двухнедельного заработка. По все же этим пособием ее существование перед родами более или менее обеспечивается. Другое дело —

11 Такой же взгляд вначале был и у некоторых заведующих, которые поэтому при рождении двойней выдавали пособие в двойном размере и по тем же соображениям отказывали в выдаче незамужним женщинам, как родившим незаконных детей.

обеспечение за время после родов. Не имея такого обеспечения, женщина после родов стремится тотчас же встать на работу, что еще более вредно, чем продолжительная работа перед родами. Сознав наконец этот вред, рабочие в последнее время стали добиваться обеспечения и за это время. И в моем участке их старания в 1905 г. увенчались успехом: все крупные фабрики после коллективной забастовки 1905 г. согласились выдавать женщинам от конторы по 3 рубля в случае, если они встают на работу не ранее, как через 2 недели после родов. Создавшееся для женщин положение представляется, однако, совершенно непрочным. Дав свое согласие на выдачу пособий от конторы, фабриканты могут легко взять его и обратно. Штрафные капиталы истощаются. Наконец, даже право женщин на сохранение своего места на фабрике при уходе по случаю родов довольно эфемерно. Пункт 2 ст. 105 Устава о Промышленности, предоставляющий право заведующему расторгнуть договор найма вследствие неявки рабочего на работу более 2-х недель сряду по уважительным причинам, не имеет исключения для беременных женщин. И если в настоящее время женщины принимаются вновь на работу после родов, то это основано лишь на обычном праве. К тому же и принимаются сейчас они не прямо на прежнее место, а сначала ставятся в запасные и занимают свое место только тогда, когда оно освободится.

Пособия по беременности составляли главную статью расхода штрафного капитала в моем участке, что вполне понятно, если принять во внимание громадный процент работавших на фабриках участка женщин. В 1900 г. пособий беременным женщинам было выдано на 7776 р. 50 к. (в 1901 случае) при общей сумме выдачи в 14710 руб., т.е. расход на эти пособия составил 52% общего расхода. В следующие годы процент понижается, хотя общая сумма выдач на этот предмет увеличивается; так, в 1906 г. при сумме в 9184 руб. процент равняется только 33, так как значительно возросли выдачи на другие нужды.

Следующую крупную статью расхода штрафного капитала представляют пособия по случаю пожаров и падежа скота.

Размер отдельных выдач на этот предмет колебался в очень широких пределах, от 3 руб. до 75 руб. Зло русской деревни, систематические летние пожары самым чувствительным образом отражались на штрафных капиталах наших фабрик, обслуживаемых рабочими, сохранившими в деревне, если не полное хозяйство, то по крайней мере избы. Заявления о выдаче пособий по случаю пожаров, начиная с мая месяца, не прекращались до самой зимы. Вначале заведующие были очень щедры в определении размеров этих пособий и мне пришлось прямо воевать с некоторыми из них за сокращение размеров пособий. Если бы разрешать выдачу пособий в тех размерах, в которых назначали заведующие, то на многих фабриках весь штрафной капитал был бы израсходован в течение нескольких месяцев; оказав в солидных размерах помощь одним нуждающимся, массе остальных пришлось бы совсем отказывать. Возможно, что некоторые заведующие действовали при этом с злым умыслом выставить себя в глазах рабочих их благодетелями и заставить их усомниться в благожелательности инспектора. Ведь это же так легко сделать. Представьте себе в самом деле: приходит рабочий к заведующему и просит пособие, жалуясь на свою горькую судьбу.

— Ну, хорошо, — говорит заведующий, — я вполне вхожу в твою нужду; вот я тебе 100 рублей пособия назначаю. Там инспектор может сбавить, но я желаю тебе помочь.

Поступая так, заведующий хорошо знает, что выдать пособие в 100 руб. нельзя, — знает, что штрафного капитала всего 600—700 рублей, что на следующих же днях предстоят еще крупные выдачи, что, если этому просителю выдать 100 рублей, то через 2 недели еще более нуждающимся нужно будет совершенно отказать. Волей-неволей вместо 100 рублей инспектору приходится разрешать выдачу пособия в 30—40 рублей. Понятно, рабочий недоволен. Хорошо еще, если он сам лично придет к инспектору, чтобы выразить свое неудовольствие и попросить прибавки. Тогда можно ему растолковать, какими соображениями руководствовался инспектор, уменьшая пособие, указать ему на общую нужду и иногда убедить, что настаивать на большей сумме значит обижать своих же

товарищей, рабочих. Иногда, впрочем, случалось и увеличивать размер пособия, назначенного заведующим; делалось это мною или по собственной инициативе при рассмотрении представляемых заведующими на утверждение назначаемых ими пособий, когда из приложенных удостоверений выяснялась крупная нужда рабочего, а пособие было назначено в слишком скромном размере; чаще же это делалось по заявлению рабочих, остававшихся недовольными назначаемым заведующими пособием. Согласно циркулярному разъяснению Министерства, инспектор может собственной властью назначать пособия рабочим, которым отказано в выдаче такого заведующим, но последний может обжаловать распоряжение инспектора присутствию, приостановив исполнение этого распоряжения. Поэтому при увеличении размера пособия или при назначении такового рабочему, которому заведующий отказал в пособии, нужно было предварительно сноситься с заведующим, чтобы заручиться его согласием, и только тогда делать свое распоряжение.

Пособия по случаю падежа лошади или коровы выдавались в размере от 3-х до 30 рублей, опять-таки в первые годы более щедро, чем в последующие. Можно сомневаться в целесообразности этих пособий, и я готов признать, что часть выдаваемого по этим поводам штрафного капитала пошла непроизводительно. Были тут, наверное, и злоупотребления со стороны рабочих. Рассказывают, что находились такие рабочие, которые с целью получить пособие из штрафного капитала покупали за стоимость кожи совсем уже готовую пасть лошади; лошадь околевала и волостное правление выдавало нужное для получения пособия удостоверение о падеже лошади, которая оценивалась, как настоящая, в несколько десятков рублей. Но с другой стороны я не сомневаюсь, что эти пособия немало помогли действительно нуждающимся семьям, лишившимся главного своего достояния в виде лошади или коровы, настоящей кормилицы многочисленных малолетних детей. На последнее обстоятельство, наличие малолетних детей, я обращал особое внимание при назначении пособий по случаю падежа коровы.

В общем пособия по случаю потери имущества составляли около 1/3 всех выдач, как в первые, так и в последующие годы до 1906 года включительно.

Около 10% всех выдач приходится на долю пособий на похороны. Для этих пособий установлен был одинаковый размер, — 6 рублей, и выдавались они на похороны не только самого рабочего, но и ближайших членов семьи.

Значительно позднее перечисленных начали выдаваться пособия по случаю болезни. Штрафные поступления на фабриках были сравнительно так невелики, что их никоим образом не могло бы хватать на выдачу пособий всем заболевшим рабочим, если бы даже несколько сократить выдачи по другим поводам. Поэтому выдача пособий по случаю болезни началась на отдельных фабриках лишь тогда, когда на них составились более значительные запасы штрафного капитала¹². В 1906 г., при общем расходе штрафного капитала в 14.700 руб., пособий по случаю болезни было выдано всего только на 399 руб., в 1902 г. таких пособий выдано уже почти на 1800 руб. Особенно же увеличились эти выдачи с 1905 г.; в этом году пособий по случаю болезни выдано более чем на 4000 руб., и столько же в следующем 1906 г., при этом как в том, так и в другом году расход штрафного капитала уже значительно превысил штрафные поступления: в 1905 году штрафных взысканий поступило около 17.000 руб., а израсходовано около 24.000 руб.; в 1906 г. поступило 18½ тысяч, израсходовано почти 28.000. Общая сумма штрафного капитала, непрерывно, хотя и медленно, возраставшего до 1905 года не столько за счет превышения поступлений штрафных взысканий над расходом, сколько благодаря приросту капитала в виде процентов по наличности в сберегательных кассах и по процентным бумагам, с 1905 г. быстро стала уменьшаться. На это уменьшение в известной степени повлияло и падение курса 4-х процентной

12 В других губерниях, например, в Московской, где накопились большие штрафные капиталы, пособий по случаю болезни выдается значительно больше.

ренты, в которой хранится штрафной капитал. Вынужденные продавать принадлежащую штрафным капиталам ренту для получения необходимых на расход сумм, фабриканты уменьшали таким путем штрафные капиталы на довольно заметную сумму. В 1906 г. потеря от этих операций выразилась в 1500 рублей. Потеря могла бы быть гораздо больше, если бы многие фабриканты не кредитовали штрафные капиталы, дабы избежать убыточной продажи бумаг.

Штрафные капиталы всех фабрик моего участка в 1900 году составляли сумму в 45.000 руб., в 1904 году сумма эта возросла до 56.000 руб.; к 1 января 1907 г. она вновь пала до 43.000 руб. Более широкое расходование штрафного капитала за последние 2 года, несмотря на сокращение штрафных взысканий, находит себе объяснение в ожидавшемся в то время скором появлении закона о страховании рабочих. Этот закон должен был принести рабочим обеспечение на случай болезни, следовательно и женщинам на время родов, а также обеспечить рабочим погребение, т.е. принять на себя главные статьи расхода штрафного капитала; поэтому не оставалось оснований особенно заботиться о сбережении штрафного капитала.

Ожиданиям этим, как известно, не суждено было осуществиться до сего времени и рабочие остались при старом корыте.

Штрафной капитал каждой фабрики, согласно правилам о хранении его, должен, по накоплении его до 100 р., и не реже двух раз в год вноситься в сберегательную кассу; когда хранящийся в кассе капитал достигает 1000 руб., он должен обращаться в государственную ренту. Проверка по книгам наличности штрафного капитала вместе с проверкой правильности наложения взысканий и расходования капитала является прямою обязанностью инспектора.

Несколько раз при проверке книг мне пришлось обнаружить, что деньги, которые должны уже быть внесены в сберегательную кассу, оставались еще в кассе фабрики. Так как такое упущение со стороны заведующего наносило несомненный ущерб штрафному капиталу вследствие потери процентов, то я всегда в этих случаях предлагал заведующим вносить в

штрафной капитал потерянную на процентах сумму из средств фабрики, что, должен отметить, всегда охотно исполнялось.

Как я уже упоминал выше, рабочие первое время имели очень смутное представление о порядке образования и о назначении штрафного капитала. Позднее они поняли и то, и другое, но совершенно не были осведомлены о размерах имеющихся на фабриках штрафных капиталов, что и вызывало иногда их неудовольствие по поводу назначаемых пособий, а также всевозможные превратные толкования среди них относительно размеров штрафования и проч. Чтобы положить предел подобного рода недоразумениям, нужно было поставить рабочих в курс действительного положения дел. Это наконец и сделало фабричное присутствие, обязавшее, по предложению старшего инспектора, заведующих вывешивать для сведения рабочих на видных местах фабрики подробные ведомости о состоянии штрафного капитала фабрики на 1-е число каждого месяца, о количестве наложенных в течение месяца взысканий, выданных пособий и т. п.

Штрафные капиталы закрывшихся фабрик поступают в общеимперский штрафной капитал. В этот же капитал, положение которого основано на законе 1895 г., поступают все взыскания, налагаемые на заведующих как Присутствиями, так и судебными учреждениями за нарушение Устава о Промышленности. Капитал предназначается для выдачи пособий рабочим, утратившим способность к труду. Пособия назначаются окружными инспекторами по представлению участковых инспекторов. Одно время мы возлагали некоторые надежды на этот капитал, думая, что он в состоянии будет оказать сколько-нибудь заметную помощь инвалидам труда. Но поступления в капитал оказались весьма незначительными, а потому и выдачи из него совершенно ничтожными. Например, в 1905 году весь приход этого капитала равнялся 26.145 руб., при громадном количестве недоимок, т. е. невзысканных еще за предыдущие годы штрафных сумм с заведующих. Чрезвычайная медленность поступления налагаемых на заведующих взысканий прямо поразительна; не редки случаи, когда полиция в течение

нескольких лет не удосуживается взыскать следуемый с того или иного фабриканта штраф¹³.

Возможно также, что некоторые взыскания, налагаемые общими судебными учреждениями, поступают не по своему назначению. В моей практике мне случилось два раза прибегать к кассационным жалобам на приговоры Окружного суда. Рассматривая в апелляционном порядке возбужденные мною дела против заведующих за нарушение Устава о Промышленности, суд и в том и в другом случае давал неправильное назначение наложенным взысканиям. Первый раз дело происходило в 1897 г., когда в сношениях инспекции не было еще установлено строгой субординации по степеням и рангам, как то предписал позднейший наказ, и я непосредственно от себя писал жалобу в Сенат, который и защитил интерес общеимперского штрафного капитала. Во втором случае я принужден был ограничиться сообщением о неправильном постановлении суда старшему инспектору и мне неизвестно, чем кончилось дело. Возможно, как видит отсюда читатель, что общеимперский штрафной капитал получает не все, что ему следует на основании закон 1895 г.

Насколько ничтожна оказываемая общеимперским капиталом помощь рабочим, видно, например, из данных за 1906 год. В этом году на весь Московский Округ было ассигновано из общеимперского штрафного капитала для выдачи пособий 7500 руб.; прошений о выдаче пособий поступило к окружному инспектору 400, удовлетворено 350; средний размер пособия определяется таким образом в 21 рубль с копейками. Я по своему участку ходатайствовал о назначении пособий 9 лицам на сумму 450 руб.; пособия были назначены всем, но всего лишь в сумме 305 руб. Если к этому прибавить, что из фабричных штрафных капиталов по моему участку лицам, утратив-

13 Взыскание налагается собственно на заведующего, но, если тот не уплатит его в течение 2-х недель, то обращается на владельца, так что фактически платить приходится всегда владельцу.

шим способность к труду навсегда, пособий почти не выдавалось (в 1905 г. выдано было 15 лицам 197 руб., в 1906 г. 7 лицам 112 руб.), то мы увидим, что положение инвалидов труда является совершенно необеспеченным. К этому вопросу мне еще придется вернуться.

Глава XVI. Харчевые лавки. Продовольствие рабочих

Таким же злом, как и штрафы, были когда-то на фабриках фабричные лавки. Известно, что в 80-х годах имелись такие фабрики, относительно которых можно сказать, что они состояли при фабричных лавках, а не наоборот, так как прибыль, получаемая от лавки, превышала прибыль от производства. В целях защиты рабочих от эксплуатации их путем расплаты товаром и через посредство фабричных лавок закон 1886 г. за расплату товаром установил ответственность в административном порядке в виде штрафа, налагаемого Присутствием, в размере от 50 до 300 рублей¹⁴, существование же фабричных лавок ввел в рамки, очерченные ст. 141 Устава о Промышленности. Эта статья гласит следующее. В помещении фабрик и заводов, с согласия заведующих оными, могут быть открываемы лавки потребительных товариществ, для снабжения фабричных служащих и рабочих недорогими и доброкачественными предметами потребления. Открытие при фабриках других лавок с тою же целью допускается не иначе, как с разрешения фабричной инспекции. Расписание, а также расценка или такса предметов, продаваемых из лавок, утверждается фабричною инспекцией и вывешивается в лавке. Практика установила, что расписание предметов, которые могут быть отпускаемы рабочим из фабричных лавок, составляются Присутствием, цены же на товары утверждаются инспектором каждый месяц.

Можно с полной уверенностью сказать, что до 1894 г. в моем участке не было ни одной фабрики, ни одного завода, где не имелось бы фабричной лавки или не производилась бы выдача рабочим в счет заработка харчевых и иных продуктов из конторы. С введением инспекции часть фабрик постаралась ликвидировать свои харчевые лабазы, большинство же круп-

14 Принудительная расплата товаром преследуется судом на основании ст. 1359 Уложения о Наказаниях.

ных фабрик легализировало фабричные лавки, получив надлежащие разрешения. Что касается мелких заведений, то те еще долго пытались удержать прежние порядки, всеми способами стараясь обходить закон. Такое, я бы сказал, горячее стремление владельцев снабжать своих рабочих харчами и другими товарами само по себе говорит уже о том, что такие операции для них не безвыгодны, хотя многие владельцы и уверяют, что они имеют лавки исключительно в интересах рабочих и терпят от них одни убытки. Неправильно было бы, однако, думать, что открытие фабричных лавок вызывается всегда только желанием владельца извлечь лишнюю прибыль и что интересы рабочих при этом совершенно не имеют в виду. Иногда устройство лавки при фабрике является безусловно необходимым по той простой причине, что за отсутствием такой лавки рабочим негде было бы получить самые необходимые продукты. Это относится ко всем фабрикам и заводам, расположенным в одиночку, вдали от базаров, иногда за несколько верст от всякого жилья, как, например, стеклянные и некоторые химические заводы. Находясь вне всякой конкуренции, эти заводы во время оно, вероятно, не стеснялись назначать цены на товары в своих лавках. С того времени, как цены стали утверждаться инспектором, возможно, что всякий личный интерес в этих лавках у владельцев исчез, во они должны были продолжать дело в силу указанных причин. С другой стороны, некоторые крупные фабриканты, имея лавки с громадными оборотами, совмещают свою пользу с несомненною выгодой для рабочих. Благодаря именно громадным оборотам, позволяющим делать закупки из первых рук и en grand, эти лавки имеют возможность отпускать рабочим продукты по таким ценам, с которыми не в состоянии конкурировать частные, менее капитальные торговцы. Закрытие такой лавки было бы для рабочих весьма чувствительным ущемлением.

Фабрик и заводов, пожелавших, с введением инспекции, легализировать свои лавки, оказалось в моем участке более 20. Приблизительно то же количество фабричных лавок оставалось и все последующие годы. 2-3 крупных фабрики, познакомившись с теми требованиями, которые предъявляет к фабрич-

ным лавкам закон, закрыли свои лавки. Более мелкие фабриканты и заводчики надумали вначале очень простой способ обойти закон. Они перевели свои лавки на чужое имя, на имя своих ближайших родственников, например, жены и продолжали вычитать забор по лавке из заработка рабочих по-прежнему через контору, но только не проводя вычетов через расчетные книжку. Открыть это было не так-то легко. Для этого нужно было попасть на завод в то время, когда производилась самая операция, или по меньшей мере, когда имелись на лицо в конторе вещественные доказательства в виде заборных книжек. Застигнутые таким образом врасплох, владельцы обычно давали такие объяснения: — «Мы с рабочих ничего не вычитаем; они сами, получая деньги, платят свои долги по лавке; а если не желают платить, мы не принуждаем. Нам и надобности нет: лавка не заводская». Можно себе, однако, представить, как бы мог рабочий не пожелать оплатить забор по лавке, если даже допустить, что ему действительно выдают деньги на руки... за одним столом с тем, чтобы получить их обратно за другим. Как ни очевидно здесь нарушение закона о фабричных лавках, наше Присутствие позволяло себе еще сомневаться в этом; и был случай, когда заведующий, привлеченный мною к ответственности по протоколу, составленному по поводу фактов, совершенно тождественных только что описанным, был Присутствием оправдан. Не меньше склонности к оправданию проявляло Присутствие времен губернатора S. и в случаях обнаружения расплаты с рабочими товаром. На одном заводе конторою выдавался рабочим в счет платы, вообще сильно задерживавшейся, различный красный товар, для чего специально приглашался на завод торговец, имевший свои особые счета и расчеты с владельцем. Это было мною обнаружено и составленный по этому поводу протокол направлен в Присутствие для привлечения заведующего к ответственности на основании 155 ст. Устава о Промышленности совершенно ясно говорящей о том, что «заведующий фабрикою или заводом:... 3) за расплату с рабочими, вместо денег, условными знаками, хлебом, товаром или иными предметами, подвергается денежному взысканию от 50 до 300 рублей». Как и во всех иных случаях, при рассмотрении данного дела Присутствие

должно было считаться исключительно с формальной стороной дела, не касаясь вопроса по существу, т.е. оставляя в стороне вопрос о принудительности расплаты. Формальная сторона нарушения установлена была здесь с полной очевидностью. Однако Присутствие в своем стремлении избегать всяких репрессий по отношению к владельцам уклонилось в этом деле от наложения взыскания на заведующего, признав, что дело подлежит рассмотрению суда по 1359 ст. Уложения о наказаниях, отвергнув таким образом всякое право на существование за н. 3 ст. 155 Устава о Промышленности. При следующих губернаторах взгляд Присутствия на эту статью изменился, и заведующие, уличенные в расплате с рабочими товаром, уже не избегали ответственности. Такая расплата существовала исключительно на мелких заводах, при которых собственно никаких лавок не было, но все нужные рабочим продукты держались в кладовой у хозяина. Приходит рабочий такого завода к хозяину.

— Позвольте мне денег!

— На что тебе деньги?

— Так что муки нужно купить, да чайку с сахаром.

— Ну, пойдем, я тебе отпущу и муки, и чаю с сахаром.

И отпускает, и записывает «божецкую» цену, а денег не дает. Рабочий не протестует, потому что протест ни к чему не привел бы. Забор этот в официальные книги не вносится, а записывается в особые домашние книги, которые в сущности и являются действительными расчетными книгами. В официальных же расчетных книгах вся выдача показывается наличными деньгами. В одной из первых глав я описывал, как на почве раскрытия такой книги возникло целое дело о сопротивлении. Заводчики, подчинившиеся надзору инспекции, продолжали еще долго расплачиваться товаром и вести свои тайные книги; рабочие их не выдавали, и только счастливая случайность, посылавшая в мои руки эти домашние книги, позволяла обнаруживать действительность и привлекать к ответственности того или иного заводчика. Каждый, составленный по такому поводу, протокол давал хорошую острастку другим заводчикам и сокращал на некоторое время их торговые операции с чаем,

сахаром и прочими продуктами. Я не уверен, однако, что расплата с рабочими товаром на мелких заводах окончательно прекратилась даже через 12 лет после введения инспекции; наверное, можно лишь сказать, что она сократилась до ничтожных размеров.

С фабрикантами, легализовавшими свои фабричные лавки, у меня первое время было также немало недоразумений. Как я уже сказал, список предметов, которые могут быть отпускаемы рабочим из фабричных лавок, составляется Присутствием. Основываясь на точном выражении ст. 141 Устава о Промышленности, упоминающей о предметах «потребления», наше Присутствие, как, впрочем, Присутствия и других губерний, внесло в список лишь харчевые продукты, при том продукты первой необходимости и наиболее дешевые, исключив, например, всякие сласти (кроме подсолнечного семени), колбасу, фрукты и даже чай ограничив сортом стоимостью не выше 1 р. 60 к. за фунт. Это был несомненный пересол, вызванный чрезмерной заботой о том, чтобы рабочий не раскошеливался; впоследствии список был несколько пополнен, а частью мы, инспектора, сами пропускали некоторые предметы, не поименованные в списке, но стоящие близко к имеющимся там. Фабриканты, привыкшие отпускать рабочим не только всевозможные колониальные товары, но также мануфактуру и галантерею, естественно, были весьма недовольны появившимся стеснением, которое угрожало закрытием целых отделений в их лавках. Впрочем, до закрытия дело не дошло. На основании позднейших министерских разъяснений, мануфактура, галантерея и другие, не вошедшие в список, предметы остались в тех же лавках, но только могли быть отпускаемы рабочим не иначе, как за наличные деньги. Это, разумеется, также не особенно улыбалось фабрикантам, и они еще долго делали попытки включить то тот, то другой предмет в утверждаемую таксу, надеясь на то, что инспектор проглядит и подпишет, и еще долго харчевые таксы пестрели красными чертами, которыми рукою инспектора вычеркивались наименования недозволенных предметов. Значительно больше, однако, чем запрещение продавать тот или иной предмет,

вызывало неудовольствие фабрикантов понижением цен, назначаемых ими за товар. Харчевые таксы утверждаются инспектором, следовательно, инспектор имеет право изменять в них цены. Это регулирование цен должно производиться, по инструкциям, «сообразно имеющимся в полицейских управлениях и городских управах справочным ценам на предметы потребления». На деле работа инспектора по утверждению харчевых такс является гораздо сложнее. Пользоваться справочными цепами полицейских управлений и городских управ совершенно невозможно. Не говоря уже о том, что эти цены мало соответствуют действительным рыночным ценам, получали мы «справочные цены» через 2 месяца после того, как в них была надобность. Харчевые таксы фабричных лавок утверждаются на месяц вперед, «справочные же цены» присылаются за истекший месяц, при том с большим запозданием. Поэтому, судить о правильности выставляемых фабрикою цен можно было только по действительным рыночным ценам данной местности, для чего и приходилось наводить частным образом справки у местных торговцев. Кроме того, прекрасным показателем являлись цены фабричных лавок тех фабрик, добросовестность которых в этом отношении и правильная постановка дела не подлежали никакому сомнению. Принимая во внимание существующие на крупных местных рынках цены и настроение общего рынка (главным образом хлебного), сравнивая одну таксу с другой, вводя поправки на расстояние, можно было в конце концов установить для каждой отдельной фабрики такие цены, которые не были бы обидны ни для рабочих, ни для владельца. Это была очень кропотливая работа, и все же я не избегал нареканий со стороны фабрикантов на слишком низкие, по их мнению, цены, допускаемые мною. Сплошь и рядом случалось, что, получив утвержденную таксу, заведующий или сам владелец заявлял претензию и начинал просить о повышении цен, представляя иногда для доказательства невыгодности для него продажи по назначенным ценам счета на купленный им товар. Эти счета убеждали, однако, всякий раз лишь в том, что фабриканты на фабричной лавке непременно желают нажить известный процент, не ограничиваясь оправданием своих расходов. И когда это стремле-

ние проявляют более мелкие фабриканты, приобретающие товар для своих лавок по мелочам и далеко не из первых рук, следовательно, сравнительно по дорогой цене, то понятно, что их барыши будут сопровождаться ущербом для рабочих, не в пример крупным фабрикантам, совмещающих свою пользу с еще большей пользою для рабочих.

Со стороны рабочих жалоб на цены фабричных лавок никогда не бывало. Если рабочие и выражали неудовольствие по поводу лавок, то исключительно на качество товара. Но это такая область, в которой инспектор почти бессилён что-нибудь сделать. Утверждая цену на товар, инспектор, разумеется, не знает, какого достоинства товар: нельзя же ехать в лавки и проверять товар, приходится предполагать, что товар нормального, хорошего качества. Другое дело — уметь разобраться в сортах. Хотя ни в каких высших учебных заведениях не проходит паука лабазоведение, инспектор должен быть компетентен и в этом вопросе, иначе он может попасть в очень глупое положение и создать почву для справедливых нареканий со стороны рабочих. Представьте себе, что Вам присылают для утверждения таксу на муку; если Вы утвердите 2 цены, одну на ржаную муку, а другую на крупчатку, без обозначения сортов муки, то Ваше утверждение никакого смысла иметь не будет, так как Вы предоставили владельцу полный произвол наживать, сколько ему вздумается, путем подбора более выгодных для него сортов. Ржаная мука бывает обойная, обдирная, ведренная, сеяная и т. д., а крупчатка различается по клеймам: голубое, красное, зеленое, черное, при чем каждое из них разделяется на несколько сортов; каждый сорт отличается от другого и достоинством, и ценой; мало того, одни и те же сорта разных мельниц котируются на бирже различно. Нечто в том же роде нужно различать и в некоторых других товарах. Однако, как бы тщательно Вы не отнеслись к таксе, возможно, что отпускаемый из лавки товар не будет соответствовать своей цене; могут отпускать товар не тот, который указан в таксе или товар может быть несвежий, испорченный. Поэтому, при посещении фабрик, нужно проверять товар в натуре, для чего требуется уже не только теоретическое, но и практическое

знакомство с товаром. Это уже гораздо более трудная задача, и Вы никогда не можете поручиться за то, что здесь не будет злоупотреблений. Впрочем, злоупотребления бывают не так часты. За все время мне пришлось иметь дело всего лишь с тремя случаями неудовольствия рабочих на плохое качество товара и одновременно с тем на обвешивание, при чем, по расследовании, только в 2-х случаях оказались более или менее серьезные основания для неудовольствия.

Вообще, можно сказать, рабочие очень дорожат фабричными лавками. Среди них существует даже мнение, что фабриканты обязаны иметь лавку. На одной фабрике, где, с введением инспекции лавка была закрыта, рабочие выразили форменный протест против этого. Когда на заводе, на котором возникло неудовольствие рабочих по поводу плохого товара, отпускаемого из лавки, владелец заявил рабочим, что он готов совсем закрыть лавку, рабочие также стали против этого протестовать. Чем же объясняется стремление рабочих к тому, чтобы при фабрике была лавка? Объяснение находится очень простое. Производись выдача заработной платы рабочим не один раз в месяц, как при найме на срок определенный, и не 2 раза, как при неопределенном сроке найма, а еженедельно, то, наверно можно сказать, рабочие не дорожили бы так фабричными лавками; главный интерес для них заключается в том, что они могут брать из фабричной лавки в кредит в счет своего заработка. Из частных рук не всякий рабочий может иметь кредит; а если и имеет, то должен за него переплачивать, так как частный торговец, необеспеченный своевременной уплатой, всегда накладывает на рабочего лишнюю копейку. Впрочем, и в фабричной лавке кредит рабочему ограничен. Обыкновенно контора заранее определяет, на какую сумму каждому отдельному рабочему, в зависимости от его среднего заработка, может быть отпущено товара в течение месяца. Прежде, до введения инспекции, определение такого «доверия» выражалось в форме выдачи рабочему особого ярлыка с обозначением суммы, на которую он может забрать товара; сумма, обозначенная на ярлыке, вносилась немедленно в расчетную книжку, как будто товар уже забран, и рабочему нужно было волей-

неволей точно подогнать свой забор к этой сумме; положим, рабочему выдано доверие на 3 рубля; нужного ему товара он взял на 2 руб. 75 коп.; на оставшийся четвертак он набирает всяких мелочей, которые ему не нужны. Если вместо четвертака осталось несколько копеек, то ему просто насыпали на них зерен (подсолнечников). Такой порядок я еще застал и должен был его вывести.

Теперь каждому рабочему выдается особая заборная книжка, куда подробно вписывается весь забранный товар.

Возможностью получения из фабричной лавки во всякое время товара (в пределах оказанного доверия) рабочие пользуются иной раз и к прямому ущербу для себя. Почти во всех фабричных лавках наблюдается, что некоторые рабочие забирают громадное количество чая и сахара; случается, что, взяв сегодня четверку чая, через день — через два рабочий вновь берет четверку. Оказывается, что товар этот берется не для собственного потребления, а для перепродажи, и вырученные деньги, — как уверяют по крайней мере фабриканты, — идут на выпивку. Захотелось рабочему выпить, денег у него нет, в конторе до срока не дадут, а в лавке у него есть еще доверие. Взятый в лавке чай или сахар тотчас же находит себе покупателя, конечно, с громадной скидкой. По-видимому, идет даже простая мена чая на водку в шинках, расположенных в громадном количестве вокруг каждой фабрики. Некоторые фабрики в целях борьбы с этим злом решили наконец ограничить отпуск рабочим чая и сахара пределами действительной потребности в этих продуктах.

Общий оборот фабричных лавок в моем участке равнялся в год почти 300.000 руб., составляя почти 6% заработка рабочих. Так в 1906 г., при общем заработке рабочих в 5.221.550 руб., харчами было отпущено на 299.249 рублей. При том в эту сумму входят не только товары, забранные отдельными рабочими, но и харчевые продукты, забранные артелями при артельных столовых, как из фабричных лавок, так и прямо из контор (по таксам, также утверждаемым инспектором).

Все, что мною говорилось до сих пор о фабричных лавках, относится к лавкам, содержимым за счет фабрик. Лавок, при-

надлежащих обществ потребителей, в моем участке до 1906 года не было ни одной. Участвуя в учреждении общества потребителей при фабрике, на которой я прежде работал; будучи одним из организаторов общества потребителей в городе, где мне пришлось жить, будучи инспектором, я всегда близко интересовался делом развития потребительных обществ и прилагал особые старания к открытию обществ потребителей при фабриках своего участка. С другой стороны, сами рабочие на некоторых фабриках стремились к открытию потребительных лавок и даже подавали по этому поводу особые ходатайства заведующим; большинство фабричных служащих стояло всецело на стороне этого дела. И все же из всего этого ничего не вышло. На словах фабриканты всегда сочувственно относились к идее учреждения потребительных обществ; одно время можно было даже ожидать скорого осуществления этой идеи по крайней мере на 3-х крупных фабриках: были уже выработаны уставы, начиналась предварительная подписка на паи; но как только дело доходила до некоторых материальных жертв, неизбежных в этом деле, со стороны владельцев, так все дело расстраивалось. Собрать капитал, необходимый для открытия лавки и ведения дела, со служащих и рабочих, не располагающих свободными средствами, за исключением единичных личностей, без кредита со стороны владельца положительно невозможно. Открытие при фабрике общества потребителей и передача ему лавки, принадлежащей владельцу, осуществимы только при следующих двух условиях: 1) если фабрика согласится выдавать всем рабочим, желающим вступить в пайщики, деньги вперед с постепенным вычетом из заработка и 2) если фабрикант кредитует возникающее общество хотя в части товара, передаваемого фабрикою обществу потребителей. На это-то и не хотели пойти наши фабриканты. И только с начавшимся пробуждением самостоятельности рабочих, заставившей владельцев иначе относиться к интересам рабочих, положение дел в этой области коренным образом меняется. В течение одного 1906 года возникли потребительные общества при 3-х фабриках; в организации этих обществ, сразу широко поставивших дело, самое близкое участие, наряду со служащими, принимали и рабочие, из числа

которых составила затем и значительная часть правлений. К сожалению, последовавшая немедленно после 1906 г. общая реакция остановила и этот рост потребительных обществ.

Цены на товары, отпускаемые из лавок потребительных обществ при фабриках, утверждаются фабричным инспектором так же, как харчевые таксы обычных фабричных лавок. Равным образом из этих лавок могут отпускаться только те предметы, которые вошли в составленный присутствием список. Первое же потребительное общество по желанию всех рабочих, как пайщиков, так и не состоящих пайщиками, возбудило ходатайство о том, чтобы ему было разрешено торговать не только харчевыми продуктами, но и мануфактурой. Одновременно я получил аналогичное ходатайство от рабочих другой фабрики, где имелась обыкновенная фабричная лавка. Правление этой последней фабрики давало обязательство, что оно, получая мануфактурный товар из первых рук, будет продавать его рабочим без всякой прибыли. Этому можно было вполне поверить, так как фабрика вообще делала очень многое для рабочих. В то время цены на мануфактурные товары были в сильном повышении, а наши местные торговцы ломили прямо безбожные цены. Попятно поэтому то старание, с которым рабочие добивались разрешения покупать товар в своих лавках, где они рассчитывали, не без основания, получить его по значительно более дешевой цене, чем у частных торговцев. Я всецело присоединился к просьбе рабочих и, направляя ходатайства в присутствие, был уверен, что они будут удовлетворены. Однако присутствие, основываясь на букве закона, желаемого разрешения не дало, сыграв таким образом исключительно в руку местных торговцев-мануфактуристов с их не в меру разыгравшимися аппетитами.

Я уже упоминал, что наравне с харчевыми таксами фабричных лавок нам приходилось утверждать цены на харчевые продукты, отпускаемые непосредственно конторами некоторых фабрик, не имеющих фабричных лавок, в артельные столовые рабочих. Артельное продовольствие рабочих на фабриках моего участка было очень сильно развито. В 1897—8 годах мною было произведено подробное обследование его, и я

позволю себе привести здесь некоторые данные из этой работы. Продовольственные артели имелись при всех фабриках и заводах, где рабочие пользовались от фабрик жилыми помещениями казарменного типа. Размер артелей находился в зависимости от размера фабрики, колеблясь в пределах от 1200 человек до 16 человек; были артели отдельно мужские и женские, были и смешанные. Малолетние, участие которых в артелях совершенно ничтожно, входили в артели или на правах взрослых членов, или же за продовольствие их взималось на 25% меньше, чем с взрослых рабочих. На некоторых фабриках и заводах за пользование артельной кухней с рабочих не взималось ничего, кроме содержания кухонной прислуги; на других фабриках артель должна была платить владельцу также за отопление, а иногда иметь за свой счет и посуду: чашки, ложки и пр. Если при фабрике не имелось лавки и продукты не отпускались артели конторою, то артель забирала харчи у частных торговцев, по собственному выбору. Уплата по забору производилась большею частью конторою, которая, как и в том случае, когда харчевые продукты отпускались лично фабрикою, удерживала из заработка рабочих стоимость продовольствия ежемесячно по разверстке, предоставляемой артельным старостою. Староста, кроме бесплатного продовольствия, получал от артели определенное жалование; обыкновенно он выбирался артелью из своей среды, но утверждался в этой должности заведующим фабрикою. Крупные фабрики, имеющие фабричные лавки, при отпуске харчевых продуктов артелям иногда делают скидки с цен, указанных в утверждаемой инспектором таксе. Благодаря этому, на таких фабриках, при громадных артелях, стоимость продовольствия обходилась рабочим баснословно дешево. И это составляло особую гордость для владельцев, не упускавших случая указать на то, насколько дешево их рабочие имеют возможность продовольствоваться. По точному, лично мною проверенному, подсчету на одной фабрике мужской артели ткачей в 1200 человек продовольствие обходилось на человека в день в мясоед 7 1/2 коп., в постный месяц 5 3/8 коп.; на той же фабрике женской артели в 700 человек скромный день обходился в 5 3/4 коп., постный же в 3 3/4 коп. Дальше этого, по-видимому, уже идти

некуда. И действительно, на других фабриках продовольствие обходилось дороже, хотя и незначительно, во всяком случае ни на одной фабрике стоимость харчевания не поднималась выше 9 1/2 коп. в день. Разумеется, на такую сумму, какие бы ни были цены на продукты, харчеваться ни в одиночку, ни семьей нельзя; это возможно только при артельном продовольствии, притом при более или менее многолюдных артелях. Картина, однако, меняется, когда мы посмотрим, из чего состоял стол рабочих. Прежде всего этот стол поражает своим удивительным однообразием: щи и каша (исключительно пшенная) в скоромные дни, горох, и та же каша в постные дни. Но еще более поражает относительное количество отдельных пищевых продуктов, приходящихся на одного человека при дешевой стоимости харчевания. Вот что входило в суточный пищевой паек женщины при указанной стоимости его в 3 3/4 коп. во время поста: 454 гр. ржаной муки, 85 гр. пшеница, 125 гр. гороха, 25 гр. капусты квашеной и 4.4 гр. масла постного; в скоромный день шло: муки ржаной 686 гр., пшеница 133 гр., гороха 31 гр., картофеля 24 гр., масла постного 17 гр., мяса 90 гр. и сала 4 гр. Как видим, постом женщины питались главным образом горохом, сокращая даже потребление хлеба и почти совсем избегая масла; но и в скоромные дни щи их едва ли были очень наваристы при 90 гр. мяса, а каша очень масляна при 21 гр. жиров. Впрочем, и мужчины на той же фабрике не далеко ушли от женщин; в скоромный месяц их суточный паек составляло: 837 гр. ржаной муки, 128 гр. пшеница, 34 гр. гороха, 23 гр. картофеля, 115 гр. капусты, 31 гр. масла постного, 123 гр. говядины и 13 гр. сала. Там, где продовольствие обходилось дороже, и харчи были лучше. В смешанной артели в 900 человек мужчин и женщин на другой фабрике, при стоимости продовольствия в 9 1/2 коп., мяса шло в день на человека уже 200 гр., а масла 42 гр. Не желая обременять внимание читателя цифрами, я остановлюсь только на последнем, как наилучшем, и на первом, как наихудшем, продовольствии. Вычислив в том и другом пайке количество питательных начал, мы сравним их с теми нормами, которые установлены основной гигиеною для основных элементов пищи в суточном питании человека. Вот эти нормы: 130 гр. белков, 90 гр. жира и 400 гр. углеводов.

Следует заметить, что в виду дороговизны белков и жиров гигиена признает возможным замену части тех и других более дешевыми углеводами, при этом получают такие нормы, достаточные для поддержания организма и для легкой работы: 118 гр. белков, 58 гр. жира и 500 гр. углеводов. Посмотрим теперь, что имеют наши рабочие. В наилучшем случае, при стоимости дневного продовольствия в 9 1/2 коп., рабочие получают в день: белков 164 гр. (преимущественно растительного происхождения), жиров 70 гр. и углеводов 717 гр., т.е. более, чем достаточно для нормального питания. Зато в наихудшем случае (при стоимости продовольствия в 3 3/4 коп.) питание оказывается далеко не достаточным; здесь в суточный паек входит только: белков 91 гр., жиров 17 гр. и углеводов 452 гр. В то время, к которому относятся приведенные мною данные, средние цены на харчевые продукты были таковы: мука ржаная 60 коп. за пуд, пшено 1 руб., горох 90 коп., говядина 2 р. 60 к., масло постное 4 руб. 35 к. Через 9 лет, т.е. к 1906 году цены возросли почти в 2 раза; сообразно с этим увеличилась и стоимость продовольствия. На той фабрике, где прежде продовольствие обходилось в 5 3/8 коп. для мужской артели и 3 3/4 коп. для женской, теперь мужчинам стоило 10 1/4 коп. и женщинам 7 1/8 коп. У меня нет сведений о количестве продуктов, входивших в это время в суточный паек рабочих, во едва ли можно думать, что это количество увеличилось. Интересно отметить, что с громадным вздорожанием мучных продуктов почти исчезла разница в стоимости скоромного и постного стола рабочих.

Глава XVII. Квартирный вопрос

Бывали ли вы, читатель, когда-нибудь в крупных фабричных селах средней России? Невеселая картина представляется здесь вашему взору. Голая, ровная местность; незапаханные и незасеянные, поросшие сорной травой, голые поля; тихо протекающая в ровных берегах без кустика, без ракитки вонючая речка, — вот обычный ландшафт, среди которого, подъезжая к селу, вы издали видите высокие трубы и громадные корпуса фабричных зданий. Если вы едете в гости к фабриканту на его тысячных рысаках, лошади быстро промчат вас мимо нескольких убогих лачуг, расположенных у околицы села, по главной мощеной улице и вы не успеете опомниться, как очутитесь у парадного подъезда роскошного дворца фабриканта. Мягкие ковры, мрамор и бронза, чучела медведей при входе на широкую лестницу и встречающий вас лакей во фраке дают вам впечатление, что вы находитесь где-нибудь в самой фешенебельной части Петербурга или Москвы. Но если вам придется пойти вглубь села, свернуть в другие улицы и переулки, вы увидите здесь длинные ряды маленьких избушек без всяких признаков хозяйственных построек, утопающих в убийственной грязи и нечистотах; вы увидите полуголых ребятишек, копошащихся среди сорных куч; развешанное на веревках и кольях разное тряпье, представляющее одежду обитателей этих лачуг; заметите массу подозрительных чайных с пьяными субъектами подле них, пустые балаганы, ожидающие дачки, когда в них появятся всякие соблазнительные товары, и подле каждой лавчонки горы синих гробов. Если вы попадете сюда летом в теплую, но сырую погоду, вас неотступно будет преследовать запах отхожих мест и человеческого пота. Запах пота, которым пропитан воздух доминирующих над местностью фабричных корпусов, выходить в это время наружу и далеко распространяется вокруг. От него, как и от запаха вонючей речки и отхожих мест, — как и от диких вечерних криков загулявших рабочих, — не может спастись и фабрикант в своем пышном дворце, как плотно не закрываются там в это время окна.

Вблизи фабричных корпусов вы заметите длинные, казарменного типа строения; это фабричные жилые помещения для рабочих, — «спальни». «Спальни» или иного типа жилые помещения для рабочих в моем участке, как, по-видимому, и везде в России, имелись почти при всякой фабрике, расположенной вне города. Лишь особо счастливые обстоятельства, — уединенное положение фабрики при избытке местных свободных рабочих рук, выдающаяся предприимчивость местного населения по частя устройства и сдачи квартир пришлым рабочим, — позволяли фабрикантам не иметь своих жилых помещений для рабочих. Но такие случаи очень редки.

Громадное большинство фабрик, пользуясь пришлыми, хотя сравнительно и не дальними, рабочими, обязательно должно было заботиться о предоставлении рабочим помещений, иначе фабрики остались бы без рабочих. Это единственная побудительная причина, заставляющая фабрикантов строить казармы для рабочих, а ни в каком случае не забота о предоставлении рабочим известных удобств. Размеры казарм при каждой фабрике рассчитаны поэтому только на то, чтобы разместить тех рабочих, которые никоим образом не могут устроиться в ближайших селениях за переполнением там всех домов.

Мое исследование 1897 г. показало, что только четвертая часть всех рабочих жила в своих домах, 44% пользовались фабричным помещением и 31% снимали квартиры у частных лиц. В течение последующих 8 лет общее количество рабочих увеличилось почти вдвое. Увеличение произошло, разумеется, не на счет местного населения, уже давно использованного полностью; следовательно, процент живущих в фабричных помещениях и снимающих частные квартиры с того времени должен был возрасти весьма значительно. И действительно, квартирный вопрос на наших фабриках с каждым годом становился все острее и острее. Волей-неволей фабриканты должны были строить новые казармы, далеко, однако, не успевая удовлетворять растущую потребность, частные дома подле фабрик росли, как грибы; но росла и плата за помещение в частных квартирах, которые вместе с тем не переставали

переполняться. Тогда некоторые фабриканты прибегли к новому способу удовлетворения квартирной нужды рабочих. Они начали строить в некотором отдалении от фабрик отдельные домики с тем, чтобы сдавать их рабочим за известную плату на выкуп в определенный срок. Симпатичная во многих отношениях идея эта в своем осуществлении встретила, однако, серьезные препятствия, благодаря некоторым обстоятельствам, о которых я буду говорить ниже.

О жилищах для рабочих, об их неудовлетворительности в гигиеническом отношении, об обычном антисанитарном состоянии их писалось так много, — гораздо больше, чем о других сторонах жизни рабочих, — что, если бы я стал подробно останавливаться на этом вопросе, мне пришлось бы повторять многое, уже всем хорошо известное. Скажу только, что в моем участке имелись жилища всех обычно существующих типов: отдельные домики в несколько квартир, чаще в 2 квартиры, — исключительно при небольших фабриках и заводах, расположенных в глуши, каморки в общих казарменных зданиях с размещением в них по 2, по 3 и даже по 4 семьи и общие спальные, мужские и женские, часто с нарами в 2 этажа; но, кроме того, у меня были и вполне оригинальные помещения, кажется, нигде более не встречающиеся. Это были те же общие спальные, по только в них отдельные места на парах были несколько шире и отделялись друг от друга более высокими, достигающими $1\frac{1}{2}$ аршин, переборками; на этих местах помещались пары, — муж и жена, — занавесившись со стороны прохода грязными тряпками. Такие помещения назывались «семейными». Встречалась и еще одна оригинальность: размещение мужчин и женщин в одном и том же спальном помещении, на одних и тех же местах, разумеется, не одновременно, а посменно; это было еще тогда, когда существовала ночная работа, т.е. до 1899—1900 года: мужчины, работавшие ночью, занимали днем те места, на которых ночью спали женщины. До какой степени доходила теснота в некоторых казармах, достаточно сказать, что в одной спальней я нашел только 0.27 кубика на человека.

Делали ли что-нибудь инспектора для улучшения жилищ рабочих и чего они достигали? Делали мы немало; можно сказать, мы никогда не забывали этого большого вопроса, но сделать мы могли очень немногое. Чтобы читателю было понятно, почему это так, он не должен упускать из вида прежде всего, что квартиры для рабочих фабрики иметь не обязаны; затем, в моем участке все фабрики предоставляли жилые помещения рабочим бесплатно, но никогда не вносили этого в условия найма: по условиям, выраженным в расчетной книжке, каждый рабочий нанимался на работу при своей квартире; иными словами говоря, любого рабочего, пользующегося фабричным помещением, в любой момент заведующий мог лишиться этого помещения, самое предоставление которого рабочему являлось формально как бы только милостью владельца. На деле нередко так и случалось: делается почему-нибудь негодным заведующему тот или иной рабочий, пользующийся квартирой от фабрики, ему немедленно предлагается очистить занимаемое им помещение. Для рабочего это значит по меньшей мере лишиться части заработка, которая пойдет на наем квартиры; а иногда, если рабочий семейный и ему приходится выселяться из каморки со всею семьей, ему ничего не остается, как брать расчет и искать места на другой фабрике, где ему предоставили бы семейное помещение. Жаловаться на такое распоряжение нельзя, потому что, повторяю, заведующий имеет формально полное право так распорядиться. Вполне естественно поэтому, что рабочие очень дорожат бесплатными квартирами при фабриках и мирятся со многими неудобствами их. Мирятся они, вероятно, еще и потому, что уровень их потребностей в этом отношении очень невысок. И у себя в деревне, и на частных квартирах, где все квартиранты спят прямо на полу, как говорится, вповалку, не привык рабочий к чистоте и простору; не беспокоит и не шокирует его и то, что в одной комнате помещается несколько семей: то же самое он видит часто и в своей деревенской избе. Как бы то ни было, располагая жилыми помещениями, владельцы имеют в своем распоряжении очень сильное средство дисциплинарного воздействия на рабочих.

Но, помимо необязательности и бесплатности квартир, едва ли не большим препятствием к улучшению жилищ рабочих служило то обстоятельство, что у нас не было никаких правил о содержании жилищ, никаких обязательных постановлений, на основании которых можно было бы требовать лучшего устройства жилищ и выполнения необходимых санитарных мер. Дело в том, что фабричные Присутствия лишены права издавать обязательные постановления по санитарной части; это всецело является делом общественных, городских и земских учреждений, при чем наблюдение за выполнением обязательных постановлений, издаваемых земством, лежит лишь на органах земства и полиции. Таким образом, фабричный инспектор мог бы с полным правом игнорировать вопрос об устройстве и содержании жилищ для рабочих, считая его совершенно посторонним для себя. Но пройти равнодушно мимо этого вопроса было, конечно, невозможно и мы пускали здесь в ход те же меры нравственного воздействия, на которых столь многое основано в деятельности инспектора. Советы, указания, рекомендации и пожелания в этой области начали пестрить ревизионные книги на фабриках с первых же посещений. Очень немногие из фабрикантов откликнулись однако на эти пожелания; если дело касалось какихнибудь мелочей, — устройства форточки, переделки лестницы, — словом того, что не соединялось с большими затратами, фабрики еще делали; но когда речь заходила о капитальных переделках, о расширении жилищ, о постройке новых зданий, тут наши пожелания оставались чисто платоническими: фабриканты или ограничивались одними обещаниями, или даже прямо заявляли, что они находят свои помещения хорошими и не считают нужным их улучшение.

— Вы посмотрите, — обыкновенно говорили они, — как крестьяне у себя в деревнях живут или как рабочие на частных квартирах размещаются... да у нас против того прямо палаты!, у каждого свое место, никто под лавкой не валяется. Мы просто балуем рабочих своими удобствами... А, впрочем, кому не правится, может не жить, мы не принуждаем... Нам с этими казармами один расход, прибыли мы тут никакой не имеем.

Самое бы лучшее было закрыть их совсем, много бы нам спокойнее было, да только рабочих жаль.

Вот вы и попробуйте поговорить, слушая такие возражения. Исчерпав все способы личного убеждения, мы прибегали и к помощи авторитетов, имеющих в глазах фабрикантов несравненно большее значение, чем авторитет инспектора. Для этого мы пользовались губернаторскими посещениями фабрик и даже посещением министра Сипягина. Разумеется, при всякой поездке губернаторов, а тем более министра, маршруты определялись заранее. Поскольку они касались посещения фабрик, то, несомненно, они выработывались исправником по соглашению с фабрикантами, так что заранее точно было известно, на какой фабрике начальство будет, долго ли там останется и что увидит. Понятно, что увидеть оно должно было только одно хорошее. Но эти так прекрасно составленные планы почти всякий раз нарушались непрошенным вмешательством инспекторов. Пока фабриканты договаривались с исправником о том, чем бы порадовать взор начальства, мы со старшим инспектором со своей стороны обсуждали, как можно использовать проезд особы и намечали, что следует показать для того, чтобы особа получила более правильное представление о фабриках и могла в определенных вопросах оказать свое давление на фабрикантов. И старшему инспектору всегда удавалось так повести дело, что и губернаторы, и Сипягин ехали туда и смотрели на то, что было нужно, не только против желания фабрикантов, но даже при явном противодействии их. Так, Сипягин видел описанные выше «семейные помещения», — кстати сказать, находившиеся на довольно благоустроенной вообще фабрике, — только потому, что в них успел его заинтересовать старший инспектор, хотя владельцу страшно не хотелось их показывать. Но всего демонстративнее вышло дело с фабрикантом Z., при фабрике которого были положительно невозможные жилые помещения для рабочих, самые плохие во всем моем участке. Вышло это очень демонстративно, но результат получился совершенно неожиданный. Впрочем, расскажу по порядку. Много раз я убеждал Z. выстроить более приличные помещения для рабочих. Говорил с ним по

этому поводу и старший инспектор, которому я показал все прелести фабричных «спален» г. Z. Z. сначала обещал поставить новый корпус, по потом выстроил летние дощатые бараки человек на 100 и на этом успокоился. Приезжает в губернию новый губернатор. При первом же объезде им N-ского уезда старший инспектор убеждает его захватить на фабрику Z., куда по маршруту ему совсем ехать не полагалось. Осмотрел губернатор казармы Z. и между ним и фабрикантом произошел такой разговор.

— Иван Иванович! — говорит губернатор, — нужно бы Вам устроить новые помещения.

— Да, ведь, я, Ваше Превосходительство, с рабочих денег за помещения не беру.

— Ну, да-а! Но все же, знаете, тесновато у Вас и грязновато, нужно бы новенькие!

— Хорошо, Ваше-ство, я постараюсь.

— Да, уж пожалуйста!

— Слушаюсь!

Проходить 2 года; у Z., несмотря на значительное расширение фабрики, стоят все те же деревянные, полуразвалившиеся казармы, ставшие еще старше и грязнее; о постройке новых он и не думает. Проезжает Сипягин. Фабрика Z. в его маршрут, разумеется, не входит, но из предосторожности Z. считает за лучшее на это время совсем уехать с фабрики, хотя остальные фабриканты добиваются чести быть представленными министру. Сипягину показывают лучшие фабрики, а затем в доме фабриканта X. его угощают роскошным обедом. За обедом старший инспектор говорит ему:

— Вот, Ваше Высокопревосходительство, Вы изволили видеть лучшее, что у нас есть; может быть, Вы пожелаете теперь посмотреть и худшее?

И предлагает проехать на фабрику Z. Солидарность, редко проявлявшаяся среди наших фабрикантов, на этот раз сказала. Хозяин, а за ним и другие фабриканты, гости, начинают говорить, что сам владелец Z. в отъезде и что без него, пожалуй, неудобно ехать на фабрику. А затем X. ведет конфиденци-

онный разговор со старшим инспектором, упрасивая его «пожалеть» Z. и не возит к нему на фабрику министра. Сипягин, однако, поехал и свои впечатления от осмотра казарм резюмировал в присутствии заведующего фабрикою и сыновей Z. одним словом: «Отвратительно!» Мы со старшим инспектором были довольны.

— Ну, — думали мы, — теперь придется Z. раскошелиться и строить новые казармы.

Однако через несколько дней я получаю от Z. официальное заявление о том, что через 2 недели все жилые помещения для рабочих при его фабрике закрываются.

И закрыл.

— Не хороши мои казармы? Ну, что же, пусть рабочие на вольных квартирах живут! А строить новые я не могу. — Так со скрытым озлоблением и явною иронией объяснил Z. свое распоряжение.

Признаться, я не ожидал, что он так поступит. Как никак, он шел на риск потерять значительную часть своих рабочих, которые, лишившись квартир при фабрике и не найдя таковых вблизи, так как в этой местности все вольные квартиры страшно переполнены, могли разойтись по другим фабрикам. Но с чем не примирится русский мужик? Так и на этот раз рабочие сумели устроиться, не порывая с фабрикою. Насколько легко это удалось им, видно хотя бы из следующего факта. Получаю я с фабрики Z уведомление о несчастном случае с одним рабочим, который, упав с какого-то чердака, разбился на смерть. Приезжаю на фабрику, расследую, и что же оказывается? Непосредственно после закрытия казарм несколько рабочих, не найдя квартир, выпросили у заведующего разрешение ночевать на чердаке того летнего барака, который прежде служил спальнями рабочих. В это время барак был уже превращен в склад разных материалов, которые частью лежали и на чердаке; потолок местами был разобран. Ночуя среди разного хлама, между зияющими провалами, при полном отсутствии какого-либо освещения, рабочий и свалился в один из этих провалов, да так неудачно, что смерть последовала моментально. Нужно представить себе наглядно эту картину:

фабриканта, допускающего своих рабочих спать там, где место разве только для мышей и крыс; копошащегося в абсолютной темноте рабочего, нащупывающего место, где можно было бы лечь, и это сальто-мортале в неведомую пропасть при неудачном повороте во время сна, — чтобы почувствовать всю глубину квартирному вопросу для рабочих.

В 1904 г. в нашей губернии были изданы земские обязательные санитарные постановления, касающиеся между прочим вопроса и об устройстве жилых помещений для рабочих при фабриках. Мне, как инспектору, они не давали никакого нового оружия в руки; но земское собрание выбрало меня участковым санитарным попечителем, и в качестве такового я надеялся сделать кое-что в деле улучшения жилищ рабочих. Но эти надежды не оправдались. Издав постановления и выбрав попечителей, земство этим и ограничилось, не позаботившись нимало о том, чтобы провести в жизнь свои постановления. За отсутствием какой-либо определенной организации в деле, ни врачи, ни санитарные попечители не предпринимали ничего. Кажется, единственным актом, основанном на этих обязательных постановлениях, является произведенный мною совместно с земским врачом осмотр жилых помещений для рабочих при одной фабрике. О результате осмотра, обнаружившего крупные нарушения постановлений, был составлен мною протокол, препровожденный в земскую управу. Но никакого дальнейшего движения этот протокол не получил, и у меня, естественно, пропала всякая охота действовать дальше в этом направлении.

Оставался еще один способ побуждения фабрикантов к улучшению жилищ рабочих, это — обращение к гласности. Попробовал я прибегнуть и к этому способу, поместив в местной газете описание вопиющих безобразий казарм той же фабрики, где составлял протокол с врачом. Но и на это фабрикант никак не реагировал.

Не следует, впрочем, думать, что в этом деле не было никакого прогресса. Были и такие фабрики, которые серьезно заботились об улучшении помещений для рабочих. Большинство вновь возникавших казарм, — а таких появилось немало,

— уже далеко не походили на прежние; среди них некоторые могли бы удовлетворить самым строгим требованиям; в них, не говоря уже о прекрасной вентиляции, просторе и чистоте, имелись отдельные большие комнаты, в которых помещались библиотеки, устраивались чтения и происходили собрания рабочих. Наконец, двое из моих фабрикантов задались целью строить отдельные дома для рабочих. На очень льготных условиях, с уплатою около 5 руб. в месяц, рабочий мог через несколько лет сделаться собственником достаточно просторного, прекрасно построенного домика. Фабриканты не рассчитывали при этом на наживу; их интерес состоял лишь в том, что этим путем они составляли себе постоянные кадры рабочих. В этом последнем обстоятельстве крылась и слабая сторона дела, являвшаяся серьезным препятствием к его развитию: в условии, заключавшемся фабрикою с рабочим, вносился пункт, на основании которого рабочий, если он прекратит работу на фабрике, лишается права на владение домом и должен продать его или фабрике, на известных условиях, или другому лицу, не иначе, как по соглашению с фабрикою. Хотя в материальном отношении при такой ликвидации рабочий едва ли мог что-нибудь потерять, но отсутствие уверенности в том, что подписавший условие с фабрикою обязательно сделается постоянным владельцем дома, удерживало рабочих от предлагаемых фабрикантами домов, так что в конце концов таких домиков появилось сравнительно немного, гораздо меньше, чем можно было ожидать.

Кроме жилых помещений, для рабочих имеет большое значение, имеется ли при фабрике баня. Как это ни странно может показаться, не всегда жилые помещения и баня бывают при фабрике одновременно. Правда, в большинстве случаев там, где есть казармы для рабочих, есть и баня. Но встречаются и такие фабрики, при которых жилые помещения для рабочих имеются, а бань нет. С другой стороны, у меня было несколько фабрик, не имеющих квартир для рабочих, по выстроивших для них бани. Забастовки 1905 г. показали, что рабочие придают баням при фабриках, пожалуй, даже большее значение, чем жилым помещениям: примирившись с отсутствием последних,

они на всех фабриках, где не имелось бань, чуть ли не на первом месте своих требований выставляли требование об устройстве бань. И, если хотите, это понятно. Рабочий вынужденный жить на вольной квартире, как ни плохо, но где-нибудь найдет себе угол; помыться же ему абсолютно негде. Окружающие фабрики домишки, служащие для сдачи помещений в них рабочим, представляют из себя совершенно бесхозяйственные постройки; при них не только пен бань, по нет даже и дворов. До устройства торговых бань никто еще в этих местах не додумался. Волей-неволей поэтому, если нет бани при фабрике, рабочему после грязной или пыльной и обязательно потной фабричной работы приходится носить на себе эту грязь до тех пор, пока он не соберется домой к себе в деревню или пока ему не представится какой-либо иной счастливый случай помыться. В прежние времена рабочие красильно-отделочных фабрик на вполне, так сказать, законных основаниях мылись в тех же ваннах и барках, в которых красится товар; последние годы такое мытье, безусловно вредное для здоровья и опасное, заведующие под влиянием наших настояний запретили, но рабочие продолжают потихоньку практиковать его и до сих пор. За пользование баней некоторые фабрики взимали прежде с рабочих плату в размере 15—20 коп. с человека в месяц. В виду громадных затрат фабрикантов на содержание казарм взимание платы за баню являлось положительным курьезом. Там они тратили десятки тысяч, а здесь собирали с рабочих несчастные сотни рублей, которые, якобы, должны были пойти на покрытие расходов на топку бань. Потом фабрикантам самим стало стыдно такого грошовничества и они отменили обложение рабочих за баню; но то же грошовничество по отношению к тем же баням замечалось у некоторых фабрикантов еще долгое время; оно проявлялось в стремлении возможно реже топить бани и возможно меньше давать рабочим воды, в расчете навести на этом экономию, что вызывало даже целые истории, которые мне приходилось разбирать.

Возвращаясь к жилым помещениям, я хочу обратить внимание читателя на ту огромную несправедливость, которая кроется в постановке у пас этого дела. В самом деле, возьмем

какую-нибудь фабрику, имеющую казармы для рабочих; часть рабочих этой фабрики живет по своим домам, другая часть пользуется бесплатными квартирами от фабрики, и наконец третья часть должна нанимать себе квартиры, уплачивая от 1 до 3 рублей в месяц с человека. Между тем все рабочие получают плату по одному и тому же расценку, при поденной плате также не делается никакой разницы между указанными категориями рабочих. Следовательно, фабрикант оплачивает дороже труд тех рабочих, которым он дает квартиры, и эти рабочие находятся как бы в привилегированном положении. Рабочие, живущие в своих домах, хотя и являются в принципиальном смысле обделенными, на деле не могут чувствовать никакой обиды, благодаря громадным преимуществам, которыми они пользуются вследствие близости к фабрике их домов. Совсем иное положение рабочих, живущих на частных квартирах. Получая плату наравне с остальными рабочими, они в сущности, за вычетом стоимости квартиры, получают на 10—15% меньше, чем рабочие, которым не нужно платить за квартиру. Если мы возьмем две отдельные фабрики, одну, имеющую квартиры для рабочих, и другую, не имеющую таковых, то и здесь встретимся с тем же положением: рабочие фабрики, где квартир нет, будут находиться в одинаковом положении с рабочими первой фабрики, оставшимися без готовых квартир; происходит это вследствие того, что при составлении расценок и при назначении жалования совершенно не принимается в расчет присутствие или отсутствие казарм. Я в этом вполне убедился путем тщательного сравнения расценок и заработков на аналогичных фабриках, отличающихся друг от друга лишь тем, что при одной есть квартиры для рабочих, а при другой нет. Да невозможно фабриканту, устроившему квартиры, и понизить плату рабочим, раз имеется хотя бы незначительная часть рабочих, которым он отказывает в квартире. Таким образом бесплатная квартира от фабрики или, иначе говоря, дополнительная плата за труд является для рабочих каким-то счастливым лотерейным билетом: попал рабочий на такую фабрику, где есть казармы, и удалось ему получить в них место, в его месячном бюджете остается 2—3 рубля, которых в противном случае он лишается. И к этой несправед-

ливости рабочие долгие годы относились вполне терпимо. Конечно, они ее чувствовали, но только не могли в ней разобраться и не находили из нее выхода. Тот же 1905 г., сразу встряхнувший рабочую массу, привел к некоторому разрешению и этого вопроса... правда, временно, до того момента, когда фабриканты вновь почувствовали себя в силе не считаться ни с какими справедливостями.

Во время забастовок 1905 г. рабочие всех фабрик выставили требование о выдаче всем рабочим, не пользующимся квартирами от фабрик, особой квартирной платы в размере 3-х рублей в месяц на человека. Надо думать, что это требование наши рабочие придумали не сами, оно наваяно было со стороны или по крайней мере формулировано оно было не ими, так как такое же точно требование выставлялось на фабриках других районов еще прежде, чем забастовочная волна докатилась до моего участка. Но любопытно, что, настаивая на этом требовании, затрачивавшем действительно один из наиболее больших вопросов местной фабричной жизни, наши рабочие пытались подвести под него основание, вытекающее, по их мнению, из закона. Выставляемый ими «законный» повод домогаться квартирной платы был необыкновенно курьезен; они ссылались на ст. 140 Устава о Промышленности, гласящую буквально следующее: «Рабочие, пользующиеся от фабрик квартирами, банею, чайными, столовыми и т.п. могут быть облагаемы за это особыми платежами не иначе, как по таксе, утверждаемой фабричною инспекцией». Из этой статьи рабочие делали вывод, что фабриканты обязаны иметь квартиры для рабочих, а если квартира, не имеют, то должны выдавать квартирные деньги. Не смотря на всю нелепость такого толкования, мне, при объяснениях с рабочими во время забастовок, стоило немало труда разубедить их и растолковать им истинный смысл статьи. При рассмотрении требований рабочих некоторые фабриканты сразу согласились на выдачу рабочим квартирных денег, только в размере не 3-х рублей, а 1 рубля в месяц. Это были те из фабрикантов, у которых имелись при фабриках крупные казармы и число рабочих, не пользующихся квартирами, было незначительно. Гораздо труднее было пойти

на это фабрикантам, которые не имели никаких квартир для рабочих, которым, следовательно, приходилось выдавать квартирные деньги всему составу рабочих, но, скрепя сердце, и они должны были сделать то же. Кстати сказать, никто из фабрикантов не решился также отказать в требовании рабочих устроить бани. Впрочем, дав на это свое согласие, некоторые фабриканты сумели оттянуть постройку до того времени, когда можно было спокойно забыть о своем обещании. Выдача квартирных денег на большинстве фабрик просуществовала 3 года; ссылаясь на плохие дела, в зиму 1908-9 года почти все фабрики одновременно с понижением расценок уничтожили и выдачу квартирной платы. Если верить полученным мною сведениям, — в это время прошло уже 1½ года, как я оставил участок, — во всем участке нашелся лишь один фабрикант, который не лишил рабочих квартирных денег, не допуская вместе с тем и понижения расценки.

Глава XVIII. Организация медицинской помощи

Состояние фабричной медицины всеми, знакомыми с этим вопросом, единогласно признается неудовлетворительным. И официальные министерские сведения, показывающие, что известная, еще недавно весьма значительная, часть фабричных рабочих остается лишенной всякой медицинской помощи, и специальные исследования в этой области и наконец доклады на происходившем весной 1909 г. съезде фабричных врачей говорят в один голос о том, что постановка медицинской помощи рабочим находится далеко не на должной высоте и дело это нуждается в серьезных реформах. Сведения, которые я имею сообщить своим читателям, не будут поэтому отличаться особой оригинальностью, но, мне кажется, они должны осветить вопрос с бытовой стороны.

Обязанность фабрикантов оказывать медицинскую помощь своим рабочим вытекает, как известно, из Высочайше утверждённого 26 августа 1866 г. положения Комитета Министров. Это положение гласит следующее: «Постановить в виде временной меры, чтобы при фабриках и заводах, имеющих тысячу рабочих, было устроено больничное помещение на десять кроватей, выше тысячи — на пятнадцать и более, ниже тысячи на пять и более кроватей по расчету 1 на 100 человек, назначив для приведения сего в исполнение месячный срок со времени объявления о том хозяевам фабрик и заводов. Вместе с сим, для надлежащего развития и распространения этой полезной меры, предоставить Министру Внутренних Дел, для обсуждения сего в законодательном порядке, внести представление в Государственный Совет».

Прошло чуть не столетие со времени издания этого положения, но никакого развития «этой полезной меры» в законодательном порядке не последовало. Вопрос обсуждался и в министерствах и в комиссиях, составлялись разные проекты, но ни к каким определенным решениям не пришли и воз поныне стоит все на том же месте. В 1908 г. Министерство Торговли и Промышленности вновь собирало подробные

сведения о положении врачебной помощи на фабриках; по-видимому, готовится новый проект; что из этого выйдет, сказать, конечно, невозможно. Я нарочно привел полностью положение Комитета Министров для того, чтобы читатель мог видеть, насколько оно неопределенно. Если бы организация врачебной помощи на фабриках основывалась только на этом Положении, то, наверное можно сказать, мы не имели бы десятой доли того, что имеется. Сейчас на помощь в этом деле пришли обязательные постановления фабричных Присутствий. Согласно п. 1 ст. 52 Устава о Промышленности «На губернские по фабричным делам Присутствия возлагается издание обязательных постановлений... в отношении врачебной помощи рабочим». Разумеется, Присутствия не могли усиливать требования, установленные положением Комитета Министров, но они яснее формулировали эти требования и более или менее подробно регламентировали организацию медицинской части на фабриках. Например, постановления о медицинской помощи Московского Губернского Присутствия состоят из 14 параграфов с 11 примечаниями к ним; в них регламентируется устройство самых больниц в смысле определения обязательного числа палат, их размера и пр., порядок посещения больницы врачом, число лиц фельдшерского персонала и т.п.; имеется даже запрещение приглашать для заведывания фабричными лечебницами врачей, которые по закону обязаны наблюдать за санитарным состоянием фабрик. Далеко не так строги и категоричны были постановления нашего N-ского присутствия, но о них дальше; теперь же я познакомлю читателя с тем, что я застал по части медицины на фабриках своего участка в 1894 году.

Всех фабричных больниц и приемных покоев в 2 х уездах, вошедших потом в мой постоянный участок, было 14 с 117 койками; обслуживали они 18 фабрик с числом рабочих около 13.000. Одна фабрика с 1.400 рабочими, не имея своей больницы, состояла в соглашении с земской больницей, уплачивая земству 750 руб. в год. Остальные заведения с общим числом рабочих свыше 2.060 человек не располагали никакими организациями для оказания медицинской помощи рабочим. В

числе этих заведений было 2 фабрики, имевшие около 300 рабочих каждая, и 5 с числом рабочих от 150 до 200. «Самые больницы, — цитирую по своему первому официальному отчету за 1895 г., — в высшей степени неудовлетворительны: очень тесны, низки, содержание воздуха в редких случаях несколько более 2-х кубиков на койку, обыкновенно же менее 2-х, вентиляция за немногими исключениями очень недостаточна; одна больница, рассчитанная на 4 койки и предназначенная для 550 человек, имеет только 4 куб. сажени воздуха, при чем нет даже отдельной приемной комнаты. Отдельных заразных помещений нет ни при одной больнице; мужские и женские палаты почти везде имеют один общий вход; сортиры в большинстве случаев также общие, иногда встречаются холодные».

Но самое главное зло состояло в отсутствии врачебного персонала. Больничные помещения фабриканты обязаны были устроить на основании Положения 1866 г и они эти помещения устроили, вероятно, если судить по древности больничных зданий, даже вскоре после 66 года. Относительно же содержания больниц «Положение» ничего не говорит, а потому фабриканты постарались возможно упростить и удешевить его. Чем больше больных, тем дороже стоит содержание больницы; а количество больных находится в непосредственной зависимости от того, как обставлена больница медицинским, а главным образом врачебным персоналом; к тому же содержание самого врача является одним из главных расходов по содержанию больницы. Следовательно, фабрикантам нужно было позаботиться лишь о том, чтобы при фабричных больницах по возможности не было врачей. Так они и сделали. В 1895 г. во всем моем участке был только один специально фабричный врач, заведывавший 7-ю больницами и приемными покоем, из которых 3 больницы находились в том же селе, где жил врач, 2 больницы в соседнем селе в расстоянии 3-х верст, одна больница в расстоянии также 3-х верст в другую сторону и один приемный покой в расстоянии 25 верст. Четыре крупных фабричных больницы находились в заведывании уездного врача; 2 из этих больниц отстояли от местожительства врача в

расстоянии 12 верст в разные стороны. Все остальные больницы и приемные покои пользовались услугами земских врачей, которые приглашались в случае надобности. Не говоря уже об этих последних больницах, можно представить себе, как часто видели врачей больницы, находившиеся в заведывании фабричного и особенно уездного врачей. Фабричный посещал еще довольно аккуратно 3 из своих больниц, у уездного же даже официальное число посещений ограничивалось одним разом в неделю, а фактически все дело велось исключительно фельдшерами. Врач главным образом приезжал только тогда, когда нужно было кому-нибудь показывать больницу, при чем он надевал свой парадный мундир со всеми регалиями и старался показать товар лицом. Предметом его особенных стараний выставить в наилучшем виде являлась больница при одной крупной фабрике с числом рабочих более 2000 человек. И здесь ему иногда удавалось, как говорится, втереть очки в глаза лицам, совершенно не сведущим в больничном деле, например, губернаторам. Он обращал внимание посетителей на окрашенные масляною краской стены палат, на богатый набор хирургических инструментов и, как на гвоздь больницы, на особый, очень дорогой раздвижной операционный стол. Но он забывал сказать, что на этом столе ни разу не лежал ни один оперируемый, что большая часть инструментов не только никогда не бывала в руках врача, но что врач даже не умеет с ними обращаться и что из 20 коек больницы никогда не бывает занято больше 2—3. Почти никогда не принимая больных лично, этот уездный врач, нимало не смущаясь, показывал в отчетах, посылаемых в Земское Санитарное Бюро, всех больных, принятых фельдшерами, принятыми им лично. Получалась такая картина, что один врач принимает больных одновременно в нескольких больницах, находящихся друг от друга в расстоянии до 24 верст. Каких наивных людей он думал провести таким путем, понять довольно трудно. Читатель может подумать, что я что-нибудь здесь преувеличиваю. Но если бы я рассказал некоторые, не имеющие непосредственного отношения к моей теме, эпизоды из жизни описываемого мною врача, то всякие сомнения у читателя рассеялись бы. Впрочем,

кое-что весьма любопытное, относящееся к деятельности этого прокурора от медицины, читатель еще увидит.

Почти полное отсутствие стационарных больных в фабричных лечебницах не просто было приятно фабрикантам, оно давало им основание утверждать, что потребности в больничном лечении рабочих не существует. Самый разительный пример того, от чего зависит число больных, представляет упоминаемая в цитированном отчете лечебница на 4 койки при 4-х кубиках воздуха. Врач посещал эту лечебницу самое большее один раз в месяц, коечных больных в ней не было совсем. Невозможное состояние больницы, помещавшейся, кстати сказать, в общем с фабрикою здании, над красильным отделением, заставило меня еще до издания обязательных постановлений Присутствия побуждать владельца фабрики к устройству новой лечебницы. Но я слышал от него только один ответ: — У меня на фабрике больных совсем не бывает, и эта больница зря стоит, за чем же я буду еще новую строить?!

Когда, наконец, после издания обязательных постановлений и наших усиленных настояний появилась при фабрике новая, надлежащим образом оборудованная больница, построенная на совместные средства 3-х фабрик, — из которых две другие фабрики прежде совсем никаких лечебниц не имели, причем владельцы их также говорили, что у них больных не бывает, — и когда был приглашен для заведывания больницею отдельный врач, молодой и энергичный, то оказалось, что от больных нет отбоя, все 35 коек больницы были всегда заполнены.

Обязательные постановления о медицинской помощи рабочим наше Присутствие издало только в начале 1898 г., т.е. через 3½ года после введения инспекции, благодаря противодействию губернатора S., не желавшего вводить никаких стеснений для фабрикантов. Благодаря тому же обстоятельству, постановления вышли достаточно жалкими по сравнению хотя бы с постановлениями Московской губернии. В них совершенно не содержалось требований относительно того или иного устройства самых больниц, а число обязательных посещений лечебниц врачом было установлено до смешного

ничтожное. Например, больницу при фабрике с числом рабочих в 1500 человек врач мог посещать только 3 раза в неделю. Но важно было то, что время посещения врачами лечебных заведений требовалось точно обозначать заранее и о днях и часах приема должны были вывешиваться объявления на фабриках, в больницах и в канцелярии инспектора. Одно это требование должно было радикально изменить существовавший порядок случайных наездов врачей и повести к увеличению врачебного персонала. Далее, с изданием обязательных постановлений, наблюдение за исполнением которых лежит исключительно на фабричных инспекторах, последние получили право предъявлять определенные требования об устройстве больниц к тем из владельцев, которые таковых не имели. Правда, за неисполнение наших требований фабрикантам грозила всего только та же несколько не страшная 29 ст. Устава о наказаниях, но все же мы хоть на что-нибудь могли опереться, тогда как без постановлений у нас не было ровно никакого основания для требований, ибо следить за исполнением положения Комитета Министров не входило в нашу компетенцию. Для нашего уездного врача издание обязательных постановлений было большим ударом; к тому же назначенной как раз в это время новый губернатор L., осведомленный от старшего инспектора о его деятельности, прямо заявил ему, что он должен оставить заведывание фабричными больницами, так как это несовместимо с занимаемую им должностью. Бедный медицинский прокурор, оставившийся на своем мизерном казенном жалованье и никогда не имевший ни малейшей частной практики в городе, был в совершенном отчаянии. Но, как человек оборотистый, он сумел выйти из этого положения. Он упросил губернатора оставить ему заведывание двумя фабричными больницами; другие 2 больницы остались также за ним, благодаря чрезвычайно оригинальному, придуманному его изобретательным умом, способу. Он пригласил себе помощника старенького-старенького врача, доживавшего свой век на пенсии, дал ему в своем доме комнату, кормил его и, по-видимому, что-то даже платил. Этот старичок в назначенные дни ездил на лошади своего принцепала на фабрики и официально считался заведующим фабрич-

ными больницами; деньги же с фабрикантов получал, разумеется, уездный врач. Старичок так и назывался всеми: «приказчик доктора В.». Едва ли это не единственный пример в истории — эксплуатация одним врачом другого, попавшего в роль приказчика к своему коллеге. Должно быть, бедному старичку тяжело пришлось его служба и он не долго прожил на готовых хлебах. После его смерти фабриканты пригласили на его место уже отдельных врачей.

Вообще после издания обязательных постановлений состояние медицинского дела на крупных фабриках моего участка заметно улучшалось с каждым годом, и скоро жизнь ушла вперед от требований, предъявляемых постановлениями. Сравнивая организацию медицинской помощи рабочим в моем участке в том виде, в какой она вылилась за последние годы, с тем, что, по литературным данным, имеется в этом отношении в других промышленных районах, я смело могу сказать, что за нашими фабриками остается несомненное превосходство. Во всяком случае нет ни малейшего сравнения с тем, что было у нас раньше и что до сих пор сохраняется еще в некоторых других местах¹⁵. Я никоим образом не хочу приписывать здесь что-либо своему личному влиянию, — все сделала сама жизнь и счастливо сложившиеся обстоятельства. К числу последних относится, например, отказ большинства земских врачей, вследствие соответствующего постановления земского собрания, заведывать фабричными больницами. Благодаря этому, фабрикантам пришлось приглашать себе отдельных врачей. Таких специально фабричных врачей вместо одного, — правда, при увеличившемся вдвое числе рабочих, — появилось 8. Выстроено 9 новых больниц и приемных покоев, старые были радикальным образом переделаны; при всех больницах, открыты родильные приюты. Некоторые фабрики вошли в соглашение с земством на условиях, вполне обеспечивающих помощь рабочим, дав земству средства на расширение существовавших

15 Даже под Москвой до сего времени существует фиктивная больница, к которой приписано до десятка фабрик.

земских лечебниц. Главное же, появление при всех крупных фабричных больницах постоянных, живущих при них врачей повело к тому, что рабочие начали получать действительную медицинскую помощь, а не одну только видимость ее, как это было прежде. Вместе с тем приблизилась медицинская помощь и к местному, не работающему на фабриках, населению, так как большинство наших фабрикантов, сказать к их чести, не препятствовали врачам не только принимать посторонних лиц в качестве приходящих, но иногда и класть их на койки. Так обстояло дело на крупных фабриках. На более мелких, имеющих лишь приемные покои, периодически посещаемые врачами, медицинская помощь была, разумеется, более или менее проблематичной. Затем, оставался еще целый ряд мелких фабрик и заводов (с числом рабочих менее 100 человек), которые, согласно обязательным постановлениям, не обязаны были иметь постоянной организации медицинской помощи, производя лечение своих рабочих в земских и иных больницах. В числе этих мелких заведений было несколько десятков заводов, производящих валяную обувь. При крайне опасном производстве в смысле заражения сибирской язвой заводы эти были расположены в двух смежных волостях вдали от земских и всяких иных больниц, так что рабочие их были совершенно лишены медицинской помощи и при нередких случаях массового заболевания сибирской язвой им предоставлялось лечиться своими домашними средствами. Эти обстоятельства побудили меня войти с представлением в Присутствие об издании специального постановления об организации постоянной медицинской помощи на означенных заводах. Выступая с таким представлением, я заручился предварительно согласием земской управы прийти на помощь владельцам по устройству больниц в районе расположения заводов. Присутствие не замедлило издать постановление, на основании которого владельцы заводов обязывались по соглашению между собою или с земством, или с каким-либо иным учреждением организовать госпитальную помощь своим рабочим по расчету одной кровати на каждые сто человек. Пройти в жизнь это постановление могло только при ближайшем участии в этом деле местного земства. Это и имелось в виду и в этом направлении

тотчас же после издания обязательного постановления Присутствия началась моя совместная с земской управой работа. К тому времени председатель управы успел выработать и провести через земское собрание проект соглашения владельцев с земством на условиях чрезвычайно льготных для заводчиков. По проекту, земство принимало на себя не только организацию дела, но и большую часть расходов по постройке и содержанию больниц, каковых предполагалось две, по больнице в каждой волости. На владельцев заводов ложилось меньше половины расходов по постройке и сравнительно ничтожная часть по содержанию лечебниц. Каждый заводчик должен был сделать взнос сообразно количеству занятых у него рабочих, причем устанавливалась льготная рассрочка взносов. Оставалось, как будто, немного: добиться согласия заводчиков; казалось, что они должны с радостью пойти на предложение земства, открывавшего им самый легкий выход из положения, создавшегося требованиями обязательного постановления. Но это оказалось делом далеко нелегким. С целью ближе подойти к делу председатель управы, один из членов ее, я и местный земский начальник отправились сами в волостные правления, куда попросили собраться заводчиков. В каждом из правлений мы сидели по целому дню, с утра до ночи, разъясняя, убеждая и доказывая заводчикам всю необходимость для них пойти на соглашение. В результате заводчики одной из волостей дали свое согласие, и там через 2 года начала функционировать прекрасная больница. По другой же волости так и не удалось добиться соглашения. Заводчики ссылались друг на друга и никто из них не хотел давать определенного ответа. Главным тормозом являлся один самый крупный, но и самый прижимистый заводчик, в течение долгого времени водивший земство за нос. Глядя на него, и другие заводчики уклонялись от всякого соглашения. Чтобы я с своей стороны мог принимать меры побуждения, потребовалось издание Присутствием дополнительного постановления, на основании которого заводчики, не вошедшие ни с кем в соглашение об организации медицинской помощи рабочим, обязывались устраивать самостоятельные лечебницы при своих заводах. Только заручившись таким постановлением, я мог приступить к привлече-

нию заводчиков к ответственности. Первым долгом я направил свои старания на тормозившего все дело крупного заводчика, но на нем же мне пришлось и прекратить свою камланию, так как обстоятельства показали, что мы бессильны что-либо сделать. Составленный мною протокол я направил к земскому начальнику, тот оштрафовал владельца в высшем размере. Заводчик перенес дело в Съезд. Съезд признал дело себе неподсудным в виду того, что оно касается устройства больницы, т.е. затрагивает сумму, выходящую за пределы его компетенции, и перенес дело в Окружный Суд. Последний, рассмотрев дело, признал заводчика виновным, но штраф наложил в меньшем размере, чем земский начальник, а кроме того, обязал заводчика выстроить больницу, дав на это годичный срок. Не знаю, насколько такое решение правильно с юридической точки зрения, но оно мне тогда же показалось совершенно бессмысленным в практическом отношении. Я понимаю, что суд может включать в свои постановления обязательства о сносе дома, о какой-либо очистке нечистот или даже об устройстве при фабрике приспособлений, препятствующих заражению воздуха и вод, которыми пользуется окрестное население, может, потому что в случае невыполнения такого обязательства он имеет средства снести дом и произвести очистку нечистот за счет ответчика мерами полиции, или закрыть фабрику в случае распространения ею заразы. Но как можно мерами полиции выстроить больницу или как решится суд закрыть фабрику за неимением при ней лечебницы, — я не понимаю. Как я предполагал, так и случилось. Прошел год, заводчик и не подумал строить больницу, а суд никаких дальнейших мер не принял. Все успокоилось. Начинать сначала ту же канитель, тянувшуюся слишком 2 года, зная, что из нее опять ничего не выйдет, я считал лишенным всякого смысла. Не будь постановления Съезда, изъясняющего дела этого рода из подсудности земских начальников, я мог бы, хотя и мелкими, но постоянными штрафами донять наконец заводчиков и заставить их быть более податливыми на соглашение. Теперь и это оружие было вырвано у меня из рук. Так я и оставил свой участок, не увидав второй больницы.

Отсюда читатель видит, что при известном упорстве владельцы могут прекрасно игнорировать требования об устройстве больниц и нечего удивляться тому, что организация медицинской помощи при промышленных заведениях далека от совершенства.

Неудовлетворительное состояние фабричной медицины в значительной степени обуславливается тем отношением, которое владельцы проявляют к своему медицинскому персоналу. Как обычное явление следует отметить существующий у большинства фабрикантов взгляд на приглашаемых ими врачей, как на своих обыкновенных служащих, которые должны прежде всего охранять интересы владельцев. Нанялся — продался, — это наречение многие фабриканты склонны применять к врачу так же, как к любому конторщику и простому рабочему. До каких курьезов доходит иногда применение этого взгляда, видно, например, из такого факта. Вт. одном селе имеется 3 фабрики с 3-мя отдельными больницами при них. Владелец самой крупной фабрики пригласил себе отдельного врача. Какое условие было заключено у него с врачом, я не знаю. Но только меньшая из других фабрик предложила тому же врачу принять в свое заведывание и ее лечебницу, на что врач согласился. Проходит $\frac{1}{2}$ года, в течение которого меньшая фабрика аккуратно платит врачу обусловленное жалованье, как вдруг владелец этой фабрики получает от крупного фабриканта предложение уплатить ему за пользование врачом: врач де мой, получает от меня содержание и должен работать только для меня, а если он часть своего времени тратит на работу для другой фабрики, то эта последняя должна платить не ему, врачу, а мне, его хозяину.

Чем меньше врач тратит на больницу, чем меньше выписывает лекарств и реже кладет больных, чем ниже оценивает он травматические повреждения потерпевших при несчастных случаях рабочих, тем он, конечно, приятнее хозяину. К сожалению, находятся такие врачи, которые сознательно идут в этом отношении навстречу владельцу, стараясь наводить вредную для дела экономию. В моем участке был один врач, который чуть ли не от всех болезней лечил одной касторкой и

почти никогда не считал нужным прибегать к коечному лечению. При этом он был чрезвычайно груб с рабочими и в конце концов, после одной более, чем неудачной, операции, — при вскрытии карбункула он перерезал сонную артерию, что повлекло за собою смерть больной, — он довел рабочих до того, что те потребовали его увольнения. В этом смысле ко мне поступило заявление рабочих, поддержанное конфиденциально самим заведующим. Сначала я пытался лично воздействовать на владельца, но из этого ничего не вышло: врач оказался старинным другом семьи фабриканта. Тогда я должен был передать дело врачебному инспектору. Тот приезжал на фабрику, расследовал, убедился в полной непригодности врача, но и от этого никаких реальных результатов не последовало. Между тем рабочие, доведенные до ожесточения, — дело происходило в пору особенно возбужденного состояния рабочих, в зиму 1905—1906 г., — стали угрожать врачу убийством и принудили его тайком бежать с фабрики. Но... когда возбуждение улеглось, врач снова занял свое место.

Впрочем такой, помимо всего прочего, не имеющий ни капли самолюбия, врач представляет собою единственный в своем роде экземпляр. Большинство врачей, если и не всегда решались открыто протестовать против поползновений фабрикантов проявлять в медицинском деле свою хозяйскую власть, то по крайней мере не забегали вперед. В своих стремлениях ввести то или иное улучшение в постановку дела врачи иногда прибегали к помощи инспектора, и мне, действительно, удавалось иной раз убедить фабриканта сделать то, что считал необходимым врач. Вообще я должен сказать, что хотя формально инспектор обязан следить в области фабричной медицины исключительно за исполнением обязательных постановлений, т.е. убеждаться лишь в том, что больница существует и врач положенное число раз ее посещает, на деле ему приходится гораздо глубже проникать в эту область. Посещая фабрику, я считал своим долгом почти всякий раз ходить и в больницу, особенно в тех случаях, когда врач больнице не живет. Не думаю, чтобы была большая польза этих посещений, но все же мне кажется, что в виду таких посещений заведующие и

владельцы принимали меры к устранению по крайней мере таких недостатков, которые бьют в глаза.

Я был бы несправедлив и мог бы ввести читателя в заблуждение, если бы не упомянул о тех фабрикантах, которые дают врачу полную *carte blanche* в установлении всех больничных порядков, в выборе фельдшерского персонала, в производстве расходов как на лечение, так и на продовольствие больных. Правда, таких фабрикантов немного, но они есть среди тех, которые отказывают врачу в самых необходимых приспособлениях и медикаментах, которые заставляют питать больных со стола дворовых рабочих, которые нанимают и увольняют низший медицинский персонал помимо врача и против его желания, но своему личному капризу, которые способны самого врача уволить во всякое время без всякого объяснения причин.

Положение 1866 г. и обязательные постановления Присутствий, обязывая владельцев промышленных заведений оказывать медицинскую помощь рабочим, оставляют совершенно в стороне вопрос, так сказать, о пределах этих обязательств; они совершенно не говорят о том, должен ли фабрикант лечить рабочего только до тех пор, пока он фактически состоит его рабочим, или же должен продолжать лечение и по расторжении договора найма, а также должен ли лечить от всех болезней. Между тем вопрос этот очень важный и умолчание здесь не спроста. Статья 105 Устава о Промышленности говорит: «Договор найма может быть расторгнут заведующим фабрикою или заводом... 2) вследствие неявки рабочего на работу более двух недель сряду по уважительным причинам,... и 5) вследствие обнаружения у рабочего заразительной болезни». Это с одной стороны. С другой стороны, обязательные постановления требуют лечения лишь рабочих. Отсюда вытекает, что фабрикант обязан лечить рабочего, лишившегося возможности вследствие болезни являться на работу, только в течение 2-х недель, так как, по истечении этого времени, с рабочим может быть расторгнут договор найма и всякие обязательства владельца по отношению к нему прекратятся, ибо он уже не будет состоять рабочим данного заведения.

Равным образом указанная статья Устава о Промышленности снимает с владельцев обязанность лечить рабочего, заболевшего заразительной болезнью. При составлении обязательных постановлений Присутствие, разумеется, не могло не предвидеть этих вопросов, но оно не могло и включать в постановления такие требования, которые шли бы вразрез с законом. Итак, фабричные больницы могли бы совершенно не иметь заразных отделений и не держат никого из больных более 2-х недель. К счастью, на деде этого не наблюдается. Если и встречаются фабриканты, которые при лечении рабочих пытаются прибегать к помощи ст. 105, то это сравнительно редкое явление. В большинстве же случаев фабричные больницы принимают рабочих со всеми заразными болезнями (кроме сифилиса) и держат больных до окончательного выздоровления. Мне известны даже случаи, когда в фабричных больницах лежали хроники в течение многих месяцев. Вместе с тем, хотя никто не обязывает владельцев лечить членов семейств рабочих, на всех фабриках, при которых имеются семейные жилые помещения для рабочих, все члены семейств живущих при фабрике рабочих, пользуются медицинской помощью в фабричных больницах на одинаковых основаниях с рабочими. Некоторые фабричные больницы, как я уже упоминал, оказывают медицинскую помощь даже окрестному, не работающему на фабриках, населению.

Это входит уже в область благотворительной деятельности фабрик. Коснувшись ее, я не могу не указать здесь же на другие проявления этой деятельности, подлежавшие моему наблюдению. Сюда относится выдача во время русско-японской войны большинством фабрик пособий семьям запасных чинов, призванных на действительную службу, из числа рабочих. Не везде это дело было организовано одинаково; одни из фабрикантов выдавали больше, другие меньше, одни делали от чистого сердца, серьезно входя в нужду рабочих, другие же только для того, чтобы можно было сказать, что и они тоже что то делают. Но все-же семьи рабочих, ушедших на войну, находились в несравненно лучшем положении, чем семьи рядовых крестьян, принужденные довольствоваться земским

обязательным пособием. Другой случай, давший фабрикантам возможность проявить свои гуманные чувства к рабочим создан был нефтяным кризисом, имевшим место, если не ошибаюсь, в 1903 г. Благодаря отсутствию топлива, большинство наших фабрик принуждено было временно приостановить свои работы. Для рабочих создавалось крайне тяжелое положение, им предстояла перспектива голодовки. И тут фабриканты, действительно, пришла на помощь рабочим. Предупреждая рабочих о предстоящем закрытии фабрик, они принимали на себя обязательство выдавать рабочим на содержание в размере не менее 50 коп. в день на человека в течение определенного, довольно продолжительного (точно теперь не помню) времени. К счастью, кризис миновал скорее, чем предполагалось, и платить фабрикантам в сущности пришлось немного. Но важно самое намерение их, явившееся неожиданностью для многих. Губернские власти, очевидно, с предупреждения центральных органов ожидали, что кризис вызовет серьезные осложнения, связанные с нарушением порядка. С такими мыслями и в чаянии что-то устроить и предотвратить, чуть ли не спасти Россию, приезжает в мой участок губернский жандармский генерал. Первым делом он является ко мне и, нащупывая почву, начинает говорить о необходимости принять серьезные меры к предотвращению предстоящих, по его мнению, ужасов. Втайне он, надо думать, мечтал уже о награде. Каково же было его разочарование, когда я заявил ему, что опасаться решительно ничего нельзя, так как рабочие будут вполне обеспечены. Он даже отказался верить этому, и для доказательства я должен был показать ему засвидетельствованные мною объявления о принятых на себя фабрикантами обязательствах.

Глава XIX. Охрана жизни и здоровья рабочих

Перехожу к вопросу, занимающему вполне самостоятельное и огромное место в жизни фабрики, к вопросу об охране жизни и здоровья работающих.

Всякий, даже далеко стоящий от фабричной жизни, знает, что фабрика уносит здоровье рабочих, что она калечит людей, что она постоянно требует человеческих жертв.

В общей литературе и ежедневной прессе мы находим, правда, мало сведений о несчастных случаях с рабочими, о заболеваемости рабочих и т.п., но фабрика давно уже создала целый специальный отдел гигиены, — профессиональную гигиену, трактующую о болезнях и травматических повреждениях рабочих в зависимости от того или иного производства. Появилась также целая литература, посвященная вопросу об ограждениях приводов, машин и всяких исполнительных механизмов в целях достижения безопасности работ.

Приступая к настоящей главе, я должен начать с того же, с чего начинается почти каждый отдел моих записок, — с указания на недостатки существующего законодательства или, правильнее говоря, на отсутствие всякого законодательства в этой столь важной области фабричной жизни. Единственное, что здесь сделано, касается паровых котлов¹⁶ «Правила (30 июля 1890 года) относительно устройства, установки и содержания паровых котлов, а также порядка освидетельствования оных» содержат в себе, действительно, определенные и точные требования, имеющие целью обезопасить пользование котлами, и эта цель, с передачею надзора за котлами в руки фабричных инспекторов, вполне достигается. Но паровой котел, хотя и является чрезвычайно опасным механизмом, представляет

16 К числу законодательных мер, касающихся этой области, следует, пожалуй, отнести еще статьи Устава о Промышленности, запрещающие работу малолетних в особо вредных для здоровья производствах.

ничтожную часть всей той опасности, которая на каждом шагу угрожает рабочим при работе на фабриках и заводах.

В первый же год моего инспекторства я получаю от одного лесопильного завода, относительно которого мне было известно, что он находится в периоде постройки и оборудования, уведомление о том, что он пущен в ход, и одновременно с тем извещения о 4-х несчастных случаях, из которых один имел последствием смерть потерпевшего. Еду, конечно, немедленно на завод и вижу такую картину: все приводы, машины и станки на месте, завод работает полным ходом, но нигде не имеется ни малейших намеков на ограждения; в нижнем, приводном отделении (завод был очень крупных размеров) чуть не сотня шкивов, валов и приводных ремней занимают все пространство, не оставляя ни одного свободного, защищенного прохода, так что для того, чтобы добраться до того или иного подшипника, нужно пролезать под вращающимися приводными валами и перешагивать через быстро бегущие ремни. Во время такого путешествия масленщик, перешагивая через нижнюю часть ремня, идущего на шкив громадного диаметра, поскользнулся и очутился верхом на ремне, которым был моментально втянут в шкив, после чего от человека осталось, что называется, мокренько. Этот случай служит самым наглядным доказательством того, какие ужасные последствия может иметь отсутствие у нас требований закона о предварительном осмотре всякого вновь открываемого промышленного заведения для определения, является ли оно достаточно безопасным для производства в нем работ. Будь такой закон, комиссия, состоящая из компетентных лиц, при осмотре указанного лесопильного завода, разумеется, не допустила бы его действия до тех пор, пока не были бы устроены все необходимые ограждения, и ужасная смерть человека была бы предотвращена. У нас существует масса крайне обременительных, связанных с волокитой по губернским правлениям и другим присутственным местам, требований при открытии промышленных заведений; но все эти требования, вытекающие из законоположений, имеющих весьма солидный возраст, исключительно формального, бумажного свойства. Они часто служат громад-

ным тормозом в деле развития нашей промышленности, но совершенно не касаются вопроса о безопасности оборудования промышленных заведений (кроме требований, предъявляемых правилами о паровых котлах).

Только в Московской губернии, насколько мне известно, путем чисто административных постановлений установлен порядок, на основании которого, перед выдачею разрешения на открытие действий всякого нового промышленного заведения, последнее осматривается особой комиссией, в состав которой входит и фабричный инспектор, проверяющий, выполнены ли требования обязательных постановлений фабричного Присутствия, касающихся охраны жизни и здоровья рабочих. Наши высшие органы, ведающие промышленность, давно уже сознали необходимость пересмотра закона об открытии промышленных заведений и издания особых правил в ограждение жизни и здоровья рабочих. По этому поводу составлялись различные комиссии, работавшие по десятку лет, написано не мало проектов очень обстоятельных и детальных, из которых один рассматривался на местах представителями промышленности и фабричными инспекторами, — я помню, что у нас в N-ской губернии на собраниях присутствовало до 30 человек фабрикантов и заведующих и мы потратили на это дело около 2-х недель, — но из всего этого решительно ничего не вышло. Несмотря на все эти разговоры и всю эту шумиху, за последние 15 лет фактически не только не сделано в этом отношении ни единого шага вперед, но, наоборот, дело значительно попятилось назад¹⁷.

Не выступая непосредственно на охрану жизни и здоровья работающих, закон возложил «издание обязательных постановлений о мерах, которые должны быть соблюдаемы для охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих во время

17 Только в 1910 г. дела о разрешении на открытие промышленных заведений переданы в руки фабричной инспекции; сделано это в инструкционном порядке и никаких новых законных норм при этом не установлено.

работы и при помещении их в фабричных зданиях» на губернские по фабричным делам присутствия (п. 1 ст. 52 Устава о промышленности). До 1894 года присутствия существовали только в 5 губерниях, в этом году они введены были еще в 13 губерниях, в остальных губерниях вводились постепенно в течение 1896—1901 годов. А в 1899 году одновременно с учреждением Главного Присутствия у губернских присутствий было отнято право издавать указанные постановления: это право осталось исключительно за Главным Присутствием, на которое возлагалось «издание общих правил о мерах, которые...» и т.д. Издай Главное Присутствие эти общие правила немедленно, может быть, было бы и великолепно, но... оно до сих пор даже не подумало об издании их. Тем временем всякая работа в этом направлении на местах прекратилась. В тех губерниях, в которых местные Присутствия успели до запрета издать постановления, есть еще что-нибудь, хотя и там с 1899 г. никакие дополнения невозможны, а где не успели, там нет ничего. Успели же, вероятно, очень немногие Присутствия (о деятельности губернских Присутствий вообще ни каких печатных сведений не имеется); так по крайней мере можно думать, судя по тому, что даже Московское Губернское Присутствие удосужилось издать постановления только в 1894 году, а дополнить их в 1898 г., а наше N-ское Присутствие утвердило свои постановления в самом конце 1897 года. Между тем, при отсутствии обязательных постановлений, у фабричного инспектора не имеется никакого формального права входить в рассмотрение благоустройства фабрик и принимать какие-либо меры по части ограждения машин и т.п. Вся его деятельность в этом отношении регламентируется той статьей наказа, которая говорит о наблюдении за исполнением обязательных постановлений. Словом, инспектор, желающий только формально выполнять свои обязанности, при отсутствии обязательных постановлений, смело может проходить на фабрике мимо всех машин, станков и приводов, не обращая на них ни малейшего внимания, как на предметы, до него не касающиеся. Не то, конечно, мы видим на деле, и я думаю, что не найдется ни одного инспектора, который оставался бы вполне равнодушным к благоустройству фабрик. Есть ли

постановления, нет ли их, инспектор не может пройти равнодушно мимо таких мест, которые угрожают опасностью рабочему, не может не обратить внимания заведующего на такие устройства и такие распорядки, которые способны вызвать несчастный случай.

В течение первых 3-х лет, пока у нас не было обязательных постановлений, а затем и после издания постановлений в случаях, не предусмотренных ими, я всегда делал свои замечания и указания относительно того или иного устройства, относительно необходимости постановки ограждений и пр., причем нередко этими замечаниями исписывались целые страницы в ревизионной книге; до издания постановлений таких замечаний было даже больше, чем в следующие годы, так как за это время фабрики очень многое успели привести в порядок. Насколько мне известно, также поступали и другие инспектора. И можно утверждать, что фабричные инспектора своими советами, указаниями и замечаниями сделали многое для приведения фабрик в большее благоустройство в смысле уменьшения тех опасностей, которым подвергается рабочий при работе на фабрике, и это даже независимо от обязательных постановлений. Значение последних выражается главным образом в том, что при наличности их инспектор может не только рекомендовать, но и требовать, угрожая за неисполнение требования 29 статьей Устава о Наказаниях. Правда, прибегать к таким мерам приходится не часто: в вопросе об ограждениях, о принятии мер к предупреждению несчастных случаев фабриканты и даже мелкие заводчики охотно прислушиваются к замечаниям инспектора и стараются выполнить его указания, до тех пор, впрочем, пока это не сопряжено с значительными затратами и не вызывает уменьшения производства. Если, например, для безопасности работ требуется более просторное размещение машин, т.е. при данном помещении некоторое сокращение числа их, то на это фабриканты никогда не согласятся. Причина, побуждающая владельцев и заведующих не уклоняться от выполнения делаемых инспектором указаний относительно устройства ограждений и принятия других мер предосторожности, по моему мнению, ясна: это —

боязнь личной уголовной ответственности. В самом деле, произойди серьезный несчастный случай, сопровождающийся смертью потерпевшего, от причин, на которые обращал внимание заведующего инспектор, ответственному лицу, — владельцу или заведующему, — угрожает арест, а если при этом не было выполнено то, что содержится в обязательных постановлениях, то тюрьма. Этот уголовный суд для фабрикантов в тысячу раз страшнее, чем материальная ответственность по несчастным случаям, от которой в тому же еще не так давно они умели отлично уклоняться.

Как бы то ни было, фабрики моего участка уже в первые годы по введении инспекции по части ограждений были приведены в больший или меньший порядок. Мне кажется, что в этом отношении мы ушли даже дальше заграничных фабрик; по крайней мере, на машинах, получаемых из-за-границы, здесь делались ограждения, которых там они не имели (например, трепальные машины на прядильных фабриках). Какие же получались результаты всех этих ограждений? Предотвратили ли ограждения несчастные случаи или по крайней мере уменьшили ли они их число? Как это ни странным покажется на первый взгляд, с благоустройством фабрик число несчастных случаев не только не уменьшилось, но оно в громадной степени возросло. Чтобы не оставлять читателя в недоумении, я должен сейчас же оговориться, что здесь мы имеем дело с простым совпадением: о количестве несчастных случаев мы можем судить только по тем случаям, которые регистрируются, регистрация же становится полной только за последние годы; то, что было в середине 90-х годов даже нельзя назвать правильной регистрацией; вероятно, в то время из 100 несчастных случаев записывалось каких-нибудь 2—3 наиболее серьезных. Это то обстоятельство и не позволяет нам судить о том влиянии, которое оказали на число несчастных случаев поставленные на фабриках ограждения и другие принятые для безопасности меры. С большей или меньшей вероятностью можно сказать лишь одно, что относительное число тяжелых несчастных случаев, происходящих от приводов и машин, значительно сократилось. Например, очень частые в прежние времена

несчастные случаи от трепальных машин, всегда сопровождающиеся очень серьезными повреждениями, за последние годы, благодаря солидным ограждениям этих машин, становятся исключительными. На ткацких станках прежде, когда на них не было предохранительных приспособлений от вылета челнока, чуть не ежедневно случались поранения, часто очень серьезные, причиняемые вылетавшим челноком; теперь, когда все без исключения ткацкие станки снабжены или предохранительными сетками или особыми прутками, препятствующими вылету челнока, если иногда челнок и вылетает, то он никогда не причиняет тяжелых повреждений рабочему. В общем же, какие бы идеальные ограждения мы ни устраивали, какие бы меры к предупреждению несчастных случаев ни принимали, совершенно искоренить их на фабриках невозможно; они неизбежны, так как вызываются всей совокупностью фабрично-заводской обстановки. Тут играют роль не только опасные машины и передачи, но и теснота помещений, высокая температура большинства мастерских, продолжительность и однообразие работ и другие чисто профессиональные условия, с которыми при современном развитии техники, при данной степени культурности и предпринимателей, и рабочих и при существующем строе жизни иногда немислима никакая борьба.

Прежде всего, не все механизмы могут быть вполне ограждены и не все работы обставлены достаточно безопасно; случается, что ограждения мешают работе и тогда рабочие, получающие сдельную плату, сами протестуют против них; а иногда бывает, что самые, по-видимому, радикальные ограждения не могут предотвратить несчастного случая. Казалось бы, что, раз опасные части машины надлежащим образом ограждены, то этим приняты все меры к тому, чтобы не произошло несчастного случая, по крайней мере от этих частей машины, и что, если тем не менее несчастье случится, то это может произойти только при условии, что ограждения будут нарушены самим потерпевшим, который и будет исключительно виноват в происшествии. На деле это бывает не совсем так. Мало еще оградить машину; нужно, чтобы рабочий

хорошо знал значение ограждения, чтобы он понимал конструкцию машины и умел с нею вполне сознательно обращаться. На эту же сторону дела фабрики обращают слишком недостаточное внимание, чтобы не сказать, проявляют здесь полную халатность. Нередко они ограничиваются вывешиванием объявлений, предписывающих тот или иной способ обращения с машинами или запрещающих какие-либо опасные операции, и совершенно не следят за исполнением своих предписаний. Так же формально относится фабричная администрация и к обучению новичков. Поставят нового рабочего к машине, которую тот видит в первый раз, скажут подмастерью, чтобы он показал, как обращаться с нею, и тем дело ограничивается. О какой-либо проверке того, понял ли рабочий, знает ли он, что и как нужно делать, нет и речи. Поэтому и возможны такие случаи, что несколько лет существует на машине приспособление, препятствующее открывать опасную часть машины до полной остановки последней, а десятки рабочих в течение всех этих лет, — пока не случилось несчастье, лезят в эту опасную часть на ходу машины, с нарушением ограждения, только потому, что и не подозревают об имеющемся приспособлении. Случается и так, что рабочий знает об угрожающей ему опасности и тем не менее лезет на нее. Иногда это бывает из удалства, из самоуверенности и проделывается рабочими наиболее опытными, уверенными в своем умении и ловкости; 100 раз для них благополучно сходят самые рискованные операции, но в 101 раз они попадают и становятся калеками. Но гораздо чаще это делается рабочими совершенно бессознательно. Почти при всех случаях серьезных повреждений, полученных при самых, по-видимому, невероятных обстоятельствах, когда рабочий должен был идти на явную опасность, потерпевшие объясняют, что они сами не понимают, как это с ними случилось: «точно кто толкнул»; при этом прибавляют, что весь день несчастного случая или даже несколько дней перед несчастием их что-то «томило», «душа точно тосковала». Очевидно, что человек был нездоров, ходил, быть может, с значительно повышенной температурой и, разумеется, не мог быть в этом состоянии внимательным и отдавать себе отчет в своих действиях. Вообще внимательности и

осторожности, — а только полная внимательность и осторожность и могут гарантировать рабочего от большинства несчастных случаев, — требовать от рабочих совершенно нельзя. Немыслимо, чтобы человек, исполняя в течение 9 часов подряд одну и ту же однообразную работу, был все время одинаково внимателен и сознательно относился к своему делу; такой напряженности не в состоянии выдержать человеческий организм, а потому вполне естественно, что рабочий действует часто совершенно машинально, бессознательно, с мыслями, отстоящими очень далеко от фабрики и той работы, которую он исполняет, а при этом он рискует каждую минуту попасть в ту или иную опасную часть машины, так как человек все же не машина и строго соразмерных, автоматических движений у него быть не может.

Все это относится к той опасности, которая угрожает рабочему со стороны исполнительных станков и механизмов, т.е. является свойственной специально фабрично-заводской работе. Но рабочие получают повреждения не только от машин, но и по другим причинам, имеющим место и вне фабрик при всевозможных работах; несчастий, происходящие по этим последним причинам, составляют больше половины общего числа несчастных случаев. Это установлено Отделом Промышленности и совершенно то же отношение замечается относительно несчастных случаев, подлежавших моему наблюдению. Чем же обусловливается происхождение несчастных случаев этой второй категории, происходящих при ручной работе, при переноске тяжестей, при падении рабочих, при обрушивании на них разных предметов и т.п.? Если нельзя ставить рабочему в вину его неосторожность при обращении с машинами, то тем меньшее значение имеет эта неосторожность здесь. В самом деле, человек только тогда может чувствовать себя в безопасности, когда он сидит у себя дома и ничего не делает; если же он возьмет в руки топор и пойдет колоть дрова или выйдет на улицу, чтобы пройти к своим знакомым, он уже подвергается риску порубить себя топором, поскользнуться, упасть и сломать ногу, быть ушибленным свалившейся с дома штукатуркой или раздавленным бешено мчащейся лошадейю.

На сколько же увеличивается этот риск, когда рабочий в течение целого длинного дня работает топором или таскает тяжести, спускается и поднимается по лестницам или лазит по лесам и подмосткам?

При всем том можно установить некоторые общие причины, влияющие на количество несчастных случаев. Подлежавший моему наблюдению материал дал мне возможность отыскать некоторые из этих причин. Мне не хочется утомлять внимание читателя целым рядом цифр, поэтому я ограничусь указанием на те выводы, к которым меня привело погодное сравнение числа несчастных случаев; эти выводы подтверждаются наблюдением за отдельными фабриками. Вот эти выводы: 1) с сокращением числа рабочих на фабриках в годы промышленного застоя относительное количество несчастных случаев заметно уменьшается и, наоборот, с значительным увеличением числа рабочих (на счет малоопытных) число несчастных случаев сильно возрастает; 2) с сокращением рабочего времени число случаев уменьшается; это особенно резко было заметно, когда фабрики перешли с суточной работы на 18-ти часовую. Таким образом неопытность рабочих и продолжительность рабочего времени представляют два существенные фактора, влияющие на происхождение несчастных случаев.

Статистика несчастных случаев, происходящих на фабриках и заводах, началась у нас собственно с 1895 г., когда Министерство Финансов выработало довольно подробную программу для собирания сведений о несчастных случаях. До этого времени были лишь отдельные попытки, предпринимавшиеся фабричными инспекторами за свой личный страх. Согласно министерскому циркуляру, заведующие фабриками и заводами обязаны были присылать фабричным инспекторам уведомления по особой форме о каждом несчастном случае, имевшем последствием хотя бы временную потерю трудоспособности потерпевшим в течение не менее 3-х дней. Всякий такой случай не может, разумеется, проходить на фабрике незамеченным; составление уведомления по готовой форме на бланках, изданных Департаментом, и продававшихся в канцеляриях инспекторов по самой дешевой цене, казалось бы,

также не могло представлять никаких затруднений; поэтому можно было бы ожидать, что мы сразу будем получать подробный и точный материал. Практика показала, однако, совершенно противное; здесь, бесспорно, сказалась некультурность наших заведующих и владельцев, мало понимающих задачи и цели статистики и склонных думать, что всякие сведения, собираемые с фабрик, требуются не иначе, как в каких-либо фискальных целях. Отсюда стремление многих фабрик, не говоря уже о мелких заведениях, по возможности скрывать происходящие на них несчастные случаи. Если бы не постоянные разъяснения со стороны инспекторов и не частные пути — через самих потерпевших, через врачей, просто через знакомых, — по которым до нас доходили сведения о несчастных случаях, скрываемых фабриками, то, вероятно, еще долго сохранялось бы приятное заблуждение, что на наших фабриках, не в пример заграничным, несчастные случаи представляют исключительное явление. Только после того, как заведующие убеждались с одной стороны в том, что трудно скрыть от инспектора несчастный случай, а с другой стороны, что никаких дурных последствий для них от большей откровенности не происходит, они становились более аккуратными в доставлении сведений. И все же до 1904 г., т.е. до введения закона о вознаграждении потерпевших, когда вместе с тем был установлен штраф в размере до 100 руб. за неприсылку извещения о несчастном случае (до этого года заведующий за неуведомление о несчастном случае никакой ответственности не подлежал), наша статистика несчастных случаев, можно сказать, была далеко несовершенна. На этом основании Министерство нашло возможных использовать собранный инспекторами материал, начиная лишь с 1901 г., оставив данные за предшествующие годы неразработанными в виду их неполноты, и то с основательной оговоркой, что и этот материал не обладает достаточной полнотой. Действительно, по общероссийским данным за 1901 г. на каждую тысячу рабочих в заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, приходилось 14.6 потерпевших от несчастных случаев, в 1902 году — 15.6, а в 1904 г., когда извещения о несчастных случаях доставлялись уже на основании закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении

потерпевших рабочих, на каждую тысячу пришлось 28.6 потерпевших. В моем участке относительное количество несчастных случаев всегда было меньше, чем среднее по общеимперским данным. Объясняю я это не недостатками регистраций, за которой я следил особенно тщательно; и, разумеется, не каким-либо особенным благоустройством подлежавших моему надзору фабрик, а исключительно тем обстоятельством, что в участке преобладало ткацкое производство, наименее опасное из всех производств крупной промышленности, и было очень мало механических заводов, дающих наибольшее количество несчастных случаев.

Согласно предложению Министерства, на уведомлениях о несчастных случаях, приславшихся заведующими по форме, установленной в 1895 г., фабричные инспектора должны были, по расследовании случая, делать отметки о том, по чьей вине произошел случай, при чем для этой классификации Министерство установило 7 следующих рубрик: 1) по вине заведующего, 2) по вине рабочего, 3) по вине соработников, 4) по совместной вине заведующего и рабочего, 5) по вине третьих лиц, к примышленному заведению не причастных, 6) стихийные силы и 7) профессиональный риск. Мы аккуратно делали эти пометки, но отдел промышленности при разработке сведений ими не воспользовался и поступил, конечно, вполне правильно, так как смысла в этих отметках было очень мало. Почти в каждом несчастном случае при желании можно усмотреть и виновность фабрики, и виновность потерпевшего или соработников, и все это вместе; таким образом здесь всякое определенное заключение будет чисто субъективным и не всегда будет соответствовать действительности. Фабрики всегда желают свалить вину на самого рабочего и потому в уведомлениях обязательно оговаривают, что случай произошел по собственной неосторожности потерпевшего, при чем иногда доходят до курьезов вроде того, что «вследствие лопнувшего паропровода обварило рабочего паром по его неосторожности». В действительности большинство случаев должно быть отнесено за счет профессионального риска, что для читателя, вероятно, понятно из изложенного выше. Но бывают и такие

случаи, в которых виновность заведующего устанавливается с полной очевидностью.

Роль фабричного инспектора в деле привлечения заведующих к ответственности по несчастным случаям за время моего инспекторства видоизменялась несколько раз. По наказу 1894 г. фабричный инспектор был обязан прежде всего «по получении известия об особенно важном происшедшем в промышленном заведении несчастном случае... незамедлительно отправиться на место происшествия для определения ближайших причин, вызвавших несчастный случай», а затем, если будет установлено, что случай произошел вследствие неисполнения обязательных постановлений, составить протокол; если же несчастие явилось результатом непринятия мер предосторожности со стороны заведующего, то сообщить полиции для составления надлежащего протокола. Позднейшими циркулярами фабричным инспектором было представлено право составлять протоколы при всех серьезных несчастных случаях и направлять их по принадлежности. Наказ 1899 года сделал уже шаг назад; по нему протоколы о всех несчастных случаях, даже и тех, которые произошли вследствие неисполнения обязательных постановлений, составляются или инспектором, или полицией в зависимости от того, кто раньше явится на место; если же присутствуют одновременно и тот, и другой чин, то протокол составляется полицией. Наконец, с введением закона 2-го июня 1903 г. о вознаграждении потерпевших рабочих составление протоколов предоставлено было исключительно полиции. На практике в моем участке дело обстояло таким образом. Первые годы я не пропускал ни одного несчастного случая без того, чтобы не составить самостоятельно протокола, не зависимо от того, был ли таковой составлен полицией или нет, и не взирая на то, от каких причин произошел случай, раз только усматривалась виновность заведующего, с тем, чтобы отправить его судебному следователю. Полагаться на протоколы, составляемые полицией, является абсолютно невозможным. Чины полиции прежде всего решительно не в состоянии разобраться в причинах несчастного случая, а затем у них всегда проявляется стремление всю вину свалить

исключительно на самого потерпевшего. Между тем до издания закона о вознаграждении потерпевших, было чрезвычайно важно установить судебным порядком виновность фабрики, потому что только таким путем открывалась возможность для членов семьи потерпевшего искать обеспечение от владельца. Само собою разумеется, то же самое относится и к самим потерпевшим, получившим увечье и желающим добиться вознаграждения от фабрики. Но в случаях, оканчивающихся лишь увечьем, судебные дела должны возбуждаться лично потерпевшими, и потому здесь не могла проявляться наша инициатива. Впрочем, мое рвение по возбуждению уголовных дел и по смертельным случаям через несколько лет стало ослабевать. Дело в том, что у нас подобрался такой состав Окружного суда, который систематически выносил оправдательные приговоры по всем делам этого рода. Иногда эти приговоры были прямо поразительными по отсутствию всяких мотивов к оправданию в случаях, категорически свидетельствующих о виновности фабричной администрации; и выходя из суда, где я обыкновенно фигурировал в качестве эксперта, я с каждым разом все более и более убеждался в бесплодности возбуждения этих дел. Я вовсе не стою за то, чтобы непременно подвергать какому-нибудь наказанию владельцев или заведующих за те упущения, которые послужили причиной смерти рабочего, так как не думаю, чтобы здесь часто проявлялась злая воля этих лиц, но ставить им на вид такие упущения мне кажется необходимым и с моральной, и с практической точки зрения. Сделать же так суд всегда имеет возможность, признав вину и приговорив к замечанию. К счастью, практические побуждения к возбуждению дел, — желание открыть путь потерпевшей стороне к гражданскому иску, — стали постепенно исчезать, так как фабриканты начали прибегать к добровольному удовлетворению потерпевших, не дожидаясь суда. А тут как раз подоспел новый наказ, передавший все дело в руки полиции, благодаря тому, что полиция всегда раньше поспевает на место, чем фабричный инспектор; поспевает раньше, потому что она ближе к месту и потому что это приятнее для фабрики, которая старается поэтому прежде уведомить полицию, а потом уже инспектора. Таким образом мое в первые

годы довольно частое фигурирование на суде по делам о несчастных случаях¹⁸ становится все реже и реже, пока почти совсем не сводится на нет. В настоящее время такое дело лишь изредка всплывает по инициативе прокуратуры, запрашивающей в таких случаях у инспектора его заключение.

Все это относится к преследованию по поводу несчастных случаев; что же касается собственно расследования несчастных случаев для выяснения причин происхождения их в целях принятия мер, предупреждающих возможность повторения аналогичных случаев, то такие расследования фабричными инспекторами никогда не прекращались и касаются не только серьезных случаев, но и сравнительно незначительных, расследование которых производится обыкновенно попутно при посещении промышленных заведений.

Жизнь и здоровье рабочих находятся, однако, в зависимости не только от степени опасности производимых ими работ, но и от степени гигиеничности той обстановки, в которой им приходится работать. Если техническая, так сказать, сторона работы постоянно угрожает рабочему внезапным лишением по меньшей мере части его трудоспособности, то неблагоприятные в гигиеническом отношении условия работы медленно, но непрестанно разрушают его здоровье, развивая в нем профессиональные болезни и сводя его в преждевременную могилу. Если бы можно было подсчитать число рабочих, лишившихся в той или иной степени трудоспособности и умерших вследствие профессиональных заболеваний, то, наверное, таковых оказалось бы во много раз больше, чем пострадавших в той же степени по несчастным случаям за одинаковый период времени. К глубокому сожалению, у нас слишком мало внимания обращается на обстановку фабрик в санитарно-гигиеническом отношении, а фабричная инспекция и совершенно устранена от этого дела. Все, что может делать инспектор в этой области, это — давать чисто платонические, ни для кого не обязатель-

18 Сюда относятся также экспертизы в гражданских делах, о чем будет в следующей главе.

ные, обыкновенно бесплодные советы. Словом, здесь инспектор находится в том же положении, как и в деле санитарного благоустройства жилых помещений для рабочих, что уже описано мною в одной из предыдущих глав. Теперь я приведу для характеристики лишь один эпизод.

На одной крупной ткацкой фабрике была чрезвычайная сырость, намеренно устраиваемая владельцем в чисто коммерческих целях для увлажнения товара. Сырость была настолько велика, что со стен буквально текли ручьи и рабочие ходили по лужам, и это при температуре около 30°. Я много раз обращал внимание заведующего на эту сырость, конечно, вредную для здоровья рабочих, и убеждал его не допускать ее. Тот постоянно обещал принять соответствующие меры, но ничего не делал. Наконец, рабочие во время забастовки предъявили требование об уничтожении лишней влажности. Заведующий снова обещал. Но вот проходит несколько месяцев, и я получаю от рабочих письмо в котором они говорят (привожу дословно с сохранением орфографии): «покорнее просим вас о приведении в исполнение требований работчих предъявленных во время ноябрьской забастовки параграфа 16-го об улучшении основ и сокращения сырости в фабричном корпусе хозяин согласился основы улутшить влаги убавить как это и было зделано после забастовки не продолжительное время. А теперь опять тоже что было и раньше до забастовки. Теперь работчие мучатся в етом болоте грязи и сырости неимея права на открытие форточки, для освежения воздуха, поестому работчие обречены навсе время работы преть как в бане, ходят с растегпутыми воротами без поясов водном нижнем белье. ето настоящее тиранство наволе лето и у нас в фабрике осень, и работчие неммеют права рта разинуть приходится молчать изза того чтобы небыть выброшеному наволю, в виду етого покорнее просим вас раследовать ето ва законных условиях и привести в исполнение».

Предоставляю читателю судить, что тут можно было сделать «на законных условиях» и как «привести в исполнение».

Глава XX. Несчастные случаи и вознаграждение по ним

Посмотрим теперь, какое количество инвалидов, т.е. лиц, лишившихся хотя бы части своей трудоспособности, дают ежегодно несчастные случаи, происходящие на фабриках и доводах. Из последних опубликованных Отделом Промышленности данных о несчастных случаях (за 1905 г.) видно, что в течение года совершенно лишилось способности к труду по одному рабочему из каждых 27.868 и из каждых 201 рабочих один утратил часть своей трудоспособности; нашел на работе смерть один из 4.952 рабочих.

Приблизительно такое же отношение получалось и за предыдущие годы. По моему участку, беря среднее за два последние, по которым у меня имеются под руками данные, года, за 1904 и 1905 г., я имею одного увечного на каждые 377 человек (полных инвалидов не было) и одного убитого на каждые 7.382 рабочих.

Разумеется, не все рабочие, подучившие на фабрике увечье, выбрасываются за борт ее; большая часть их, преимущественно с менее значительными повреждениями, продолжают работать на фабриках иногда в прежних должностях, иногда в других, более подходящих. на сколько мне известно, у нас нет ни одного исследования о числе увечных, работающих на фабриках. Поэтому я позволю себе привести краткие данные на этот счет из моей работы, о которой я упоминал в главе 6 моих записок; в числе данных, собранных мною относительно 18.707 рабочих, содержатся сведения об увечьях, имеющих у рабочих. Оказалось, что из указанного числа рабочих у 313 имеется то или иное увечье, полученное во время работы. Наибольший процент (около 5%) дали мастеровые (слесаря, кузнецы, молотобойцы, масленщики, паровщики, шорники) и рабочие трепальных и чесальных отделений прядильных фабрик, т.е. рабочие таких специальностей, где всего чаще случаются несчастия. Очевидно, что эти рабочие, получив повреждения, продолжают исполнять ту же работу. Следующая, группа рабочих, в которой увечные составляют значительный

процент (свыше 3%) — разные рабочие мануфактурных фабрик; это преимущественно рабочие, работающие не за машинами: прометалыщики, сторожа и пр.; сюда вошли наиболее серьезные увечные: безрукие, хромые и т.п., получившие увечье в разных специальных должностях и переведенные сюда за неспособностью к другой работе.

Предоставлением рабочему, утратившему по несчастному случаю способность к прежней работе, другой должности, на которой он мог бы добывать себе кусок хлеба, и исчерпывались до второй половины 90-х годов заботы фабрик, — по крайней мере в Московском промышленном районе, — об увечных рабочих. И нужно себе представить положение такого рабочего, который, не имея возможности в силу полученного увечья поступить на другую фабрику, должен чувствовать, что он пользуется куском хлеба только из милости фабриканта; малейшее его непослушание, малейшая провинность грозят ему увольнением, т.е. лишением всяких средств к существованию. Но и такое призрачное обеспечение неполных инвалидов, способных еще к некоторому труду, считали своею обязанностью далеко не все из крупных фабрик, про более же мелкие промышленные заведения и говорить нечего; там, как и везде по отношению к полным инвалидам, предоставлялось самим потерпевшим заботиться о своей участи. Разве иногда совестливый купец пожертвует от своих щедрот несколько рублей за «оскорбление». Участие предпринимателей в обеспечении семейств рабочих, нашедших на работе смерть, ограничивалось тем, что выдавались деньги на погребение. Так было на мелких промышленных заведениях до применения закона 2 июня 1903 г. и до некоторой степени обстоит и сейчас, несмотря на существование этого закона, о чем будет сказано ниже; так было и на крупных фабриках в недавнее сравнительно время, пока рабочие не научились пугать фабрикантов судом. Несколько примеров присуждения судом в порядке общего гражданского уложения вознаграждения с владельцев в пользу потерпевших заставило фабрикантов позаботиться... об ограждении своих интересов; они стали страховать рабочих от несчастных случаев или, вернее говоря, свои возможные

убытки от несчастных случаев с рабочими. Но так как по общему гражданскому уложению потерпевший рабочий мог выиграть иск с фабриканта за причинение увечья в том лишь случае, если мог доказать, что повреждение причинено ему по вине фабрики¹⁹ — не говоря уже о том, что дела часто затягивались на несколько лет вследствие перенесения из одной инстанции в другую, — то суд не очень пугал фабрикантов и страхование шло медленно. Нужно было, чтобы на фабрике произошло подряд несколько таких случаев, за которые фабриканту пришлось поплатиться, чтобы он наконец, оберегая свое спокойствие, решился застраховать рабочих. На одной очень крупной фабрике моего участка владелец в течение нескольких лет собирался застраховать рабочих и все откладывал до тех пор, пока у него не убило сразу 4 рабочих при таких обстоятельствах, что он обязан был обеспечить семьи убитых. После продолжительного, мелочного торга с наследниками убитых, он рассчитал, что ему выгоднее застраховать рабочих, и страхование было, наконец, заключено.

Страхование рабочих, как общее явление, на фабриках моего участка началось в 1897-8 г., т.е. за 6-7 лет до введения закона 2 июня 1903 года. (Тоже, по-видимому, и во всем Московском Округе). Обычной нормой страхования на случай полной инвалидности было — 1200-кратный поденный заработок и на случай смерти 1000-кратный. Это значит, что рабочий, зарабатывающий, например, 50 коп. в день, в случае полной утраты трудоспособности получает единовременное вознаграждение

19 В делах по искам рабочих мне очень часто приходилось принимать участие в качестве эксперта. Дела этого рода, хотя бы рассматривались в окружном суде, подлежат предварительному расследованию уездных членов суда. Будучи сами не в состоянии разобраться в технических вопросах о причинах и обстоятельствах несчастных случаев, члены суда (но двум уездам) обыкновенно всегда приглашали меня на расследование и мою задачу составляло представить суду настолько обстоятельную картину несчастного случая, чтобы суд мог без затруднений найти виновного.

граждение в размере 600 руб., и в случае частичной утраты способности к труду в соответственно меньшем размере. На деле страховые общества старались всегда выдать возможно меньше, проявляя нередко полную недобросовестность. За повреждение, за которое согласно полисным условиям потерпевший должен был бы получить 300-400 руб., сплошь и рядом ограничивались выдачею каких-нибудь 100 рублей. Приедет инспектор страхового общества на фабрику, вызовет потерпевшего в контору и начинает соблазнять его невиданною им красивою сотенною бумажкою, которую обещает тут же выдать, если тот согласится подписать заготовленную расписку. И потерпевший соглашается. Фабричная администрация, которая в сущности должна была бы отстаивать здесь интересы рабочих, почти никогда этого не делала, вероятно, в расчете на то, что при возобновлении страхования можно будет, ссылаясь на малые убытки общества, выторговать в страховой премии, И только в тех случаях, когда потерпевший оказывался энергичным и настойчивым, страховым обществам приходилось выплачивать полностью следующую по полисным условиям сумму и даже больше того под угрозой предъявления потерпевшим судебного иска. Мне известны примеры, когда страховое общество, предлагавшее первоначально 150 руб., при подобных обстоятельствах вынуждено было уплатить 350 руб., а вместо первоначальных 300 — 850 рублей. Вместе с тем самое определение степени утраты трудоспособности было в то время чрезвычайно неправильным: обыкновенно страховые общества сами определяли процент потери трудоспособности и выводили его очень низким. Понятен поэтому такой случай, прошедший перед моими глазами. Один потерпевший до введения закона 2 июня 1903 г. получил от страхового общества единовременное вознаграждение в размере 60 руб. за такое увечье, за которое по нормам закона 2 июня ему причитается пожизненная пенсия в размере 56 руб. в год или единовременно 560 руб.

Обеспечение рабочих за время болезни вследствие несчастного случая до введения закона 2 июня 1903 г. производилось очень разнообразно: некоторые фабрики сохраняли на

это время за потерпевшими их полный заработок, другие платили половину, а третьи, ничего не платили или платили только тем из потерпевших, в причинении повреждения которым чувствовали свою вину. При страховании рабочих на случай временной неспособности к труду, обусловливалась иногда полная поденная плата, иногда половина, чаще же $3/4$ поденного заработка; однако в случае постоянной утраты трудоспособности особой платы за время лечения не выдавалось. В общем, с изданием закона о вознаграждении, получающие лишь временную неспособность к труду, на некоторых фабриках не выиграли, а проиграли.

Закон 2 июня 1903 года «о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» при своем появлении в конце 1903 г. привлек внимание всей повременной прессы, которая подвергла его подробной критике и доказала его неудовлетворительность. Напомню в нескольких словах основные положения закона.

По закону 2 июня 1903 г. вознаграждению подлежат рабочие, утратившие способность к труду более, чем на 3 дня, вследствие повреждения, причиненного им работою по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ. Владелец освобождается от обязанности вознаграждать потерпевшего, если несчастный случай произошел вследствие злого умысла потерпевшего или грубой его неосторожности, не оправдываемый условиями и обстановкой работ. (Наличность злого умысла или грубой неосторожности владелец должен доказать). Списки предприятий, на которые распространяется действие закона, составляются губернскими по фабричным и горнозаводским делам присутствиями, причем в списки вносятся только те заведения, где имеются механические двигатели, и не вносятся мелкие заведения, имеющие сельскохозяйственный характер, хотя и обладающие механическими двигателями. За время со дня несчастного случая до дня восстановления трудоспособности или до дня признания утраты ее постоянною потерпевшие получают пособие в

размере половины их действительного заработка; в случае полной инвалидности назначается пожизненная пенсия в размере $\frac{2}{3}$ годового заработка потерпевшего, при неполной инвалидности в соответственно меньшем размере; в случае смерти выдается определенная сумма на погребение и пенсии назначаются ближайшим членам семьи в общей сложности не свыше $\frac{2}{3}$ годового заработка потерпевшего; но взаимному соглашению сторон пенсии могут быть заменяемы единовременными выплатами в размере десяти годовых пенсионных платежей. Годовой заработок определяется путем деления действительного заработка за год, предшествовавший несчастью, на число рабочих дней потерпевшего и умножением частного на 260; если потерпевший пользовался квартирою от фабрики, прибавляется 20%. Соглашения о вознаграждении, облеченные в письменную форму, свидетельствуются фабричным инспектором или окружным инженером, которые отказывают в засвидетельствовании, если грубо нарушаются интересы потерпевших; засвидетельствованное соглашение имеет силу сделки, заключенной на суде. При несостоявшемся соглашении и при отказе в засвидетельствовании означенные должностные лица составляют акт, в котором должны дать свое заключение о праве потерпевшего на вознаграждение и о размере такового; тогда потерпевшему остается искать вознаграждение судом, который разбирает эти дела в упрощенном порядке. Степень утраты трудоспособности определяется свидетельством врача, причем правительственным врачам вменено в обязанность выдавать такие свидетельства. (Для руководства врачей медицинским Советом изданы особые правила и выработаны таблицы, таксирующие различные повреждения).

Главнейшие недостатки закона критики его находили в следующем: 1) он имеет слишком ограничительное распространение, так как от действия его изъяты громадные массы рабочих; 2) он не дает права на вознаграждение во многих случаях потери трудоспособности, благодаря крайне узкому определению понятия о подлежащих вознаграждению повреждениях и имеющемуся в нем исключению для случаев,

происходящих по грубой неосторожности потерпевшего; 3) нормы вознаграждения недостаточны; 4) слишком большое влияние на применение закона должно иметь усмотрение отдельных должностных лиц, фабричных инспекторов и окружных инженеров.

Практика применения закона, по крайней мере поскольку она подлежала моему наблюдению, вполне подтвердила справедливость этой критики. Даже больше того: при некоторых обстоятельствах закон может оставаться совершенно мертвою буквою.

Закон 2 июня 1903 г. стал применяться с 1 января 1904 г. У меня сохранились точные данные по применению закона только за 1904 и 1905 г. За эти два года в моем участке было зарегистрировано всего 1083 несчастных случая, из них 8 окончившихся смертью и 157 постоянною утратою части трудоспособности; остальные случаи сопровождались лишь временною утратою способности к труду. Из 8 смертных случаев только в 5 случаях семьи потерпевших были вознаграждены по закону; наследники одного из убитых вошли с владельцем в частное соглашение помимо фабричного инспектора на получение вознаграждения во много раз меньшего, чем следовало по закону; а члены семейств остальных 2-х потерпевших никаких требований о вознаграждении к владельцам не предъявили, хотя имели неоспоримое право на вознаграждение. Все эти последние случаи относятся к мелким промышленным заведениям, где рабочие составляют слишком забитую массу, где они не решаются «оскорблять» владельца своими требованиями, где владелец, действительно, иногда не в состоянии выполнить всех обязательств, налагаемых на него законом о вознаграждении, и где поэтому закон может оставаться мертвою буквою. Это выступает еще рельефнее в деле вознаграждения самих потерпевших.

Из общего числа 157 увечных вознаграждение по закону 2 июня получили 132 человека, которые вошли для этого с владельцами предприятий или со страховыми обществами, принявшими на себя обязательства владельцев по вознаграждению, в особые предусмотренные законом соглашения,

посвидетельствованные инспектором; при этом соглашения на пожизненные пенсии состоялись только в 12 случаях, во всех остальных случаях были произведены единовременные выдачи. В 18 случаях предлагавшееся вначале вознаграждение было увеличено после переосвидетельствования потерпевших по их просьбе и признании врачом большей степени утраты трудоспособности; в 8 случаях соглашения были заключены после составления актов о несостоявшихся соглашениях, при чем в 4-х из этих случаев акты составлялись вследствие отказа владельцев и страховых обществ удовлетворить потерпевших по закону и в 4-х случаях вследствие несогласия потерпевших на предлагавшееся им в законном размере вознаграждение. Всего актов о несостоявшихся соглашениях составлено было 21: 5 вследствие отказа потерпевших, не довольствовавшихся законным вознаграждением, 15 вследствие отказа другой стороны в выдаче вознаграждения в законном размере и один, когда и владелец, и потерпевший пришли к соглашению, но размер вознаграждения совершенно не соответствовал требованиям закона. В последнем случае, за отказом моим в посвидетельствовании соглашения, стороны оформили свою сделку у нотариуса. Из 12 случаев, когда потерпевшие, получив копии акта о несостоявшемся соглашении, должны были искать вознаграждение судом, мне известен результат только в 3-х случаях, окончившихся признанием судом иска потерпевших согласно их желанию и моему заключению. За исключением перечисленных случаев, остается еще 12 увечных, не получивших законного вознаграждения. Из них трое вступили в частные соглашения с владельцами, удовольствовавшись вознаграждением в размере значительно ниже следуемого по закону, 2 не имеют права на вознаграждение и требований о таковых не предъявляли, как и остальные 7 человек, имеющих право, но не предъявивших требований по тем же соображениям, как и члены семейств умерших, т.е. не желая «досаждать» владельцам²⁰.

20 Таким образом из 165 случаев смерти и постоянной утраты

Уже из перечисленных мною голых фактов видно, что закон 2 июня 1903 г. не дает рабочим действительного обеспечения на случай увечья; несмотря на существование этого закона, часть потерпевших остается совершенно без вознаграждения, другая часть получает вознаграждение в меньшем размере, чем следует по закону; наконец, во многих случаях надлежащее вознаграждение потерпевшим удастся получить только после повторных освидетельствований и продолжительных хлопот включительно до взыскания судом.

Главными препятствиями, с которыми приходится бороться, чтобы добиться надлежащего вознаграждения, являются: 1) стремление ответственной стороны приписать несчастный случай грубой неосторожности потерпевшего или отрицать зависимость несчастного случая от производства и тем сложить с себя обязанность по вознаграждению; 2) понижение степени утраты трудоспособности в целях уменьшения размера вознаграждения²¹ и 3) отнесение полученного потерпевшим повреждения к разряду профессиональных заболеваний, за

трудоспособности законное вознаграждение в установленном порядке получено в 137 случаях, что составляет 83%. По изданным Отделом Промышленности сведениям о применении закона 2 июня 1903 г., во всех промышленных заведениях, подчиненных надзору фабричной инспекции, за те же годы этот процент был менее 62. Отдел предполагает, что в остальных случаях потерпевшие получили вознаграждение судом или путем частных соглашений в том же законном размере; но, как мы видели, это предположение далеко не основательно.

- 21 При решении вопроса о степени увечья имеет громадное значение различие понятий о трудоспособности, т.е. способности к труду вообще, и работоспособности, т.е. способности к специальной работе. Для фабрично-заводских рабочих незначительная сама по себе утрата трудоспособности может иногда представлять полную утрату работоспособности. При определении размера вознаграждения, конечно, должна приниматься во внимание потеря не только трудоспособности, но и работоспособности; между тем последняя часто игнорируется.

который по закону 2 июня вознаграждения не полагается. К счастью, ссылки на грубую неосторожность и отсутствие связи между несчастием и производством встречаются не часто. Из 157 случаев увечья только в 5 случаях было отказано в выдаче вознаграждения на этом основании. Два из них, действительно таковы, что могли быть отнесены к этой категории; в одном случае потерпевший получил повреждение глаза от произведенного товарищем разрыва принесенного им на фабрику ружейного пистона; в другом случае потерпевший, подойдя к машине, на которой не работал, положил без всякой надобности руку на движущуюся опасную часть машины, чем и причинило ему повреждение руки; сознавая свою вину, потерпевший старался даже скрыть происшедший с ним случай и никакого требования о вознаграждении не предъявлял. В остальных 3-х случаях произведенное мною подробное расследование выясняло такие обстоятельства, которые устраняли наличность грубой неосторожности потерпевших и заведующие принуждены были признать случаи подлежащими вознаграждению. Эти примеры показывают, до какой степени иной раз судьба потерпевшего зависит от доброго желания инспектора и его умения разобраться в сложном случае и доказать неправильность рассуждений противной стороны.

То же желание инспектора и значительная настойчивость потерпевшего требуются для того, чтобы добиться вознаграждения в надлежащем размере, соответствующем действительной утрате трудоспособности. Не смотря на существование изданной медицинским Советом таблицы для определения степени утраты трудоспособности, во многих случаях бывает очень трудно установить эту степень, в особенности в случаях каких-нибудь внутренних повреждений. Владельцы и страховые общества стараются, разумеется, уменьшить эту степень, для чего последние часто, кроме освидетельствования потерпевшего фабричным врачом, лечившим больного, производят новое освидетельствование при помощи своих специальных врачей. Потерпевший также ищет врача, который признал бы желательную для него степень уменьшения трудоспособности. Таким образом получается несколько медицинских свидетель-

ств, подчас весьма противоречивых; разобраться в них и защитить интересы потерпевшего и составляет задачу инспектора. Иногда проходит несколько месяцев, прежде чем ответственная сторона согласится удовлетворить претензию потерпевшего, но часто после таких проволочек дело поступает на рассмотрение суда, от чего еще больше затягивается. Вот несколько примеров.

Фабричный врач признал полное восстановление трудоспособности у женщины, получившей ушиб головы; комиссия из 3-х врачей, в числе которых был и фабричный врач, составленная мною (кстати сказать, фабричные инспектора не уполномочены законом на составление таких комиссий) определила у потерпевшей 75% утраты трудоспособности, по каковому расчету потерпевшая и была вознаграждена.

Рабочий, получивший также ушиб головы, был признан врачом страхового общества утратившим способность к труду на 45%; уездный врач определил утрату трудоспособности в 85%; состоялось соглашение на 60%.

У другого рабочего с подобным же повреждением была признана врачом, производившим лечение и наблюдение, утрата трудоспособности в 85%; врачи, приглашенные для переосвидетельствования владельцем, признали только 30%; дело поступило на рассмотрение суда.

У одного рабочего с повреждением руки один врач признал утрату трудоспособности в 10%, а другой в 36%; страховое общество вынуждено было согласиться с заключением второго врача.

Потерпевший, получивший повреждение поясницы, только через 5 месяцев мог добиться того, что у него была признана постоянная утрата трудоспособности в размере 30%.

Другой с подобным же повреждением потерпевший, у которого вначале также не признавали постоянной утраты трудоспособности, впоследствии был вознагражден по расчету на 75% потери трудоспособности.

Этот чрезвычайно важный и сложный вопрос об определении степени потери трудоспособности более или менее удовлетворительно разрешается только в крупных центрах, как

например, Москва, где имеются специальные бюро врачебной экспертизы увечных рабочих, пользующиеся услугами врачей специалистов.

Кроме степени утраты трудоспособности, размер вознаграждения за увечье обуславливается размером годового заработка потерпевшего; этот заработок определяется довольно искусственно и тут, помимо, так сказать, законного понижения размера заработка²², иногда случаются такие ошибки в подсчете, которые весьма заметно затрагивают интересы потерпевших. Так, в одном случае вследствие неправильного подсчета заработка размер единовременного вознаграждения за увечье был определен почти на 100 руб. меньше, чем следовало. Началась длинная переписка со страховым обществом, которое долго не хотело признавать выставляемых мною оснований; потерпевший, чтобы скорее получить деньги, соглашался уже на предлагаемую ему сумму и едва мне удалось настоять на том, чтобы вознаграждение было соответствующим образом увеличено.

Вообще не редко приходится сдерживать рабочих, желающих получить вознаграждение в меньшем размере, лишь бы поскорее. К такому желанию их побуждают запугивания, допускаемые некоторыми владельцами и страховыми обществами.

— Соглашайся на то, что тебе предлагают, — обыкновенно говорят им, — иначе добровольно тебе ничего не дадим, будешь судом искать два года.

С другой стороны, сами рабочие, подстрекаемые кабацкими «аблокатами», не имеющими никакого представления о законе, проявляют подчас упорство в нежелании получать то, что им следует по закону, и предъявляют ни с чем не сообраз-

22 Принятое в законе 260 дней в громадном большинстве случаев значительно ниже действительного числа рабочих дней в году, благодаря чему размер заработка потерпевшего и вычисляемое на основании его вознаграждение понижается.

ные требования. Понять их, разумеется, нетрудно и обижаться на них нельзя...

Но находятся такие фабриканты, которые принимают за личную для себя обиду то, что рабочий не сразу соглашается на их законное предложение, и в отместку ему, когда он приходит наконец с заявлением, что согласен получить предлагаемое, ему вознаграждение, отказываются уже вознаграждать его в добровольном порядке. Наконец, сплошь и рядом потерпевший вынуждается пойти на предлагаемое ему невыгодное для него соглашение, даже не делая попытки добиться признания действительной, более высокой степени утраты трудоспособности, тем соображением, что, если он сразу согласится, его оставят на фабрике, а если будет настаивать на получении вознаграждения в большем размере, то ему выдадут расчет. Этот способ добиваться согласия рабочего, довольно часто практикуемый, является громадным злом, понижая и без того не высокий размер предусмотренного законом обеспечения и часто ставя рабочего в безвыходное положение. Держать рабочего, получившего увечье, фабрикант по закону не обязан, между тем, потеряв на работе, допустим, один палец правой руки, рабочий почти не может рассчитывать на то, чтобы его приняли на другую фабрику, причитающееся же ему в виде пенсии вознаграждение настолько незначительно, что его не хватит и на кусок черного хлеба; вместе с тем работать он, хотя и хуже прежнего, но все же может. Таким образом единственный выход для рабочего, это — остаться на прежней фабрике, и ради этого он готов примириться с каким угодно вознаграждением. Но, оставленный сегодня на работе, он не гарантировал от того, что его не уволят завтра. Такие случаи и бывают. Согласится потерпевший на первое предложенное ему вознаграждение, иногда при отказе инспектора посвидетельствовать соглашение, т.е. заключив сделку на суде, в расчете на то, что его «вечно», как рабочие выражаются, будут держать на фабрике, а через несколько месяцев его и уволят; приходит тогда он к инспектору с жалобой, но поделаться уже ничего нельзя.

Об отдельных случаях всевозможных недоразумений при применении закона 2 июня мне придется, вероятно, говорить еще в главе о жалобах рабочих, а потому теперь продолжу общий анализ применения закона.

Случаи отнесения повреждений, полученных при работе, к ряду профессиональных заболеваний очень немногочисленны, так как повреждения, не имеющие характера внезапности, совсем не регистрируются, мы же имеем в виду только зарегистрированные несчастные случаи.

Сюда относятся исключительно случаи флегмонозного воспаления рук, происходящего вследствие намина, и грыжи. Страховые общества считают «намин» профессиональным заболеванием и отказываются вознаграждать за увечья, являющиеся результатом такового.

Против такого толкования можно, однако, спорить, и в моей практике есть пример признания судом первой инстанции подобного случая подлежащим вознаграждению; решение высшей инстанции осталось мне неизвестным.

Грыжи, по разъяснению Медицинского Совета, подлежат вознаграждению по закону 2 июня 1903 г. в том лишь случае, если они являются результатом падения, толчка или чрезмерного, значительно превосходящего обычное, напряжения сил, вызвавшего все объективные признаки грыжи и потребовавшего немедленной медицинской помощи. Понятно, что, при таком толковании, грыжи в большинстве случаев не вознаграждаются; между тем происхождение их всегда обуславливается работою, только не всегда бывает на лицо «чрезмерное» напряжение сил и не всегда потерпевший решается «немедленно» обратиться к врачу, рассчитывая, что болезнь пройдет сама собою и отлеживаясь день-другой у себя дома.

Грыжи и намин являются как бы переходом от таких повреждений, которые характеризуются внезапностью происхождения и подлежат вознаграждению по закону 2 июня 1903 г., ко всевозможным профессиональным заболеваниям и к таким повреждениям, которые не имеют указанного признака и не дают потерпевшим права на обеспечение.

Ко мне поступала масса заявлений об оказании пособий по случаю инвалидности, не находящейся в связи с несчастным случаем. Эти заявления рабочих часто имеют характер требований — утратив свое здоровье на фабрике, сделавшись неспособными к труду благодаря работе на фабрике, рабочие чувствуют свое нравственное право на обеспечение и для них совершенно непонятно, почему закон заставляет вознаграждать в тех случаях, когда трудоспособность утрачена сразу, и оставляет без вознаграждения тогда, когда утрата трудоспособности произошла вследствие более или менее продолжительной работы; настолько иногда непонятно, что они отказываются верить тому, что у нас нет закона, обеспечивающего во всех случаях инвалидности, и думают, что такой закон скрывается. Да это непонятно, пожалуй, не одним рабочим. Почему, например, утративший здоровье вследствие острого отравления вредными газами должен быть обеспечен, а в случае такого же лишаящего трудоспособности расстройства организма вследствие влияния газов в течение двухлетней работы вознаграждения по закону не полагается? Почему рабочий, упавший при переноске тяжести и получивший вследствие этого повреждение, лишаящее его трудоспособности, имеет право на вознаграждение, а другой рабочий, наживший вследствие переноски тяжестей хроническую болезнь, не позволяющую ему продолжать работу, никакого вознаграждения не получает? Почему, наконец, литейщик, потерявший зрение вследствие случайного попадания в глаз инородного тела, обеспечивается, а литейщик, потерявший зрение вследствие постоянных условий работы в литейной от действия на зрение расплавленного металла и частого попадания в глаза мелких инородных тел, так называемой «земли», употребляемой при формовании, остается без обеспечения? Для всякого, мне кажется, тут ясно видна полная несправедливость, и всякий должен признать, что в указанных мною примерах вторые потерпевшие должны быть обеспечены так же, как и первые. А раз мы признаем это по отношению к данным случаям, мы должны распространить то же отношение на все случаи профессиональных заболеваний.

В настоящее время громадное большинство инвалидов труда этой категории, т.е. не имеющих права на вознаграждение по закону 2 июня 1903 г., никакого пособия ни откуда не получает и остается на попечении семьи или целого общества, иногда же им приходится снискивать себе пропитание с корзинкой в руках.

Но есть фабрики, которые считают своею нравственною обязанностью оказывать помощь этим инвалидам; на некоторых фабриках им выдаются особые пенсии, назначение которых носит, впрочем, больший или меньший характер случайности. Зачем, для выдачи пособий рабочим, утратившим способность к труду, предназначаются штрафные капиталы, как находящиеся при фабриках, так и общеимперский. Однако помощь, оказываемая этими капиталами, как мы уже видели, совершенно ничтожна.

Я не сказал и десятой доли того, что мог бы сказать по поводу закона 2 июня 1903 г. и его применения. Закон этот отживает свой век, на смену ему должен придти новый, уже поступивший в Государственную Думу, закон о страховании рабочих от несчастных случаев и в связи с ним закон о больничных кассах. Новый закон, судя по его проекту, исправляет весьма немного недостатков старого, большинство их сохраняет, а в некоторых отношениях прямо ухудшает существующее положение. Не вдаваясь в критику готовящегося закона, я не могу, однако, не подчеркнуть некоторые из наиболее существенных дефектов, обнаружившихся при применении закона 2 июня 1903 г. и не устраняемых проектом нового.

Прежде всего, размер обеспечения, как на случай временной, так и постоянной утраты трудоспособности, является крайне недостаточным и должен быть определен по крайней мере в 90% действительного заработка потерпевшего. Не нужно забывать, что в громадном большинстве случаев рабочий получает за свой труд только *minimum* того, что необходимо для поддержания его существования; следовательно, всякое сокращение этого *minimum* должно отражаться на нем бедственно.

Из практики применения закона 2 июля видно, что потерпевшие, имеющие значительные повреждения, препятствующие им продолжать работу, обыкновенно стремятся получить вместо пенсий единовременное вознаграждение, хотя таковое должно бы быть для них менее выгодным, чем пенсия; очевидно, они рассчитывают, что, обладая некоторым капиталом, они лучше могут обеспечить свое будущее, чем оно обеспечивается пенсиями. В самом деле, рабочий, зарабатывавший в год 200 руб. и содержавший на этот заработок целую семью, лишившись 75% трудоспособности, должен получать пенсию по закону 2 июня, рассчитываемому пенсия на 2/3 заработка, только в размере 100 руб. в год (если еще не меньше, благодаря искусственному понижению его заработка); ясно, что на эту сумму существовать с семьей нельзя; найти же какой-либо дополнительный заработок такой инвалид, имеющий, например, одну левую руку, конечно не может рассчитывать, и он строит свои планы в будущем на том, что, получив единовременно 1000 р., он займется торговлею или, быть может, будет давать деньги в рост. Но его расчеты могут оправдаться только в том случае, если он имеет кулацкие способности; если же таковых у него нет, то через 2-3 года он останется ни с чем и будет лежать бременем на обществе так же, как если бы он ничего не получал. Таким образом действительное обеспечение инвалидов возможно только при условии выдачи им пожизненных пенсий в размере близком к размеру прежнего заработка. То же соображение о недостаточности заработка рабочих, существующих день за день на свой заработок, имеет место и при определении размера пособий в случаях временной неспособности к труду²³. Я считаю, однако, нужным ограничить размер пособий и пенсий 90% заработка для того,

23 Между прочим, недостаточный размер пособий, выдаваемых за время лечения, — $\frac{1}{2}$ действительного заработка потерпевшего, — в настоящее время часто ведет к тому, что потерпевший, стремясь скорее получить свой нормальный заработок, прекращает лечение, не доводя его до конца, что вызывает иногда очень печальные последствия.

чтобы не оставалось оснований для подозрений о том, что рабочий, ничего не теряющий материально с инвалидностью, будет меньше заботиться о своей безопасности.

Далее, страхование должно распространяться на все случаи временной и постоянной утраты трудоспособности, происшедшей вследствие производства работ, в том числе и на все случаи профессиональных заболеваний, необходимость чего, мне кажется, вполне очевидна из приведенных выше примеров и соображений.

Наконец, нельзя не обратить внимание на следующее. Как мы видели, больше половины несчастных случаев на фабриках и заводах происходит от причин не специально фабрично-заводских, следовательно, страхованию должны подлежать не только рабочие, занятые в более значительных заведениях фабрично-заводской и горной промышленности, но все без исключения рабочие, работающие от предпринимателей, как в крупных, так и в мелких промышленных и ремесленных заведениях, а также в сельскохозяйственном производстве, в строительном и транспортном деле.

Глава XXI. Забастовки

Я не раз встречал людей, которые думают, что фабричные инспектора существуют только на случай забастовок, что вся их деятельность сводится к тому, чтобы прекращать забастовки. Вероятно, такой взгляд на инспекторов сложился у таких людей под влиянием чтения газет, в которых об инспекторах упоминается почти исключительно в связи с описанием какой-нибудь забастовки. Читатель уже знает, что у инспектора, кроме прекращения забастовок, есть еще и другие дела и обязанности. Но вышеприведенный, основанный на наивности, взгляд на инспектора очень верно выражает тот лейтмотив, который послужил основанием для создания института фабричных инспекторов в той форме по крайней мере, в какую он вылился после 1894 года. Само Министерство Торговли и Промышленности призвало в 1906 г., что правительство до тех пор смотрело на рабочий вопрос исключительно с точки зрения охраны порядка²⁴. Иными словами говоря, все наше фабричное законодательство и вся работа фабричных инспекторов направлена на то, чтобы поддержать порядок на фабриках и предотвращать возникновение забастовок. Какими мерами это достигается, читатель видел; что эти меры отличны от обычных полицейских мер, отрицать, конечно, нельзя. Но если искренни бывают намерения инспекторов принести пользу рабочим, то в намерениях правительства это соображение не

24 См. Объяснительную записку к „Материалам по пересмотру рабочего законодательства“. Здесь Отдел Промышленности говорит, что правительство должно перестать смотреть на рабочий вопрос с точки зрения охраны порядка и должно выступить с реформами, которые оказывали бы положительную помощь рабочим. Произошли ли в действительности какие-либо перемены в этом отношении, читатель может судить сам.

занимало никакого места; главная и единственная забота его — поддержать порядок, предотвратить волнения рабочих. Поэтому-то забастовки, как явление, на борьбу с которым направлено все наше фабричное законодательство, не могут в силу своего специфического значения не привлекать к себе исключительного внимания инспектора; вызывая к себе особенное отношение, забастовки, действительно, занимают в деятельности инспектора чуть ли не центральное место; разумеется, не по количеству отнимаемого ими времени, а по силе требуемого ими от инспектора нервного напряжения. Впрочем, и в этой области за время моего инспекторства происходили перемены во взглядах высших правящих сфер, отражавшиеся существенным образом на поведении инспекторов во время забастовок.

В наказе в 1894 г. относительно поведения инспектора во время забастовок и волнений рабочих говорится, что инспектор «обязан незамедлительно являться на место нарушения порядка», выяснять причины возникших явлений и приводить стороны к миролюбивому соглашению; причем и это относится лишь к «серьезным» забастовкам, о которых вместе с тем старший инспектор должен доносить Департаменту Торговли и Мануфактур. На соответствующие статьи Уложения о Наказаниях, трактующие стачку, как уголовно наказуемое преступление, наказ даже не делает никакого указания. Таким образом наша роль во время стачек представлялась нам вполне ясной и определенной. Первая забастовка, случившаяся в моем участке через $\frac{1}{2}$ года после моего назначения, и проведена была мною вполне соответственно требованиям наказа. Стачка эта возникла на новой, только что пущенной в действие, прядильной фабрике; поводом для нее послужили низкие заработки и дурное обращение подмастерьев; требования рабочих состояли в повышении расценок и увольнении некоторых подмастерьев; настроение забастовавших рабочих было самое мирное, фабричная администрация сразу склонна была вести с рабочи-

ми переговоры. Словом, я полагал, что такую забастовку нельзя даже относить к числу серьезных, и я не счел нужным уведомлять о возникновении ее старшего инспектора, которому сообщил о ней подробно лишь после ее окончания. Становой пристав, явившийся было на фабрику, после моего заявления о том, что в его содействии никакой надобности не встречается, удалился, и таким образом забастовка протекла без малейшего участия полиции. Я выслушал рабочих, проверил по книгам их заработок, оказавшийся действительно ненормально низким, переговорил с заведующим и начал поддерживать бывшее уже у владельца намерение пойти на соглашение с рабочими, стараясь возможно больше выторговать в пользу рабочих. На второй день торговли стороны пришли к соглашению: расценки были повышены, хотя и не в таком размере, как добивались рабочие; подмастерьев, относительно которых было фактически установлено их гнусное обращение с женщинами, владелец согласился уволить, и работы тотчас же возобновились в полном порядке. Казалось бы, чего же еще нужно? Я, по крайней мере, оставляя фабрику, был доволен и достигнутым, к общему благополучию, результатом и той ролью, которую мне пришлось играть в этом деле, явившимся для меня дебютным в самой щекотливой для инспектора области. Оказалось однако, что нельзя так просто смотреть на вещи, как посмотрел я. Прежде всего показал это исправник, рвавший и метавший по поводу того, что дело обошлось без его участия, благодаря нераспорядительности пристава, которому, вероятно, нагорело изрядно. Прозевав самое событие, он расписал его в своем донесении губернатору; тот в свою очередь донес, своему министру, а Министерство Внутренних Дел сообщило о происшедшей забастовке Министерству Финансов. Последнее в это время еще не успело получить донесения старшего инспектора, который так же мало значения придавал этой истории, как и я, и не спешил сообщать о ней по

начальству. В результате старший инспектор получает форменный выговор от начальства.

Первая проведенная мною забастовка была вместе с тем до 1905 года единственной, при которой я мог чувствовать себя более или менее самостоятельно и действовать согласно наказу. В 1897 г. появился знаменитый циркуляр Департамента Полиции губернаторам относительно «преступных сообществ, забастовок и порядка действия при оных». Этим циркуляром все действия при забастовке передавались в руки полиции, общей и жандармской; фабричный инспектор должен был лишь присутствовать при сем, не имея даже права приступить к расследованию до тех пор, пока рабочие не возобновят работ. Суть циркуляра сводилась к тому, чтобы ни в каком случае не допускать уступок рабочим и прекращать забастовки репрессивными мерами: расчетом рабочих, высылкой их по месту жительства и арестом «зачинщиков». Департамент Торговли и Мануфактур сообщил об этом циркуляре старшим инспекторам «совершенно секретно», так что даже нам, участковым инспекторам, циркуляр Департамента Торговли и Мануфактур показывался по секрету. Но, хотя мы и не должны были знать об этом циркуляре, действовать мы должны были, не выходя из пределов его указаний, на основании инструкций старшего, в руках которого сосредоточивалась вся политика и который отныне превращался в явного сотрудника полиции. Положение наше, — участковых инспекторов, было все же несколько лучше; по крайней мере никакой ответственности мы на себя не принимали и непосредственно в полицейскую компанию не входили.

У меня при существовании этого режима выработалась такая тактика при забастовках. Немедленно по получении с фабрики известия о прекращении работ, я летел на место, что называется, во весь дух, с целью поспеть, как можно раньше, пока еще не явилась полиция и не началось составление

протокола. Этой задаче часто помогали сами заведующие, для которых интересно было не давать официального хода начавшейся забастовке в надежде на быстрое окончание ее и которые поэтому старались уведомить меня раньше, чем полицию. Иногда происходили буквально гонки. Чтобы приехать хотя на один день раньше исправника, я, например, не дожидаясь поезда и за 35 верст гнал на фабрику на лошадах. Не часто этим путем удавалось что-нибудь достигнуть, но цель всегда была такая: немедленно уладить дело путем соглашения сторон или убедить рабочих встать на работу, обещая им тотчас же после того расследовать их претензии и сделать все, что можно. И я уверен, что если бы рабочие были сколько-нибудь сговорчивее, больше доверяли инспектору и следовали его советам, они только бы выиграли, не рискуя ничем. При категорическом запрещении властей делать рабочим какие-либо уступки во время разыгравшейся забастовки, владелец, если бы и пожелал удовлетворить требования рабочих, не мог сделать этого прежде, чем рабочие приступят к работе. Следовательно, всякий лишний час прекращения работ сопровождается для рабочих только потерей заработка, не говоря уже о том, что с каждым часом их положение становилось рискованнее в смысле воздействия на них всяких полицейских мер. Розыски «зачинщиков» и «подстрекателей» полиция начинала, положим, тотчас же, как являлась на место, но, если забастовка быстро кончалась, обыкновенно все начинавшиеся дознания прекращались. Намерение же владельца сделать те или иные уступки рабочим почти всегда определялись очень быстро по возникновении забастовки. Представьте же себе состояние инспектора, который знает, что стоит только рабочим встать на работу, и они тотчас получают то или иное, если же они продолжат забастовку, то их шансы на удовлетворение требований ни на волос не увеличиваются, а полицейские угрозы обязательно будут приведены в исполнение. Но сказать рабочим прямо, что

с прекращением забастовки будут удовлетворены те или иные их требования, инспектор не имеет права; да если бы и мог сказать, то рабочие, конечно, этому не поверят, а потребуют, чтобы об этом было объявлено прежде, чем они приступят к работам. Инспектору оставалось одно, — вести бесплодные разговоры с рабочими на тему о необходимости прекратить стачку; к этому сводились все его действия во время разыгравшейся забастовки при действии недоброй памяти циркуляра Департамента полиции. Инспектор разговаривал, а полиция в это время производила дознания и аресты.

Я опишу подробно одну очень типичную для того времени забастовку, притом самую упорную, самую продолжительную из всех, какие мне пришлось переживать. Но прежде я должен сказать, что изредка удавалось и провести полицию, стремившуюся всегда из самого малейшего прекращения работ создать целую историю. Один раз, например, рабочие доставили мне полное торжество, сразу послушавшись меня и немедленно после моего приезда на фабрику встав на работу, после чего через их выборных начались переговоры с заведующим, приведшие к самым благоприятным результатам. Бывали также случаи, когда сами заведующие (инженеры) тотчас же вслед за прекращением работ вступали при моем участии в переговоры с рабочими, принципиально сразу решив пойти на уступки, являвшейся же полиции заявляли, что у них никакой забастовки нет, а они сами находят нужным выяснить с рабочими некоторые вопросы и, чтобы дать возможность всем рабочим принять участие в переговорах, временно приостановили работы.

Далеко не так поступил владелец той фабрики, где разыгралась забастовка, о которой я собираюсь рассказать, и впоследствии горько в том раскаивался. Причины, вызвавшие стачку, в которой принимало участие около 1½ тысяч рабочих ткацкого отделения очень крупной мануфактуры, были до-

вольно серьезные. В заявлении, с которым обратились ко мне рабочие, они жаловались: 1) на очень низкие заработки, 2) на частые, неоплачиваемые фабрикою, простои, 3) на длинную меру товара²⁵ и 4) на притеснения заведующего. Произведенным мною подробным расследованием основательность жалоб вполне подтвердилась. Зарботки оказались значительно ниже, чем в предыдущие годы, благодаря последовательному, не бросающемуся в глаза, понижению цен за работу отдельных сортов; за простои, хотя и нечастые, ничего не платилось; мера товара в некоторых сортах заметно превышала указанную в расценках норму, что в общем, по сделанному мною вычислению, понижало заработок ткачей почти на 3%; заведующий, не допуская прямых правонарушений в обращении с рабочими, действительно злоупотреблял своею властью в случаях увольнения рабочих, перевода со ставка на станок, назначения пособий и т. п.²⁶ Требования рабочих сводились к 2-м пунктам: 1) повышению расценка на 20% и 2) увольнению заведующего. Выяснилось, что, еще не прекращая работ, рабочие обращались к владельцу с просьбою увеличить расценки, но получили от него отказ; вопроса об увольнении заведующего тогда совершенно не возбуждалось. При начале забастовки, когда я только что приехал на фабрику, был еще момент, когда владелец мог потушить разгоравшееся пламя, согласившись на прибавку, но он этого не сделал. Я имею основание думать, что через 2-3 дня владелец готов был пойти на уступки, но в это время

25 Я думаю, что из предыдущих глав читатель представляет, что нужно разуметь под простоями и длинной мерой, поэтому я воздерживаюсь здесь от дальнейших разъяснений этих терминов.

26 Интересно, что до забастовки у меня почти не было жалоб с этой фабрики.

наехали всякие власти и сделать этого он уже не мог. Рабочим было объявлено, что обнаружившиеся упущения впредь допускаемы не будут, а именно за простои будет платиться и товар будет работаться нормальной длины, а затем было сделано категорическое предложение немедленно приступить к работам с ссылкой на незаконность предъявления ими требований путем стачки. На работу рабочие, конечно, не пошли. На следующий день им предложено было получить расчет. За расчетом, разумеется, никто не явился. Через 3 дня причитающиеся рабочим деньги и их паспорта начали рассылать по волостным правлениям. Полным хозяином и распорядителем дела стала полиция. Настоящий хозяин только при сем присутствовал и должен был заботиться о прокормлении всех властей и множества урядников, полицейских, сотских и десятских, согнанных чуть не со всего уезда, будучи лишен всякого права распорядиться на своей фабрике так, как ему хотелось²⁷. По циркуляру дальше следовало выслать всех рабочих по месту жительства, но этого никак нельзя было сделать, потому что все рабочие местные, местожительство самого дальнего было, вероятно, не дальше 10 верст. За то тем энергичнее принялись за улавливание и аресты «зачинщиков» и «подстрекателей». Жандармские вахтера и унтера сновали по селу и перелескам, а ротмистр, занимая кабинет хозяина, целые дни сидел и писал. Урядники узнавали фамилию всякого рабочего, решавшегося говорить в толпе от имени рабочих и превращавшегося, благодаря этому, в зачинщика; при первом же удобном случае

27 Рассказывают, что один из фабрикантов соседнего участка той же N-ской губ., находясь во время забастовки на его фабрике в таком положении, украдкой от полиции ходил на задворки, чтобы столкнуться с своими рабочими, и там миролюбиво покончил с ними, надув таким образом все власти.

такого забирали и уводили в тюрьму. Между тем настроение рабочих, ежедневно собиравшихся около фабрики и искавших случая поговорить с начальством, становилось с каждым днем все более и более нервным. В общем до каких-либо агрессивных действий толпа не доходила, но был, однако, случай, когда помощнику исправника попал камень в голову. От своих первоначальных требований рабочие уже отказались, но каждый день выставляли какое-нибудь новое требование; в конце концов остановились на том, что им должны заплатить за работу лишних аршин товара за все время существования фабрики. Вместе с тем они требовали вызова все новых и новых начальствующих лиц, включительно до Великого князя Сергея Александровича. Не говоря уже об участковом и старшем фабричных инспекторах, все время остававшихся на фабрике, судебном следователе, земском начальнике, приезжал прокурор суда, жандармский генерал, наконец губернатор, встреченный с особенной помпой. Все эти власти говорили с рабочими, одни убеждали, другие угрожали, но дело стояло все на одном и том же месте. Так продолжалось 25 дней. Прекратилась стачка тогда, когда рабочим нечего стало есть. Интересен теперь результат. Тотчас же, как рабочие приступили к работам, расценки были увеличены на 10% и всем рабочим владелец выдал, якобы в вознаграждение за понесенные ими потери от работы лишней меры товара, сумму равную потере их заработка за время забастовки. Рабочие остались этим так довольны, что выразили желание работать дальше, не спрашивая никакой приплаты за лишние аршины в куске. И мне пришлось настаивать перед рабочими, а не перед администрацией фабрики, чтобы каждый кусок при приемке обязательно промерялся и за лишнюю меру платилось особо. Но не совсем даром досталось это рабочим. Они должны были принести искупительные жертвы. Старания полиции и жандармов не остались напрасными. 10 человек из числа рабочих были

привлечены к суду по обвинению по 1358¹ статьи Уложения о наказаниях. Почему на скамье подсудимых оказались именно эти 10 человек, а не все 1½ тысячи рабочих, — это ни для кого неизвестно. Полиция, составлявшая дознание, которое послужило материалом для судебного следствия, вероятно, сама не отдавала себе в этом отчета и останавливала свое внимание на тех рабочих, которые первыми попадали на глаза. Окружный суд, рассматривавший дело, конечно, не мог не понимать всей нелепости суда под несколькими случайными единицами из массы, совершивших один и тот же проступок, но он не нашел в себе достаточно гражданского мужества для того, чтобы оправдать обвиняемых. Отвергнув обвинение по 1358¹ ст. Уложения о наказаниях, он признал их виновными по 51⁴ ст. Устава о наказаниях²⁸, т.е. в самовольном оставлении работы, совершив в сущности ту же нелепость и вместе с тем нарушив сенатское разъяснение, на основании которого дела до 51⁴ ст. могут возбуждаться только чинами фабричной инспекции. Обвиняемые были приговорены к аресту на 3 недели. Это постановление суда было обжаловано в судебную палату, которая понизила меру наказания до ареста на 7 дней. Гораздо тяжелее этого наказания оказались результаты применения административных мер, без которых также не обошлось это дело. (Временное заключение рабочих во время забастовки я не считаю). 8 человек рабочих, из которых двое были из числа привлекавшихся к судебной ответственности, административ-

28 Статья эта угрожает тюремным заключением на время от 2-х до 8 месяцев «за прекращение работ на фабрике или заводе по стачке между собою рабочих с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к возвышению заработной платы или изменению других условий найма до окончания срока последнего».

ным порядком были высланы на 3 года в одну из дальних губерний, где им едва не пришлось умирать с голода. В чем была вина этих лиц, это знают одни лишь жандармские власти.

Описанный мною способ прекращения забастовок применялся до 1905 г. В течение всего этого времени дела о забастовках считались секретными, переписка о них велась не иначе, как с пометкой «секретно» или даже «совершенно секретно», а для телеграфных сношений инспекторам был преподан шифр, которым впрочем мы далеко не всегда пользовались. Наконец в 1905 г. циркуляр департамента полиции был отменен, о чем Министерство Финансов предупредительно известило фабричных инспекторов, разослав им и самый циркуляр. Тогда только мы впервые могли подробно ознакомиться с этим любопытным документом. В том же году, но несколько позднее, именно временными правилами 2 декабря 1905 г. было отменено применение ст. 1358 Уложения о наказаниях. Но еще раньше того, во время не прекращавшихся забастовок этого года не было и попыток применять эту статью.

Могучая волна всевозможных забастовок, с шумом и грохотом пронесшаяся в 1905 г. по всей России, до моего участка докатилась в конце мая месяца. Первой здесь забастовала одна ткацкая фабрика, где, впрочем, все произошло необыкновенно просто. Ткачи, недовольные расценком, еще за несколько дней до забастовки обращались к заведующему с просьбою о прибавке, но не дождались обещанного заведующим ответа и, очевидно, набравшись храбрости под влиянием происходивших в соседнем районе забастовок, прекратили работу, предъявив требование о прибавке к расценку 15%; после непродолжительных переговоров им прибавлено было 10% и через день работы на этой фабрике возобновились. Но это была лишь первая ласточка. На следующий день забастовали сразу 3 фабрики в соседнем селе; требования рабочих содержали уже

почти все те пункты, какие предъявлялись на фабриках соседних районов. Фабриканты хотели было сразу пойти на некоторые, правда, незначительные уступки и к утру следующего дня заготовили уже ответы рабочим. Но рабочие даже не явились за ответом, а вместо того отправились останавливать другие, окрестные фабрики. Дело происходило таким образом. Толпа человек в 400-500 подходит прежде всего к чугунно-литейному заводу; перепуганная администрация завода спряталась; к толпе выходит один из литейщиков и от имени своих товарищей грозно заявляет, что они не желают прекращать работы... но непосредственно вслед за тем все рабочие завода присоединяются к забастовщикам. Значительно подкрепленная таким образом толпа направляется к громадной фабрике X. и врывается здесь в корпус; машины останавливаются, рабочие выходят. Толпа, возросшая уже до размера 2-3 тысяч, идет в соседнее село, где таким же способом останавливает последовательно три имеющиеся там фабрики, при чем рабочие прежде остановленной фабрики идут останавливать следующую. Никаких насилий, если не считать 2-3-х случайно разбитых стекол, толпа при этом не делает; рабочие останавливаемой фабрики никакого сопротивления не оказывают и присоединяются к прежде забастовавшим, по-видимому, охотно. В последующие 3 дня забастовавшие рабочие собираются в количестве 5-6 тысяч человек на гипподроме, устроенном фабрикантами в поле между 3-мя селами, и вырабатывают здесь свои требования; в то же время ими наряжаются отдельные партии из нескольких сот человек каждая для остановки продолжающих еще работать окрестных более мелких фабрик. Вечером третьего дня по всем фабрикам вручаются письменные совершенно аналогичные требования рабочих. Теперь начинаются совещания фабрикантов; а рабочие следят за тем, чтобы ни одна фабрика не принималась за работу. Бывшие на некоторых фабриках попытки работать при ничтожном коли-

честве являвшихся рабочих немедленно прекращались при появлении толпы бастующих. Совещания фабрикантов продолжаются 2 дня; в результате их — отказ на все требования рабочих, за исключением одного. Владельцы 3-х фабрик, забастовавших первыми, согласившиеся было удовлетворить некоторые требования рабочих, теперь также отказывают во всем. Ответы владельцев вывешиваются на воротах фабрик. Рабочие, избегавшие до сих пор всяких объяснений с властями, ищут теперь случая объясниться с фабричным инспектором. На наши разговоры уходит еще 2 дня. После того рабочие решают возобновить работы. Всего таким образом забастовка продолжалась 8 дней. Для объяснения с начальством и для руководства во время совещаний у рабочих имелись особые выборные в количестве 15-20 человек, по 1-2 от каждой фабрики. Кроме того, были особые десятники, снабженные палками, для наблюдения за порядком в толпе. Роль полиции ограничивалась наблюдением с пунктов, по возможности удаленных от места действия. К гипподрому, где происходили совещания рабочих, никто из полиции не решался и близко подходить. Мы со старшим инспектором попали на гипподром только по приглашению самих рабочих, пожелавших выслушать наши объяснения по поводу их требований при всей массе рабочих и превративших для этой цели в трибуну беседку бегового общества. Для охраны фабрик были вызваны, впрочем, 3 роты солдат, но в их содействии никакой надобности не встретилось. Лишнее говорить, что винные лавки все время были закрыты, что совпадало с желанием самих рабочих, и все рабочие, за исключением одного лишь случая, были абсолютно трезвы.

Такова в общих чертах внешняя картина общей забастовки 1905 г. на фабриках моего участка. Число объединившихся здесь рабочих достигало 13.000. Помимо того, частью во время этой же забастовки, частью непосредственно по окончании ее

бастовало, так сказать, уже за свой личный страх еще 5 фабрик с числом рабочих более 2.000.

Требования рабочих, как фабрик, бастовавших коллективно, так и большинства фабрик, бастовавших в одиночку, были почти тождественны с теми, которые предъявлялись в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске. Это говорит, разумеется, о том, что дело не обошлось без посторонних организаторов, но, как увидим дальше, влиянию агитаторов едва ли можно приписывать большое значение. В числе 27 пунктов этих требований находились: 1) увеличение заработной платы до 60%, 2) устройство жилых помещений или выдача квартирных денег, 3) 8-ми часовой рабочий день, 4) улучшение гигиенических и санитарных условий работы, 5) ограничение производства фабричной администрации, 6) обеспечение в случае болезни, 7) увольнение нежелательных лиц и пр. На некоторых фабриках были требования устройства библиотек и потребительных обществ. Не все эти требования рабочие поддерживали одинаково настойчиво. Всего спокойнее большинство рабочих относилось к сокращению рабочего времени, что и понятно, так как для громадного большинства рабочий день и в то время равнялся 9 часам. За то те рабочие, которым приходилось работать 11½ часов, очень настаивали на уменьшении рабочих часов хотя бы до 10. Довольно равнодушно относились рабочие к вопросу об улучшении гигиенических и санитарных условий, кроме вопроса об устройстве при фабриках бань, на чем энергично настаивали и что, как я уже говорил, встретило сочувствие и со стороны фабрикантов. Центр тяжести находился в увеличении заработной платы, включая сюда и выдачу квартирных денег, и в ограничении производства фабричной администрации. К этим двум кардинальным вопросам может быть сведено и большинство остальных требований рабочих. Таким образом, вся суть неудовольствия рабочих заключалась во 1-х в том, что они плохо обставлены материально, и во 2-х,

что попираются их права личности. Эти свои требования рабочие отстаивали очень горячо, чувствуя глубоко свою правоту, хотя и проявляя при этом полное непонимание политико-экономических отношений.

— Трудно жить... жизнь стала дороже, цены на все поднялись, налоги увеличились, за спички, и то приходится платить дороже, а заработки остаются все те же... В то же время потребности увеличиваются: жить так, как прежде жили, нельзя, да и хочется жить лучше... теперь не наденешь лапти, не пойдешь в армяке, нужны штиблеты, нужен костюм. Хочется жить по-человечески, как и другие люди живут... На 10, на 12 рублей в месяц можно жить с семьей только так, как живет скотина... А как быть, когда заболеешь, когда от той же фабричной работы получишь неизлечимую болезнь, сделаешься инвалидом? А если умрешь, куда денется семья? Нужно, чтобы рабочего человека обеспечили фабрикант или правительство...

Так говорили рабочие. При этом они очень красноречиво описывали, как они нажили фабрикантам капиталы, как фабриканты за их счет расширяют свои фабрики, как могут ничего не делать и тратить тысячи и десятки тысяч на свои прихоти и забавы. Но, повторяю, настоящего понимания политико-экономических отношений у рабочих совершенно не оказалось; мало того, они поражали полным незнанием даже существующих основных законоположений. Рабочие думали, что фабрикант не имеет права закрывать свою фабрику; что, если он плохо ведет свое дело, фабрика его отбирается в казну; что фабрикант обязан принимать на работу все окрестное население; что если капиталист накопит много денег, то правительство заставит его строить фабрику; что фабрикант обязан иметь для рабочих казармы; что власти могут заставить фабриканта платить рабочим дороже, чем он хотел бы; что закон 2 июня 1903 г. о вознаграждении потерпевших по несчастным случаям обязывает фабриканта обеспечивать рабо-

чих во всех случаях инвалидности и болезни. Словом, рабочие в этих вопросах оказались настоящими детьми и совершенно бессознательно исповедующими государственный социализм. Что это действительно является результатом их собственного мышления, а не есть плод сторонней агитации, видно из того, что подобные взгляды высказывались отдельными рабочими и раньше, за долго до всяких забастовок, высказывались рабочими самого консервативного образа мыслей.

Второй основной вопрос, около которого были сосредоточены справедливые неудовольствия рабочих и который дал основания для многочисленных требований их, — это вопрос об их правовом положении. Читатель уже видел, как часто попираются на фабрике законные права рабочего и как мало считаются там с его личностью. Достаточно припомнить то, что мною говорилось о сверхурочных работах, новых расценках, простоях, увольнениях, всяких притеснениях и вымогательствах, чтобы понять, что у рабочих многое могло накопиться на сердце. Разумеется, они не преминули воспользоваться таким случаем, как общая забастовка, для того, чтобы излить все, что они таили в себе многие годы. При этом рабочие особенно подчеркивали то обстоятельство, что у них нет возможности отстаивать свои права, что они не могут пользоваться существующими для этого законными путями, — жаловаться инспектору или обращаться к суду, — не могут, потому что протестующих рабочих на фабрике не выносят, потому что жалобщик считается беспокойным элементом, который не только увольняется с фабрики, но относительно которого принимаются даже меры, чтобы его не брали и на другие фабрики. Как выход из такого тяжелого положения, рабочие указывали на институт старост, полагая, что старосты будут ходатайствовать о всех нуждах, как целых групп рабочих, так и отдельных рабочих, которые таким образом избегнут опасности попасть в число бунтовщиков и риска быть уволен-

ными. Следует заметить, что фабриканты категорически отказались вводить старост. О мотивах их отказа я укажу в одной из следующих глав.

Я должен сказать, что среди горьких жалоб на свое тяжелое в материальном отношении и бесправное положение рабочие, не смотря на свое возбужденное состояние, с благодарностью признавали, однако, то благотворительное влияние, которое оказали на их положение законы о штрафных капиталах, о нормировке рабочего времени и о вознаграждении по несчастным случаям.

В общем описанная много забастовка произвела на меня такое впечатление, что сторонняя агитация, если таковая имела здесь место, послужила только толчком для проявления рабочими того, что более или менее сознательно волновало их последнее время. Интересно было следить, как во время забастовки постепенно менялось настроение отдельных рабочих: присоединяясь вначале к прежде забастовавшим как бы нехотя, эти рабочие с каждым днем становились все более и более деятельными, смелее говорили о своих неудовольствиях, решительнее предъявляли свои требования и настойчивее заявляли о своих правах. Это могло происходить только потому, что рабочие все это перечувствовали и даже передумали уже ранее, им не доставало только формулировки своих нужд и желаний.

Мне кажется, эта забастовка прежде всего сказала нам о том, что рабочие сознали, что они такие же люди, такие же граждане своей страны, как и другие классы населения, что они почувствовали свою связь с другими слоями общества. Пусть это сознание в последующие годы гнетущей реакции будет затемнено фактами суровой действительности, заглушить совершенно, исчезнуть оно уже не может. И с этим нельзя не считаться. Нельзя также упускать из вида, что о необходимости социальных реформ громко говорили рабочие моего

участка, далекие от всякой политики, малоразвитые сравнительно с рабочими центров и по своему складу глубоко консервативные.

Не о каком-либо социальном равенстве может идти, конечно, речь; при невежестве, темноте, некультурности рабочей массы рано даже мечтать об этом; но приближаться к социальной справедливости пора; пора не на словах только, а на деле Министерству, ведающему рабочий вопрос, выступить с оказанием положительной помощи рабочим. А вместе с тем и, как можно, скорее нужен свет, нужно человеческое отношение, чтобы рассеять тьму, чтобы рабочие, почувствовавшие себя людьми, стали вполне культурными представителями рода человеческого.

Никаких репрессивных мер по отношению к забастовавшим, рабочим во время забастовок 1905 г., как видит читатель, не применялось; тактика властей в этом деле изменилась сразу самым радикальным образом; энергичное укрощение сменилось теперь полным невмешательством. Не все фабриканты могли легко примириться с этим новым положением. Очень характерно вел себя в это время описанный мною фабрикант N., отличавшийся особой развязностью. Его фабрика забастовала одною из первых 3-х. Когда я приехал туда, я увидел такую картину. Все рабочие на фабричном дворе, над толпою возвышается внушительная фигура N., окруженного всеми членами фабричной администрации. N. держит в руках список предъявленных рабочими требований и обращается к ним с речью, которую я привожу почти дословно.

— Я, господа, на вас не обижаюсь. Я вас понимаю. Все, что могу, я для вас сделаю. Ну, чего вы желаете? — Читает, глядя на бумагу через свои огромные окуляры и водя по строчкам громадным указательным перстом. — Это можно!, это тоже можно... Этого при всем желании не могу... Ну, это

тоже сделаем!.. Этот вопрос мы обсудим между собой... — и т.д. по всем пунктам.

Я смотрю и слушаю. Отпустив рабочих, N. идет в контору и толкует с заведующим о том, следует ли сделать прибавку к расценкам. Я опять-таки только присутствую при этом, не выступая ни с какими личными предложениями. Тем поразительнее и демонстративнее была поэтому перемена фронта, обнаруженная г. N. на следующее утро, когда оказалось, что рабочие не намерены вставать на работу. Ранним утром следующего дня я являюсь в контору соседней также бастующей фабрики и застаю там всех трех местных фабрикантов, в том числе и г. N., громовый голос которого слышу еще издали. В руках у N. расчетная книжка, раскрытая на той странице, где напечатана статья, трактующая о наказании рабочих за стачку.

— Что же, у нас законы пишутся для того, чтобы их не исполнять?! — положительно заревел N., увидав меня. Его обширная длань, не переставая, била по расчетной книжке, — Вот, вот она статья, запрещающая стачки! а у нас фабричный инспектор не знает ее... Не разговаривать надо с забастовщиками, а в тюрьму их всех, мерзавцев, садить!...

Расходившегося N. едва удалось успокоить другим, присутствовавшим при этом, более сдержанным фабрикантам.

Больше уже никто и никогда не упоминал об этой статье.

Во время последующих весьма многочисленных забастовок отдельных фабрик в 1905 и 1906 г. полиция ограничивалась исключительно наблюдением за внешним порядком около фабрик.

Иногда случалось, что большая часть забастовки проходила даже без моего участия. Прекращают рабочие работу, предъявляют требования; владелец дает свой ответ; рабочие им не удовлетворяются и продолжают бастовать. Обе стороны считают для себя вопрос совершенно ясным и находят лишним

какое-либо посредничество инспектора, так что являться в это время на фабрику для инспектора не имело никакого смысла: его присутствие здесь было бы совершенно бесцельным. Но проходит несколько дней, неопределенное положение начинает тяготить обе стороны, они ищут выхода и готовы пойти на компромисс. Тогда-то они и прибегают к посредничеству инспектора. У меня было два таких случая и оба раза состоялись полные и прочные соглашения между рабочими и владельцами. Рабочие фабрик, на которых имели место эти случаи, вели забастовки уже самым современным способом: у них имелись, как они громко называли, «советы рабочих депутатов». Совет состоял из лиц, выбранных всеми рабочими, в количестве 30-40 человек и решал все вопросы, касающиеся забастовки; остальная масса рабочих не имела уже никакого решающего голоса. Когда рабочие одной из этих фабрик обратились ко мне за посредничеством и я явился на фабрику, мне не пришлось толковать с толпой под открытым небом, как это обыкновенно бывает. У ворот фабрики я был встречен специально ожидавшим меня рабочим, который необыкновенно вежливо и предупредительно проводил меня в имевшуюся при фабрике чайную, где собрался «Совет». Здесь я увидел форменный зал для заседаний. На расставленных рядами скамьях сидели депутаты; не принадлежащие к составу «Совета» рабочие толпились около стен и в дверях; для меня был приготовлен особый стол и стул. Наша беседа длилась довольно долго. Рабочие давали свои объяснения и предлагали вопросы в полном порядке, не перебивая друг друга, строго соблюдая очередь. Не смотря на такую торжественную и вполне культурную обстановку, в речах рабочих звучало много дикого и нелепого, обнаружившего их полное невежество в самых простых и близко касающихся их вопросах, так что мне пришлось читать им целую лекцию, чтобы хотя несколько просве-

тить их взгляды. По окончании беседы, рабочие искренно говорили.

— Вот, если бы с нами почаще так говорили, да законы нам объясняли, мы бы умнее были и многих глупостей не делали бы.

Приблизительно такая же обстановка была и на другой фабрике. В большинстве случаев, впрочем, и во время забастовок 1905-6 гг. приходилось приезжать на фабрику немедленно по возникновении забастовки, что соответствовало желаниям как фабричной администрации, так и рабочих. По-прежнему приходилось иметь дело с толпой, обыкновенно руководимой каким-нибудь вожаком. В числе вожаков иногда бывали действительно более развитые и серьезные рабочие, но случилось, что эту роль занимали худшие элементы фабричных, выделившиеся из среды исключительно своим умением — не то, что говорить связные речи, — а просто болтать языком без запинки. Помню одного такого субъекта, который сыпал словами, как горохом, среди своих речей читал отрывки из разных стихотворений и ни к селу, ни к городу вставлял страшные слова, в роде «биржуазия» и «бюрократия». Смысла в его речах было очень немного, но все это страшно imponировало рабочим. Нравственный облик этого вожака и вместе с тем святая наивность рабочих достаточно ярко характеризуются такими фактами. Желая похвастаться своим влиянием на рабочих, он в присутствии всей массы рабочих рассказывал нам со старшим инспектором, как на фабрике, на которой он прежде работал, он сорвал начинавшуюся забастовку после того, как фабричная администрация сумела подкупить его. Мы думали, что после такого откровенного признания рабочие по меньшей мере поколотят его, но те только смеялись, восторгаясь его ловкостью.

Главным требованием на отдельных забастовках 1905-6 гг., как при 95% всех вообще забастовок, было требование

увеличения заработной платы. В этот период фабриканты очень внимательно относились к этому требованию рабочих. Почти не было случая, чтобы на него было отвечено полным отказом. Обыкновенно, выслушав требование рабочих, фабричная администрация начинала подробно проверять заработки рабочих и сравнивать их, а также расценки с таковыми же на соседних фабриках. Вместо тайны, которую фабриканты делали прежде из своих расценок, теперь начался между фабриками открытый обмен данными о расценках и заработках. Моя задача состояла при этом в том, чтобы надлежащим образом скомбинировать эти данные, осветить их и указать все недочеты, существующие на данной фабрике. Исправление и пополнение этих недочетов фабриканты считали своей обязанностью. Благодаря такой системе в одних случаях общего, в других частичного, — по сортам и отделениям, — повышения расценок до размеров соседних фабрик, расценки действительно исправились и в общем заметно увеличились на всех фабриках, так как даже на фабриках, имевших наиболее высокие расценки, в отдельных случаях, — для отдельных сортов или отдельных работ, — цены оказывались ниже, чем на других фабриках, имевших в общем более низкие расценки, и эти цены также пришлось увеличивать.

Помимо таких частичных повышений расценок, непосредственным результатом забастовок 1905 г. и отчасти 1906 г. в моем участке было общее увеличение заработной платы на 10%, введенное вскоре после окончания общей забастовки, на всех значительных фабриках, введение с Пасхи 1906 г. 10-ти часового рабочего дня для работающих в одну смену, выдача квартирных денег в размере одного рубля в месяц всем рабочим, не пользующимся квартирами от фабрик, и упоминавшаяся уже мною выдача по 3 рубля женщинам после родов. При незначительной продолжительности забастовок блага эти достались рабочим очень дешевою ценою. По моим вычисле-

ниям, потеря рабочими заработка вследствие забастовок 1905 г. выражается в сумме немного более 100.000 рублей. Увеличение же заработной платы на 10% дало рабочим добавочного заработка в течении одного только года почти на 500.000 рублей. Насколько этот плюс повлиял на улучшение бюджета рабочих, вопрос иной. Мы уже имели случай видеть, что в сущности материальная обеспеченность рабочих после 1905 г. не только не повысилось, но, напротив, понизилась. Если к этому прибавить, что через 2 года началось вновь понижение расценок и отнятие у рабочих квартирных денег, то о благоприятном для рабочих результате забастовок 1905 г. не может быть уже и речи.

Новый взгляд на стачку, как явление уголовно ненаказуемое, выдвинул вопрос о том, в каком отношении находятся стороны во время забастовки, а именно, сохраняются ли их договорные отношения или они прекращаются и с какого момента, может ли предприниматель уволить забастовавших рабочих и могут ли рабочие, не принимавшие участие в забастовке, требовать платы за время остановки фабрики.

Прежде, как мы видели, вопросы эти решались очень просто, мерами полиции, поголовными расчетами рабочих и их высылкой, ни с какими законами при этом не справлялись. Когда, во время забастовок 1905 г., полицейские мероприятия сошли со сцены, разбираться в указанных вопросах пришлось уже на основании соответствующих статей Устава о Промышленности. Наша практика установила такой порядок. Если забастовка продолжается более 3-х дней, то фабрикант считал себя в праве уволить бастующих рабочих согласно п. 1 ст. 105 Устава о Промышленности за самовольный прогул без уважительных причин, но вместе с тем считал себя обязанным по отношению к рабочим, выражающим желание работать и являющимся с этой целью на фабрику, не только сохранять договор найма, но и платить им за все время остановки фабри-

ки, так что, если бы вследствие продолжительной забастовки пришлось закрыть фабрику, то он мог бы уволить рабочих, не принимавших участие в забастовке, только выдав им плату за 2 недели вперед. Не знаю, как решались эти вопросы в других губерниях, но, очевидно, разногласий здесь было не мало, потому что потребовалось особое сенатское разъяснение, которое и состоялось в декабре 1905 г. Сенат признал, что договор найма с рабочими, не являвшимся на работу во время забастовки в течение не более 2-х недель, не может быть расторгнут; причина неявки рабочего на работу вследствие забастовки под опасением насильственных действий со стороны забастовщиков является, следовательно, по мнению Сената, уважительною и рабочий при этом может быть уволен только на основании п. 2 ст. 105, т. е. вследствие неявки на работу более 2-х недель сряду. Ясно, что это должно применяться ко всем рабочим бастующего заведения, так как нет никакой возможности различить, кто из рабочих участвует в забастовке по собственному желанию и кто под влиянием товарищей. Но, дав такое разъяснение, Сенат вместе с тем признал, что приостановка работ на фабрике в течение более 7 дней вследствие забастовки является *eo ipso* прекращением договора найма. Причислив таким образом забастовку к числу причин, переименованных в п. 8 ст. 104 Устава о Промышленности, где говорится, что договор найма прекращается «за приостановлением в течение более 7 дней работ на фабрике или заводе вследствие пожара, наводнения, взрыва паровика и тому подобного случая», Сенат внес некоторое противоречие в свое первое разъяснение. Рабочего, которого, согласно первому разъяснению, нельзя уволить оказывается, уже нет надобности увольнять, так как договор найма с ним прекратился. Правда, прекращение договора здесь обуславливается семидневною продолжительностью остановки работ, и следовало бы думать, что для каждого отдельного рабочего период безнаказанного

прогула во время забастовки только сокращается с 14 до 7 дней. Но возникает еще вопрос: что должно служить основанием для суждения о возможности возобновления работ? Достаточно ли для этого согласия рабочих приступить к работам или же требуется признание возможности возобновления работ со стороны владельца, который может утверждать, что и однодневная забастовка, нарушив нормальный ход работ, вызывает приостановку фабрики на время более 7 дней? Если допустить последнее толкование, явно противоречащее, по моему мнению, смыслу п. 8 ст. 104, то это будет значить, что забастовке договор найма немедленно прекращается и все рабочие фабрики, на которой объявлена забастовка, не имеют права рассчитывать на продолжение договора, т.е. должны знать, на законном основании могут быть выброшены за борт независимо не только от причин и следствий забастовки, но и их личного участия в ней. Не лишнее отметить, что составители упоминавшихся уже мною «Материалов по пересмотру рабочего законодательства», вообще значительно расширяющие права заведующих на расторжение договора найма, почти так и взглянули на это дело; но и по этому проекту, договор может быть расторгнут только с теми рабочими, которые прекратили работу; к рабочим же, не участвующим в забастовке, это не относится.

Относительно обязанности предпринимателей выдавать плату за время забастовки тем рабочим, которые участия в забастовке не принимают, Сенат разъяснил, что такой обязанности не может быть.

С применением этих разъяснений Сената, вызывающих, как мы видим, новые сомнения, мне пришлось встретиться на очень характерном случае. На крупной бумаготкацкой фабрике забастовали шлихтовальщики. Рабочие этой специальности считаются на фабриках единицами; на данной фабрике их было всего 9 человек при общем количестве рабочих более 1000. Но

прекращение работы шлихтовальщиками нарушает весь строй производства: остановка шлихтовальных машин ведет за собою немедленный простой ткацких станков, а затем и полную их остановку. Так было и на этот раз. Удовлетворить требование шлихтовальщиков о повышении расценки владелец отказался; начался простой станков; в выдаче платы за простой ткачам также было отказано. Ткачи, оказавшиеся без работы, обвиняли заведующего в том, что, благодаря его упрямству, они остаются без заработка, и потребовали его увольнения. Все это в то время, когда другие отделения фабрики и ткачи, имеющие еще основы, продолжали работать. В таком положении прошло несколько дней. Наконец, на шестой день от начала забастовки шлихтовальщиков рабочие, видя, что владелец не идет на какие уступки, отказались от всех своих требований. Но владелец, возмущенный поведением рабочих и подозревая, что частичная забастовка шлихтовальщиков есть проявление планомерной и солидарной политики всех рабочих, решил в это время уволить всех рабочих и временно закрыть фабрику. Напрасно я старался отклонить владельца от такого решения, доказывая ему, что расторжение договора не может быть признано правильным при данных условиях, когда, в виду отказа рабочих от всяких требований и желания их возобновить работы, устранены все препятствия к нормальному ходу работ, и что уволенные рабочие имеют все шансы взыскать судом плату за 2 недели; владелец настоял на своем. Фабрика была закрыта. Рабочие группами предъявили иски у уездного члена суда о выдаче им двухнедельной платы. Все иски, общая сумма которых достигала 10.000 рублей, были членом суда удовлетворены. Владелец перенес, разумеется, дело в высшую инстанцию. Руководствовался он при этом не материальным расчетом, а принципиальными соображениями или, вернее говоря, желанием не уступить рабочим, так как вся сумма иска, — как по крайней мере я слышал, — была назна-

чена в виде гонорара довольно известному адвокату, взявшемуся за это дело, причем половина суммы была выдана ему авансом. Окружным судом решение уездного члена суда было отменено по формальному поводу и дело перешло в Сенат, где, кажется, не решено и до сего времени.

Заканчивая настоящую главу о забастовках, я скажу еще несколько слов о психологии толпы во время забастовки и о своих личных переживаниях. На мое счастье, мне не пришлось переживать ни одной забастовки, при которой страсти не знали бы удержа и которая отличалась бы какими-нибудь внешними эффектами. И вообще такие забастовки отходят уже в область преданий. Не чувство страха и сердечного замирания испытывал я во время забастовок, а по преимуществу чувство гнетущей боли от темноты и беспомощности рабочей массы. Примеров этой темноты читатель видел, мне кажется, достаточно и говорить о них вновь не приходится. Настроение рабочих во время забастовки бывает, конечно, приподнятое; в первые дни в особенности они склонны бывают вести объяснения в резком, иногда даже вызывающем тоне, но никогда ни угроз, ни каких-либо резких выражений по отношению к себе я от рабочих не слышал. Самое большее, что из толпы раздадутся отдельные выкрики: — «Инспектор все по хозяину делает, его руку держит!» Вожаки, рабочие, выдвигаемые для объяснений, не позволяли себе даже подобных замечаний и всегда держались безусловно корректно. Между тем на долю инспектора обыкновенно выпадает задача обливаться рабочими во время забастовки холодной водой, так как его разъяснения далеко не могут соответствовать пылким и необоснованным желаниям рабочих, и рабочие действительно могут думать, что инспектор пристрастен и намеренно действует в интересах владельца. Чтобы не давать пищи для такого мнения о себе и чтобы сохранить свой авторитет вполне беспристрастного судьи, инспектор непременно должен давать совершенно точные и

определенные ответы на все вопросы рабочих, подтверждая их, где только можно, соответствующими примерами и документальными данными. Для этого от инспектора требуется, кроме безусловного знания дела, быстрая сообразительность, находчивость, самообладание и умение отчетливо и вполне понятно для рабочих излагать свою мысль. Я бы сказал, что объяснение с рабочими во время забастовки есть самый лучший экзамен для инспектора. Под перекрестным огнем иногда очень коварных вопросов рабочих, обдумывавших свои вопросы, быть может, в течение долгих месяцев и сознающих во время забастовки свою силу, инспектор должен показать весь свой внутренний багаж.

Один только раз у меня было неприятное чувство и я испытывал желание поскорее выбраться из толпы. Дело происходило при таких обстоятельствах. Во время одновременной забастовки на нескольких фабриках в 1905 г., побывав на одной из них, я приезжаю на другую часов в 11 утра. Более часа продолжаются здесь мои объяснения с рабочими, которые между прочим предъявляют обвинение к фабрике в неправильном подсчете их заработка. Я обещаю рабочим тотчас же расследовать их заявления и дать им ответ через 2 часа. Расследование заняло, однако, гораздо больше времени, чем я рассчитывал. Только в четвертом часу мне удалось окончить проверку всех книг и записей, выяснявших поднятый рабочими вопрос. У меня с 7-ми часов утра ничего не было во рту и к этому времени я так утомился, что еле держался на ногах, а предстояли еще длинные разговоры с рабочими. Поэтому я решил зайти к заведующему фабрикою инженеру, чтобы выпить стакан чая. Мой завтрак продолжался буквально 7, часа; но, когда я после того, с опозданием на один час, вышел к рабочим, те встретили меня очень недружелюбно. Сами они эти часы не потеряли даром и были все пьяны.

— Что же это Вы, г. инспектор, вместо того, чтобы нашими делами заниматься, чай распиваете?! — напустились они на меня.

Я должен был им объяснять, что, если бы я не выпил стакана чая и не съел куска хлеба, то не в состоянии был бы совершенно с ними разговаривать. Этот аргумент до некоторой степени подействовал, и я мог спокойно выбраться из толпы, но дальнейшие разговоры с рабочими пришлось отложить до более подходящего настроения их. Действительно, на следующий же день рабочие, будучи трезвыми, принесли мне форменное извинение за свое поведение накануне.

Тут рабочие были пьяны и потому позволили себе дерзкое обращение с инспектором. В трезвом состоянии они этого не делают, но что они склонны подозревать инспектора в сделке во время забастовки с владельцем, — это несомненно. Поэтому я особенно старался не давать никакого повода к таким мыслям рабочих, полагая, что недоверие рабочих к инспектору вредно отражается на деле и прежде всего на интересах их самих. Приезжая на фабрику, я старался выслушать прежде рабочих, а потом уже шел в контору; я отказывался от гостеприимства фабрикантов и пользования их лошадьми, не смотря на многие практические неудобства этого. Фабриканты, негодовавшие вначале на такое поведение, в конце концов сами признали мой образ действий вполне правильным. Что же касается рабочих, то я имею основание думать, что на их сознание такая тактика оказывала самое благотворное влияние.

В психологии толпы во время забастовок обращает на себя внимание взвинченность настроения рабочих по отношению к отдельным лицам фабричной администрации, проявляемая в первые дни забастовки. Почти ни одной стачки не проходит без того, чтобы рабочие не требовали увольнения того или иного лица, чаще всего самого заведующего, по большей части не выставляя при этом никаких сколько-нибудь серьезных

мотивов. — «Не надо такого-то?» — спрашивает толпу рабочих, излагающий требования. И толпа, как один человек, во все горло орет: — «Не надо, не надо!». Неопытный человек может подумать, что лицо, о котором идет речь, действительно какой-нибудь злодей, которому не может быть места в управлении рабочими. Но как только часть требований рабочих начинает удовлетворяться и даже без этого, через 2-3 дня рабочие забывают об этом требовании и даже сознаются потом сами, что они погорячились и зря напали на человека.

Последние годы, начиная с 1906 г., стали практиковаться забастовки, сопровождающиеся единственным требованием увольнения или обратного приема отдельных лиц, принадлежащих или к составу администрации фабрики, или к числу рабочих. Такого рода забастовки (они были и в моей практике) почти всегда организовывались рабочими союзами, пытавшимися этим путем проявлять свое влияние в деле найма и увольнения, и всегда, понятно, оканчивались неблагоприятно для рабочих. Понятно это потому, что вмешательство рабочих в дело найма и увольнения есть покушение на основные, наиболее существенные права владельцев, и последние, едва ли легко согласятся поступиться этими правами. Всякая забастовка с этой целью есть, следовательно, в настоящее время вполне безнадежное предприятие.

Большую наивностью веяло также от одного требования, выставляемого рабочими во время забастовок последних лет, когда рабочие стали считать себя уже организованными и сознательно пользоваться стачкою, как оружием в борьбе с предпринимателями. Это — требование уплаты владельцами заработка всем рабочим за время стачки. Таких требований не чужды были даже наиболее развитые рабочие и мне стоило некоторого труда разъяснить им всю нелепость требовать от фабриканта, чтобы он сам давал рабочим в руки оружие, которым те будут его побивать.

Глава XXII. Жалобы рабочих и посредническая деятельность инспектора

Среди перечисленных в наказе чинам фабричной инспекции весьма многочисленных обязанностей инспекторов на скромном месте стоит «принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими». Имеется также в наказе указание на то, что «инспектора назначают приемные дни (не менее одного раза в неделю) для словесных объяснений с лицами, имеющими в них надобном». На этих немногосложных пунктах наказа основывается, однако, одна из существеннейших частей деятельности фабричного инспектора, притом такая деятельность, которой не знают инспектора западноевропейских государств, — деятельность посредническая. Все функции примирительных камер, третейских судов и прочих учреждений, существующих на западе для выяснения недоразумений между сторонами и примирения последних, у нас в России выполняются исключительно фабричными инспекторами. И эта деятельность инспектора в бойких промышленных участках отнимает у него едва ли не больше времени, чем все остальные дела. Этим между прочим объясняется та малая посещаемость промышленных заведений русскими фабричными инспекторами, которая ставится в упрек русской инспекции при сравнении ее деятельности с деятельностью заграничных инспекторов, осуществляющих только надзор за исполнением закона²⁹.

29 В 1906 г. в «Материалах по пересмотру рабочего законодательства» Министерство Торговли и Промышленности предполагало освободить инспекцию от обязанностей по расследованию жалоб и примирению сторон; взамен этого оно предусматривало «промышленные суды», впрочем только для крупных промышленных центров, причем учреждение судов стави-

Если бы читатель вздумал судить об этой работе инспекторов по официальным отчетам, в которых указывается число исследуемых ежегодно инспекторами жалоб и заявлений рабочих, то он мог бы впасть в большую ошибку. Дело в том, что зарегистрировать все случаи обращений рабочих к инспектору, благодаря неопределенности многих заявлений, не представляется никакой возможности. К тому же формы наших отчетов совершенно не предусматривали разбор претензий рабочих по вознаграждению за несчастные случаи.

Если исключить дела о вознаграждении по несчастным случаям, то все остальные заявления, с которыми рабочие обращаются к инспектору, можно разделить на две категории: на жалобы и просьбы. К первым будут относиться такие заявления, в которых содержатся указания на нарушение закона со стороны заведующего и на попрание им прав рабочего, в которых, следовательно, рабочий прибегает к защите инспектора для восстановления своих прав. Во-вторых, обращающийся к инспектору рабочий ищет у него помощи для достижения той или иной своей цели, не указывая ни на какие нарушения. Сами рабочие не делают никакого различия между тем и другим видом заявлений; часто они являются с требованием того, на что у них нет никаких прав и, наоборот, иногда при заявлении, выраженном в виде просьбы, как будто даже с малой надеждой на успех, выясняются обстоятельства, которым проситель не придает никакого значения и которые представляют собою грубое нарушение существеннейших прав рабочего. Я хочу сказать, что обращение рабочих к инспектору

лось в зависимость от инициативы местных органов самоуправления и обуславливалось особым в каждом отдельном случае постановлением министра.

не есть проявление планомерных действий их, направленных к защите своих интересов. Благодаря незнакомству рабочих со своими правами, а главное благодаря боязни репрессий со стороны фабричной администрации, обращения эти до сих пор более или менее случайны. Как общее правило, замечается, что рабочий, увольняемый с фабрики, почти всегда идет с жалобой к инспектору, хотя бы увольнение было произведено не только на законном основании, но и по вполне основательному поводу. Не найдя у инспектора поддержки по этому пункту, такой рабочий начинает припоминать все, чем был обижен или даже мог быть обижен во время работы на фабрике, а иногда и придумывать целые истории о существующих якобы на фабрике беспорядках, желая так или иначе причинить неприятность уволившему его заведующему. В целях сорвать что-нибудь с фабрики, случаются даже подделки и подчистки в расчетных книжках и других документах, неопытные, наивные, резко бросающиеся в глаза. Способный на это рабочий и к инспектору на прием является подчас в пьяном виде, держит себя дерзко и вызывающе. В этих случаях инспектору приходится иметь дело с худшими элементами фабричных рабочих. И если бы ограничивать свои наблюдения над рабочими только подобного рода случаями, то о рабочих можно было бы составить самое безотрадное представление, как о людях без всяких нравственных принципов. Не таково, конечно, общее впечатление от всей массы проходящих перед глазами инспектора во время приема рабочих. Все та же темнота, беспомощность и забитость рабочих резко выступают при жалобах и просьбах большинства их.

Терпит рабочий иной раз действительные нарушения своих прав, обиды и притеснения, молчит и примиряется с ними, не желая подвергаться риску быть уволенным, до тех пор, пока по тем или иным обстоятельствам не приходится ему оставлять данную фабрику. Тогда он идет к инспектору и жалуется часто

на то, что было несколько месяцев тому назад и что проверить не представляется уже возможным. Жалобы на заведующих, приносимые немедленно после допущения ими неправильных действий, если эти жалобы не касаются увольнения, бывают сравнительно редки.

Предметы жалоб, как читатель мог видеть из других глав записок, могут быть чрезвычайно разнообразны; большая же часть их относится к вопросам расплаты и увольнения. Обращаясь к инспектору, рабочие, как я указывал и раньше, страшно переоценивают его значение; они ждут от инспектора окончательного решения своего дела, а читатель уже знает, что инспектор может разбирать дела только в примирительном порядке. При нежелании заведующего исполнить требование инспектора, хотя бы законность и основательность этого требования не подлежала никакому сомнению, рабочему ничего иного не остается, как обратиться для защиты своих интересов к суду. Выясняется, например, совершенно незаконное увольнение рабочего, инспектор предлагает заведующему оставить рабочего на фабрике или выдать ему плату по срок найма; заведующий может отказаться исполнить это требование. Обсчитали рабочего, не выдают ему причитающейся платы, заведующий, признав даже правильность заключения и требования инспектора, может все же по тем или другим соображениям оставить рабочего без удовлетворения. К счастью, такие случаи отказа бывают не часты, и у рабочих создается уверенность, что стоит только инспектору приказать и заведующий обязан выполнить его требование. Этот взгляд на права и власть инспектора рабочие проявляют даже по отношению к таким случаям, когда дело идет не о побуждении заведующего к исполнению своих обязанностей, а о прямом вмешательстве инспектора в права заведующего. Бывают, например, просьбы рабочих о принятии их на какую-нибудь фабрику; когда объясняешь рабочим, что инспектор не может

сделать этого, что наем рабочих зависит исключительно от заведующего, рабочие недоумевают и твердят одно, что инспектору стоит только приказать. Тяжелое положение рабочего, несправедливо уволенного, например, с одной фабрики и в течение долгого времени не находящего себе места на других фабриках, побуждает иной раз походатайствовать за него перед каким нибудь более знакомым заведующим; благоприятный результат такого ходатайства еще больше поддерживает в рабочих мысль, что инспектор, если захочет, все может сделать, и если не делает, то потому, что не хочет.

Очень многие совершенно неосновательные жалобы рабочих обязаны своим возникновением подстрекательству разных адвокатов, кишаших, как паразиты, во всех крупных фабричных поселках. Абсолютные невежды в законах, эти адвокаты по трактирам и чайным разыскивают рабочих, склонных предъявить какую-либо претензию к фабрике, и, напустив на них тумана, прикинувшись знатоками всех законов, предлагают писать прошения. За бессмысленные, безграмотные бумаги темный рабочий платит большие для его кармана деньги, выставляя, сверх того, соответствующее угощение, веря, что с прошением, с бумагой в руках он наверное добьется желаемого.

Большей частью такие прошения пишутся непосредственно на имя участкового инспектора, но иногда, вероятно за более дорогую плату, как сильнее действующее, адресуются на имя старшего инспектора, в фабричное присутствие, губернатору или даже министру. В конце концов все прошения, куда бы они ни были направлены, попадают к участковому инспектору, который и должен в них разбираться и сообщать о результате тем лицам, через которые они получены. Сплошь и рядом случается, что, не получив удовлетворения от участкового инспектора, проситель, руководимый адвокатом, входит с

прошением к старшему; не добившись ничего этим путем, пишет губернатору, а иногда, я говорю, и министру, так что одна и та же жалоба попадает в руки инспектора несколько раз, при том жалоба наиболее безосновательная. Можно себе представить, сколько за это время адвокат вытянет из кармана рабочего. Письменные жалобы рабочих поступают обыкновенно по почте, но иногда проситель сам является в канцелярию и подает прошение, состряпанное адвокатом.

— Зачем Вы это делаете? — спрашиваешь его, — Вы же на словах можете все рассказать мне.

— Оно на бумаге то как-то лучше.

— Да, ведь, за бумагу с Вас деньги взяли. Сколько Вы заплатили?

— Полтора рубля взял знающий человек; ну, полбутылочки ему поставил,

Почти два рубля своих кровных денег отдает темный человек ни за что ни про что «знающему человеку» или, попросту сказать, жулику. И еще долго будет у нас это зло, потому что до повсеместных бесплатных консультаций присяжных поверенных у нас еще очень далеко; да если бы и появились такие, то кабацкие адвокаты сумеют еще использовать народную темноту. К сожалению, у меня нет под руками наиболее интересных по стилю и содержанию произведений кабацких адвокатов. Случайно оказавшиеся бумаги, принадлежащие одному и тому же перу, заключают в себе просьбы о назначении пенсий рабочим за долголетнюю работу на фабрике. Читатель знает, что никакого закона об обеспечении рабочих на случай старости у нас не имеется, но автор прошений думает иначе. В одном из прошений он пишет: «А так как по 40 § Устава фабричного и 75 ст. того же Устава все лица, прослужившие на фабрике более 40 лет, имеют право требовать себе от контор фабрик пожизненную пенсию или по

соглашению с конторою единовременное пособие; в виду изложенного на основании указанных статей закона я покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение о назначении мне пенсии». Во втором прошении фигурируют уже другие статьи: 49 и 59 «правил о фабричном производстве»³⁰. Наконец, в третьем прошении, направленном «в фабричное присутствие в гражданское отделение», тот же автор просто пишет: «Ходатайствую перед фабричным присутствием дать мне пособие согласно постановления Министра фабричной экспедиции.

Получив заявление рабочего, инспектор должен дать на него точный и определенный ответ, будет ли он благоприятный для рабочего или нет, безразлично. Для этого, в зависимости от сложности дела, достаточно бывает иногда снестись по телефону с заведующим тут же во время приема рабочего; по иногда приходится назначать для разбора дела особые дни, приглашая в канцелярию обе стороны, или же вступать в длинную переписку; при более сложных делах, требующих проверки книг или опроса свидетелей, необходим бывает выезд на место, на фабрику. Выезды являются обязательными, когда получается коллективная жалоба, касающаяся целой группы рабочих. Такие жалобы чаще всего получаются в виде анонимных писем; гораздо реже приходит кто-нибудь от группы рабочих для словесного заявления и при этом всегда просит, чтобы инспектор его не выдавал. Существует взгляд, что анонимным жалобам не следует давать движения; но

30 40 ст. Устава о промышленности говорит о порядке составления протоколов о нарушениях закона о работе малолетних; ст. 49 о составе фабричных присутствий; ст. 51, принадлежавшая к тому же отделу, отменена; а ст. 75 содержит в себе ссылку на строительный устав.

отношению к жалобам с фабрик такая тактика была бы, однако, глубоко ошибочной; как видел читатель, рабочие, продолжающие работу на фабрике, боятся жаловаться и только потому прибегают к анонимам. Правда, среди анонимных жалоб попадаются совершенно вздорные, но отличить таковые от основательных не представляет никакого труда при малейшей опытности инспектора. Достаточно приехать на фабрику, и инспектор сразу может видеть по тому, как его встречают рабочие, действительно ли была ими отправлена жалоба и ждут ли они расследования или нет.

Целую серию коллективных жалоб мне приходилось обыкновенно из года в год разбирать в конце великого поста. Под опасением расчета в глухое зимнее время, не выражая никаких протестов в течение всей зимы, рабочие перед расчетом на Пасху вдруг набираются смелости и сразу начинают выкладывать все, о чем молчали долгие месяцы. Тут выступают на сцену и простои, и обсчеты, и лишние часы работы и т.д.

Подтвердить что-либо из своих заявлений документальными данными рабочие бывают в это время не в состоянии, администрация фабрики, конечно, старается все отрицать и только какие-нибудь косвенные указания в книгах дают намек на то, что рабочие до известной степени правы. Дело обычно кончается тем, что заведующий соглашается выдать рабочим при расчете небольшую дополнительную плату и рабочие остаются довольны: к этому, по-видимому, и сводятся все их стремления.

Вот типичная жалоба подобного рода, приводимая мною с подлинною орфографией.

«Ваше высоко благородие обращаемся к вам спросбой так как мы рабочие работающие в пригготовительном отделении за недостатком работы а по фабричному правилу за простое веплатят придет когда попросить за простои то наш заведую-

щий грозит расчетом потому его оскорбить несмеем так вот мы обращаемся к вам спросбой и ручаемся что вы будете нашим ходатаем прогуляли мы от Октября месяца сего года двадцать семь дней а часы мы уже и не считаем потому что они нам за два дня заплатили а в случае будите нашим ходатаем то прикажите за 27 д. заплатить отчето и будем ждать вашей помощи с нетерпением знаете что нынешний год очень тяжол хлебов весьма очень мало и прикажите им весьма чтобы они исполнили ваше приказание да накажите им весьма построже а то они не исполнят вашего приказания а если вы спокинете нас то придется обратиться к старшему инспектору с жалобой на вас. Ждем вас с нетерпением! Рабочие фабрики NN».

Содержащаяся в последних строчках угроза пожаловаться старшему инспектору есть обычная манера рабочих, думающих этим путем заставить обратить на них большее внимание.

В 1906 г. рабочие стали смелее и жалобы от них начали появляться не только перед расчетом. Больше того: рабочие стали изыскивать поводы для жалоб. Фабрики в этом году сильно подтянулись, и текущая практика не давала оснований для сколько-нибудь серьезных претензий, поэтому рабочие, пользуясь своим боевым настроением, старались придраться в каком-либо недочетах прошлого и использовать их в своих интересах. Вернее говоря, рабочие стремились сорвать с фабрики, что только возможно. Сорвать, — потому что никаких планомерных действий они при этом не проявляли, выступления их носили характер случайности и нисколько не походили на серьезную защиту их прав и интересов. Как иначе назвать, например, придирку рабочих сновального отделения одной ткацкой фабрики к тому, что вес навоя, благодаря введенному несколько лет назад увлажнению, оказался тяжелее показанного при прежней длине пряжи, т.е. без малейшего влияния на размер заработка рабочих, и основанное на этом требование о

выдаче дополнительной платы за несколько предшествующих лет? В виду существовавшего здесь формального упущения со стороны фабрики заведующий должен был пойти на соглашение с рабочими и, чтобы прекратить их претензию, по существу совершенно неосновательную, выдать им несколько десятков рублей. Аналогичных этому случаев было в то время немало. Появились даже особые специалисты — из числа уволенных рабочих — которые брались за известный процент отыскать повод, по которому можно было бы сорвать с фабриканта, и провести дело. Самый тон жалоб в это время меняется. «Просим Вас немедленно явиться к нам для личного переговора», — пишут, например, с одной фабрики. «От союза рабочих», — озаглавливают письмо рабочие другой фабрики и кончают его так: «Об этом просим Вас, г. инспектор, исполнить наши требования, а в противном случае будем требовать сами, не в разбивку, а Союзом Рабочих, стачки, потому что большая прикосновенность личности». Никакого союза в действительности на фабрике этой не было. Смелость рабочих доходила в это время до того, что они обращались к инспектору с своими требованиями по телефону³¹.

Расследование жалоб рабочих и вообще посредническая деятельность инспектора по самому существу своему способна доставить наибольшее удовлетворение сравнительно с другими сторонами инспекторской работы. По крайней мере результат этой деятельности бывает виден воочию, он непосредственно осязаем. Как ни как, а все же нам часто удается защитить права отдельного рабочего, охранить его интересы, помочь ему

31 В этот же период в других участках, например, в Польше, как я слышал, рабочие, напротив, как бы бойкотировали инспекторов, не обращаясь к ним ни с какими делами.

достичь желаемого. Вам приятно видеть, что известный человек, — Иванов, Петров, Сидоров, явившийся к Вам расстроенным, иногда убитым горем, уходит от Вас, благодаря именно вам, успокоенным, обрадованным, довольным. Ко мне, кроме фабричных рабочих, часто являлись с жалобами и просьбами рабочие от разных подрядчиков, ремесленников и даже прислуга. Я не отказывал выслушивать их и давать им советы, но ничего положительного сделать для них я, конечно, не мог. И видно было, как завидовали эти люди фабричным рабочим, в деле которых инспектор мог принять непосредственное участие и оказать им положительную помощь. Действительно, сравнивая положение фабричного рабочего, подлежащего действию специального законодательства, с положением рабочего какой-либо иной категории, нельзя не сознавать, какие громадные преимущества имеются на стороне первого: договор найма в известной степени обеспечивает его положение на фабрике, число рабочих часов его строго определено, правильность исчисления заработка и выдачи платы почти гарантированы, в случае увечья ему полагается вознаграждение, при каком-нибудь несчастье он имеет возможность получить пособие, в случае обиды он находит себе защитника в лиц фабричного инспектора, быстро и по большей части благоприятно для него разбирающего его дело. Не то для рабочего, скажем, какой-нибудь мелкой ремесленной мастерской: там он работает столько часов, сколько захочет хозяин; при выдаче платы сплошь и рядом его обсчитывают, деньги за работу выдают по мелочам и часто без всякого предупреждения отказывают от работы, не уплатив следуемого заработка; в случае увечья он не может рассчитывать ни на какое вознаграждение и никаких пособий ни откуда он получить не может; для защиты от самых грубых проявлений хозяйского произвола у него есть только одно средство,—обращение к суду, —

средство медленно действующее и потому не всегда применимое.

Но в большей степени и чаще, чем чувство удовлетворения, после приема рабочих остаются в душе другие чувства, далеко не столь приятные. Прежде всего чувство боли от сознания невозможности во многих случаях помочь рабочему в его безвыходном положении. Больше всего это приходится испытывать, когда за помощью к вам обращаются инвалиды, лишившиеся способности к труду после долгой работы на фабрике. Работает человек 30 или больше лет, расстроит все свое здоровье, становится плохим работником, — ему отказывают от места, а у него на руках еще семья, — такая же, как он, беспомощная жена, часто малолетние внуки от умершего сына, — и никаких средств, кроме старой избушки. Приходит к вам, просит помочь, плачет. Что вы тут сделаете? Обращаетесь к фабриканту, ходатайствуете об оставлении на работе; вам отвечают, что фабрика не богадельня. Устройте вы ему пособие из штрафного капитала в размере 15-20 рублей. Он доволен, благодарит... но через 2-3 месяца, проев эти деньги, снова приходит к вам и вам остается только беспомощно разводить руками.

Иногда во время приема вы испытываете чувство возмущения на безжалостность, черствость фабрикантов и их заведующих. Возьмем хотя бы такой случай.

По закону 2 июня 1903 г. пособия потерпевшим по несчастным случаям должны выдаваться в дни, установленные для выдачи платы рабочим, т.е. при найме на срок неопределенный не реже 2-х раз в месяц. Является ко мне, еле передвигая ноги, один потерпевший очень скромного вида и жалуется, что он около двух месяцев, прошедших со дня несчастного случая, не получает пособия; сам он лежит в фабричной больнице, но дома у него остается находящаяся в последнем

периоде беременности и потому прекратившая работу на фабрике жена с 3-мя малолетними детьми, сидят они без хлеба и голодают. Я тотчас же предлагаю заведующему выдать следуемое пособие. Но заведующий отказывается, ссылаясь на то, что рабочие застрахованы и без распоряжения страхового общества он не может выдавать денег. Это была уже неправда, потому что выдачу пособий, как мне доподлинно было известно, правление страхового общества представило производить заведующим без всяких предварительных сношений с ним, как не подлежащую никакому сомнению. Однако я пишу в правление общества и прошу сделать надлежащее распоряжение на фабрику. От общества получаю ответ, что соответствующее разъяснение дано. Я успокаиваюсь в полной уверенности, что потерпевший удовлетворен. Но через несколько дней потерпевший вновь приходит ко мне и Христом-Богом просит помочь, так как денег он все еще не получил и нужда дошла до последней крайности. Прошу рабочего подождать и вызываю заведующего в канцелярию. Приезжает.

— Почему Вы не хотите выдавать пособие? — спрашиваю его. Ведь, Вы получили письмо от страхового общества.

— Получил, только там не ясно сказано... Там говорится: выдавать пособие согласно закону.

— А закон говорит, что пособия выдаются до дня признания утраты ее постоянною в дни, установленные для выдачи платы рабочим. Потерпевший еще продолжает лечиться, за время его болезни прошло уже несколько дачек. Значит, нужно ему выдать?!

— Так-то так, а все-таки общество прямо не говорит, чтобы выдать, хе, хе, хе...

— Войдите же в его положение! Ведь, у него семья голодает...

— Ничего, ха, ха, ха! пусть поголодает, хе, хе, хе!.. Почему он не работает?

— Как же он может работать, когда он форменный калека в настоящее время?!

— Калека! ха, ха, ха!..

Уверяю Вас, читатель, что я ничуть не сгушаю красок. Заведующий положительно измывался и издевался над потерпевшим, который тут же стоял и утирал слезы. Что здесь не было притворства со стороны рабочего, доказывается тем, что у него признали впоследствии 50% постоянной утраты трудоспособности; так что смех заведующего вызывался исключительно его поразительным жестокосердием и желанием показать свою власть над рабочим. Так он и не выдал денег, и еще долго, пока не был окончательно ликвидирован этот несчастный случай, рабочему пришлось прибегать к посторонним источникам для поддержания существования семьи (сам он все время находился в больнице}. Нельзя, разумеется, обобщать этот случай; он показывает лишь, до какой степени бесчувственности может доходить отношение к рабочим лиц, имеющих власть над ними.

С другой стороны, некоторые рабочие своими вздорными жалобами и претензиями способны довести до такого состояния, когда требуются чрезвычайные усилия, чтобы сохранить хладнокровие. Вы им десять раз на разные лады твердите одно и то же, доказывая неосновательность их требований, а они все стоят на своем и обвиняют вас в нежелании помочь им, чуть ли не в том, что вы подкуплены фабрикантом. Помню одного такого рабочего, по фамилии Зеленов, который с одним и тем же делом был у меня по крайней мере раз 15. С ним произошел на фабрике незначительный несчастный случай, ушиб ноги. Через 4 дня после несчастья он приходит уже с требованием о

вознаграждении. По справке оказывается, что его поместили в больницу, но он не пожелал там оставаться.

— Пользы от леченья все равно никакой не будет, — уверял он меня, — я уж теперь знаю, что я на всю жизнь несчастный; потому, значит, требую, чтобы меня обеспечили.

Направляю его к другим врачам. Все врачи в один голос удостоверяют, что через несколько дней лечения у него ни малейших последствий ушиба не останется. После 3—4 посещений Зеленова мне удастся наконец убедить его снова лечь в больницу. Спустя 3 дня он, однако, опять приходит ко мне.

— Нет, нечего мне в больнице лежать! Пускай, значит, меня обеспечат: я работать теперь совсем не способен.

— Что же Вы хотите? — спрашиваю его.

— Пусть выдадут мне одновременно 3000 рублей и больше ничего!

— Послушайте: если Вы не будете лечиться, Вы не только три тысячи, можете ничего не получить.

— Как это не получить?! На то есть права! Если вы не можете распорядиться, я другие ходы найду. Пожалуйте мне копию!³²

Из всею моего старания убедить Зеленова не делать глупостей и не вредить самому себе ничего не вышло; мне при-

32 Это требование копии или «скопии», как говорят некоторые рабочие, предъявляют почти все рабочие, оказавшиеся недовольными результатом разбора жалобы инспектором. — «Если так, позвольте мне скопию, и дальше пойду» — говорит рабочий, совершенно неосновательно жаловавшийся, например, на неправильное якобы увольнение. — «Какую Вам копию?» — спрашиваю его. — «Вам лучше известно, какая должна быть скопия». Едва убедишь его, что никакой копии быть не может.

шлось составить акт о несостоявшемся соглашении, так как владелец фабрики, конечно, отказался вступать с ним в какое-либо соглашение до окончания лечения. Получив копию акта, Зеленов благодарить. Но через неделю он вновь у меня.

— Сделайте божескую милость, порешите Вы мое дело!

— Что же я еще могу сделать?! Лечиться Вы не хотите, врачам не верите... Подавайте на суд! копия акта у Вас есть, сходите к присяжным поверенным.

— Был я у них.

— Ну, и что же?

— Да что! Подкуплены!

И еще много раз был он у меня все с тою же просьбою по-решить его дело, при чем оказалось, что он побывал и у старшего инспектора, и у губернатора, и у всех присяжных поверенных, и нашел их всех подкупленными.

Зеленов был просто в высшей степени наивный человек. Но среди лиц, домогавшихся получить вознаграждение на основании закона 2 июня 1903 г., попадались и люди злонамеренные, искусно симулировавшие различные повреждения. Основательно разобраться в их претензиях часто являлось делом крайне трудным.

Если претензии, аналогичные Зеленовской, вызывают в вас чувство досады и раздражения, то не менее досадное и вместе с тем болезненное чувство вы испытываете, когда ясно видите, что заявленная рабочим жалоба, даже резко выраженная, на непорядки, которые он терпел в течение долгого времени, является совершенно случайною; что, сорвав с фабриканта сейчас, он в дальнейшем будет молчать по-прежнему и спокойно позволит нарушать свои права.

В конце концов, как бы вы не обтерпелись, вы во время разбора жалоб и претензий рабочих, благодаря разнообразию

ваших переживаний, совершенно непроизводительно тратите массу нервной энергии и на душе у вас остается после того тяжелое и беспокойное чувство.

Глава XXIII. Ревизии. Надзор за паровыми котлами. Отчеты инспекторов

Как проявляется надзор фабричного инспектора за исполнением предпринимателями закона?

Заявления рабочих дают известный материал для суждения о том, в какой мере та или иная фабрика считается с требованиями закона. Если при расследовании жалобы обнаруживаются закононарушения, инспектор тотчас же принимает меры к их устранению. Но, благодаря случайности заявлений рабочих, этим путем могут быть открыты нарушения закона сравнительно редко, хотя открываемые при этом нарушения и являются наиболее серьезными. Главным способом, при помощи которого осуществляется надзор, остаются поэтому ревизионные посещения инспектором фабрик.

Посещать промышленные заведения инспектору приходится часто по разным специальным поводам: для испытания парового котла, для расследования несчастного случая, для разбора жалоб рабочих и т.п. Каждое такое посещение может быть соединено и с общей ревизией, если специальное дело оставит для этого достаточно времени. Но если долго нет никаких особых поводов для посещения данной фабрики или специальные поездки не дают возможности произвести общую ревизию, инспектор едет на фабрику исключительно с ревизионной целью. Напомню читателю, что инспектор может привлекать заведующих к ответственности почти исключительно за формальные нарушения, в зависимости от чего и ревизия сводится главным образом на проверку всех тех многочисленных формальностей, которые предписываются законом. На формальной обстановке покоится, правда, вся сущность отношений между сторонами, но случается, и не редко, что при безукоризненности формальной стороны имеются серьезные нарушения по существу, открыть которые бывает почти

невозможно. Только самый тщательный сравнительный анализ различных книг позволяет иной раз обнаружить скрытое нарушение. И то это возможно бывает только тогда, когда имеются какие-нибудь подозрения и знаешь, что нужно искать. Все, что касается продолжительности рабочего времени, сверхурочных работ, простоев, правильности расплаты с рабочими, т.е. то, что по преимуществу вызывает недоразумения между сторонами, находится именно в таком положении. По описанным мною прежде примерам читатель, мне кажется, может представить себе это довольно ясно.

О всех замеченных во время ревизии нарушениях, сделанных замечаниях, советах и указаниях инспектор записывает в предусмотренную наказом, хранящуюся у заведующего, книгу. Заведующие, особенно в первое время, очень ревниво относились к этим записям, часто просили не вносить в книгу об обнаруженных непорядках, обещая немедленно исправить погрешности; а на крупных фабриках, гордящихся своим благоустройством, принимали за личную обиду всякое внесенное в книгу замечание. Записи тем не менее, конечно, делались и на многих фабриках они представляют собою целые истории этих фабрик. Невинная сама по себе запись в ревизионной книге имеет, однако, кроме исторического значения, и другое, более существенное, так что не даром заведующие стремились к тому, чтобы записей было, как можно, меньше. Предполагается, что все замечания, сделанные инспектором, должны быть приняты во внимание и замеченные нарушения устранены; так в большинстве случаев и бывает. Но случается, что замеченное однажды обнаруживается и при следующем посещении. Такой повторный проступок не может уже быть объяснен недоразумением или непониманием заведующего, и инспектор имеет уже серьезное основание для составления протокола, если, разумеется, нарушение само по себе сколько-нибудь серьезного характера. В объяснительной записке, сопровождающей

протокол в Присутствие, инспектор должен сообщать обстоятельства, вызвавшие составление протокола. Указание на то, что нарушения, являющиеся предметом протокола, замечались раньше и о них записано было в ревизионную книгу, являются в глазах членов Присутствия наиболее убедительным мотивом для наложения взыскания. В наказе 1894 г. даже прямо говорится, что, если причиной допущенного заведующим нарушения закона не является злой умысел или корыстные побуждения, то протокол составляется инспектором лишь тогда, когда замечается повторение нарушения, отмеченного в ревизионной книге. Наказ 1899 г. требует составление протокола о всяком обнаруженном нарушении, но... последовавший вслед за изданием этого наказа конфиденциальный циркуляр предлагает не прибегать к этой мере и составлять протоколы только о повторных нарушениях. Отсюда становится вполне понятным значение записей.

Мне остается упомянуть о деятельности фабричных инспекторов еще в одной области, деятельности наименее интересной для читателя, равно как и для инспектора, по поглощающей у последнего массу времени. Я говорю о работе по надзору за паровыми котлами. «Ближайший и непосредственный надзор за исполнением правил о паровых котлах» и испытание котлов возложены были на обязанность фабричных инспекторов при реорганизации инспекции в 1894 г.

Подобной работы, не имеющей ничего общего с чисто инспекторским делом, наши иностранные коллеги не знают.

О деятельности инспекторов, так называемого «первого призыва» общество имело полную возможность судить по их своевременно печатаемым подробным отчетам. Выражаемое в прессе сочувствие общества этой деятельности, бесспорно, придавало инспекторам бодрости и энергии в их дальнейшей работе, которая, благодаря устанавливавшейся таким образом связи между инспектором и обществом, получала характер работы общественной.

С реорганизацией инспекции в 1894 г. положение радикально изменяется. Печатание отчетов фабричных инспекторов на несколько лет совершенно прекращается, а потом начинают появляться издаваемые Отделом Промышленности с громадным опозданием «Своды отчетов фабричных инспекторов», содержащие в себе в рядах голых цифр сведения исключительно о формальной стороне деятельности фабричных инспекторов. Ни малейших данных о положении рабочих, о существующих условиях работы на фабриках и т. п. в отчетах, удостоившихся появления в свет, фабричные инспектора сообщать не были обязаны; все сведения о самом применении закона укладывались в рамки таблиц о замеченных нарушениях и составленных протоколах. Не таковы были, однако, наши первые отчеты, которым не только не суждено было увидеть света, но которые, по-видимому, даже не читались и не просматривались никем в Министерстве.

9-го мая 1895 г. министром финансов С.Ю.Витте была утверждена «программа отчетов чинов фабричной инспекции». Эта программа, насколько мне помнится, нигде не была опубликована и общество едва ли подозревало о ее существовании. Можно думать, что даже инспектора, назначенные после 1896 г., совершенно с нею незнакомы. Стоит привести эту программу для того, чтобы читатель мог судить, что хотело

получить от инспекторов министерство и о чем они могли³³ писать в своих отчетах. Вот основные пункты программы:

I. Сведения о положении различных отраслей промышленности подведомственных фабричному инспектору губернии или участка губернии.

А. Количественное развитие производства.

Б. Качественное развитие производства,

1. Техническая постановка производства.

2. Рабочий персонал и его положение.

3. Сорта и качество перерабатываемого сырья и употребляемого топлива; условия их приобретения.

4. Сорта и качество изготовляемого товара.

5. Стоимость изготовления.

6. Продажная стоимость изделий и условия их сбыта.

7. Условия, полезно и вредно влияющие на развитие производства.

II. Применение и желательные изменения действующих узаконений: 1) о разрешении устройства и надзоре за содержанием промышленных заведений, 2) о найме рабочих и 3) о надзоре за взаимными отношениями фабрикантов и рабочих.

Рассылая инспекторам программу, Департамент Торговли и Мануфактур в препроводительном циркуляре развил подробнее отдельные пункты ее; между прочим, департамент указал, что по вопросу о рабочем персонале следует давать сведения о: 1) составе рабочих, 2) преобладающих сроках найма, 3) размерах заработной платы, 4) жилищах и бюджете рабочих, 5) нравственности и образовании рабочих, 6) гигиене и безопас-

33 Я не говорю «должны были», так как это было бы, как увидит читатель дальше, неверно.

ности рабочих, 7) организации врачебной помощи рабочим, 8) особых на пользу рабочих учреждениях, 9) несчастных случаев с рабочими.

Как видит читатель, программа получалась почти всеобъемлющая; если бы инспектора были в состоянии давать обстоятельные ответы на все вопросы ее, то их отчеты рисовали бы полную картину не только положения рабочих, но и положения всех отраслей промышленности. Выполнения этой задачи полностью трудно было, конечно, ожидать от инспекторов; но если они могли сообщать очень мало сведений, например, о стоимости изготовления изделия и условиях их сбыта, то по вопросу о положении рабочих, при желании их и при известной настойчивости со стороны министерства, они могли бы давать очень богатый материал. К сожалению, министерство в действительности, надо думать, нисколько не интересовалось теми сведениями, которые оно могло получить от инспекторов, и, составляя программу отчетов, Департамент Торговли и Мануфактур совершенно не думал об осуществлении ее. Вскоре после рассылки циркуляра с программой отчетов пашу губернию посетил один из фабричных ревизоров. В беседе с инспекторами, когда зашла речь об отчетах, он прямо и откровенно заявил, что Департамент не рассчитывает получать от инспекторов отчеты по данной программе, что программа составлена только для того, чтобы показать ее Сергею Юльевичу с целью, так сказать, пустить ему пыль в глаза, вот дескать, о чем могут писать у нас инспектора.

Частному заявлению фабричного ревизора я не решился, однако, придать такое значение, чтобы считать себя свободным от обязанности представлять отчеты, требуемые официально Департаментом. Вместе с тем я полагал, что, если Департамент питает мало надежды на получение от инспекторов сведений по предложенной им программе, в виду трудности собирания

этих сведений, то тем более он должен быть доволен, когда получит более или менее обстоятельные данные по затронутым программю вопросам. Мои коллеги рассуждали по этому поводу иначе, по-видимому более трезво и практически, и решили никаких отчетов не писать, так что я не знаю, много ли в конце концов получил Департамент отчетов по программе, торжественно подписанной С.Ю.Витте 9 мая 1895 г. Что касается меня, то я самым добросовестным и аккуратнейшим образом собирал нужные сведения и писал отчеты, по возможности, в пределах установленной программы до тех пор, пока не произошло радикального изменения формы отчетности. Как оказалось впоследствии, вся эта работа была совершенно напрасной тратой времени, — если не считать пользы, полученной от нее лично мною, так как отчетов никто не смотрел.

Такая же участь работы для самоуслаждения постигла и мое специальное исследование состава рабочих, опоминавшееся мною в начале записок. Не решаясь печатать эту работу, как написанную на основании данных, добытых официальным путем, без разрешения начальства, я обратился за разрешением в Департамент. Оттуда получаю предложение прислать работу. Высылаю. Это было в 1899 г. Работа направляется для просмотра окружному инспектору. Через год получаю от окружного письмо, в котором он пишет, что мой «труд принадлежит к числу интересных, добросовестно выполненных и потому представляющих ценность». Проходит еще 2 года. Из Департамента, преобразованного уже в Отдел Промышленности, ни слуху, ни духу. Наконец в 1902 г. получаю известие от того же окружного о том, что моя рукопись, вероятно, попала «в бездонную пучину того разряда дел фабрично-заводского отделения, на обложке коего написано: *«Lascaiate ogni speranza voi chi entrate»*. Я привел этот пример для характеристики отношения наших центральных органов, ведающих рабочий

вопрос, к промышленной статистике и к попыткам самостоятельной работы инспекторов в этой области.

Между тем, если бы министерство действительно интересовалось рабочим вопросом, оно могло бы путем известного поощрения инспекторов, при некотором увеличении общего числа их в целях облегчения их работы, собрать через них громадный материал по всем отделам рабочего вопроса, материал, который из года в год систематически мог бы пополняться. Тогда исчезли бы те явления, которые мы наблюдаем сейчас. Заинтересуется министерство каким-нибудь вопросом фабричной жизни по поводу ли составляемого им самим проекта нового закона или по каким-нибудь иным поводам, глядь, нужных материалов под рукой нет; начинается тогда спешная выработка формы бланков для собирания нужных сведений и рассылка их по инспекторам с требованием немедленного доставления сведений. Инспектора начинают метаться, как угорелые, и, оставив свои текущие дела, гонять по фабрикам или просиживать ночи за письменным столом. Таким путем собирали мы сведения и о рабочем времени, и о медицинской помощи, о производительности фабрик, о личном составе заводовуправлений и пр., и пр. Все это наспех, кое-как, иногда без надлежащей проверки за невозможностью произвести таковую, а главное без всякой связи с другими условиями фабричной жизни и без всякого освещения. Я этим никоим образом не хочу сказать о ненужности или бесполезности анкет по отдельным вопросам, но, по моему мнению, такие анкеты будут иметь надлежащую цену только тогда, когда программа их составлена продуманно, а не наспех, и когда предварительно хорошо изучены все общие условия той среды, в которой производится анкета, а этого-то анкета как раз у нашего министерства и не хватает, благодаря более чем равнодушному отношению его к систематическому, постоянному изучению явлений фабричной жизни и к текущей статистике. Чем нико-

гда не интересовалось министерство, — это заработной платой, санитарным состоянием фабрик, квартирным вопросом для рабочих и вообще всем тем, что пока не входит у нас в область фабричного законодательства.

Считая для себя лишним следить через посредство фабричных инспекторов за состоянием нашей промышленности и положением рабочего класса, министерство ограничило, как я уже говорил, программу годовичных отчетов инспекторов сведениями о формальной стороне их деятельности. Но и в пределах этих сведений программа не оставалась неизменною и из года в год сокращалась, о чем вряд ли, впрочем, приходится жалеть, так как потери от такого сокращения решительно ни для кого не получились. В последнем своем виде отчеты фабричных инспекторов представляют несколько десятков голых цифр по следующим пунктам: I. Число состоявших под надзором инспекции заведений и число рабочих в них. II. Паровые котлы. III. Осмотры и ревизии. IV. Жалобы и ходатайства заведующих. V. Жалобы и просьбы рабочих. VI. Нарушения законов заведующими промышленными заведениями. VII. Протоколы и VIII. Несчастные случаи с рабочими. Какой интерес могут представлять эти цифры почти без всякого пояснительного текста?³⁴

34 Некоторые общие пояснения дают лишь старшие инспектора, суммирующие отчеты участковых инспекторов.

Глава XXIV. Профессиональные организации рабочих. Заключение

О каких-либо организациях рабочих на фабриках моего участка до начала текущего столетия не было и помина. Не только влияние правительственной политики в рабочем вопросе не давало возможности возникновению организаций, но в темной массе рабочих не являлось даже мысли о желательности и необходимости их. Можно думать, что в виду той же невежественности и неподготовленности рабочих их оставляла в покое и социал-демократическая пропаганда. Лишь изредка, обыкновенно в период забастовок, в руках рабочих появлялись прокламации различных с.-д. групп. Конечно, на эти бумажки немедленно начиналась охота со стороны жандармов и полиции, при чем обыкновенно сами рабочие старались поскорее сбить их с рук, передавая своему ближайшему начальству. Тем не менее начинались обыски и дознания, терроризировавшие массу.

В большинстве случаев происхождение преступных листов оставалось невыясненным, но очень часто ставилось в связь с присутствием на фабрике какого-либо мастерового, служившего прежде в Петербурге или Москве. Эти опасные элементы, случайно попадавшие на фабрику, так как обычно фабричная администрация строго следит за тем, чтобы таких лиц не принимать, немедленно изгонялись. Однако даже временное присутствие этих лиц проходило, очевидно, не бесследно. В группах мастеровых, вообще наиболее развитых среди других фабрично-заводских рабочих, благодаря своей специальности и сравнительно обеспеченному материальному положению, все сильнее и сильнее начала проявляться сознательность. Впоследствии мастеровые явились, по-видимому, первыми представителями с.-д. партии среди рабочих N-ского

уезда, а многие из них и организаторами профессиональных союзов.

Первою организацией рабочих явилась «взаимная ссудо-сберегательная касса рабочих и служащих на фабрике Т-ва N.»). Она возникла по почину мастеровых при содействии механика еще в 1900 г. Как показывает самое название, общество это имеет целью дать возможность членам его делать сбережения и помогать им кредитом в случае надобности³⁵. В течение 2-х лет касса действовала неофициально и не имела никакого устава. Из незначительных ежемесячных отчислений рабочих за это время накопился, однако, порядочный капитал, часть которого употреблена была на покупку выигранных билетов. На средства кассы производились также совместные закупки рабочими некоторых харчевых товаров, что приносило им значительную экономию. Деньги хранились у механика. Чувствуя некоторые неудобства при таком нелегальном положении, участники кассы решили наконец выработать устав и просить об его утверждении. За помощью в этом деле они обратились ко мне. Устав был мною выработан совместно с механиком и мастеровыми и отправлен на утверждение через старшего фабричного инспектора.

Между прочим, уставом были предусмотрены выдача безвозвратных пособий из прибылей кассы и право кассы устроить для своих членов библиотеку. Утверждение устава пришлось ждать очень долго: прошло более 2-х лет, прежде чем он

35 Кстати сказать, правительственные сберегательные кассы при фабриках, усиленно пропагандированные Министерством Финансов, между прочим, и при посредстве фабричных инспекторов, не встретили сочувствия ни со стороны фабрикантов, ни со стороны рабочих и нигде в моем участке, — да, кажется и во всей N-ской губернии, — не были открыты.

пришел утвержденным с некоторыми изменениями. Такая канцелярская волокита производила чрезвычайно неблагоприятное для высших властей впечатление на рабочих, которые спрашивались о судьбе устава всякий раз, когда я приезжал на фабрику. Следует заметить, что местная власть, губернатор, относился вполне сочувственно к кассе и никаких задержек в этом деле с своей стороны не делал. Заняв легальное положение, касса правильно и плодотворно функционировала в течение всего моего пребывания в N-ском уезде, хотя число участников ее и мало увеличивалось: при 1500 рабочих фабрики (более половины рабочих — женщины) членов кассы состояло около 100 человек.

На той же фабрике в 1902 г. по инициативе уже менее развитой части рабочих образовалось общество трезвости. Разрешение на открытие общества получено было от епархиального начальства и во главе общества встал священник. Главной целью учредителей было воздержание от выпивки; для этого многие, вступающие в члены, служили молебны и давали клятву не пить; других привлекала в общество жажда просвещения. Каждый член вносил ежегодно один рубль. Фабрика предоставила обществу особое помещение для чайной и читальни; владелец пожертвовал обществу 200 руб., волшебный фонарь и книги, книги были также пожертвованы врачам. Но никаких книг члены общества не видали. Священник разрешил лишь выписать следующие издания: «Свет», «Сельский вестник», «Русское чтение» и «Русский паломник», находя, что этого для рабочих вполне достаточно. Волей-неволей рабочим приходилось довольствоваться этой литературой и проводить время за чайком. По праздникам в чайной устраивались чтения; читали священник, директор фабрики и иногда учитель. Священника каждый раз угощали чаем, на что и тратились главным образом деньги общества. По окончании первого года у общества осталось 90 руб. По постановлению большинства

членов решено было сделать на эти деньги подношения в благодарность священнику, директору и учителю; первым двум поднесены были иконы стоимостью по 17 р. 50 к. каждая, а последнему бокал за 8 руб. Вся эта обстановка резко изменилась только с осени 1905 г. в так называемые «дни свобод»: в библиотеке общества появилась новейшая литература и в стенах чайной начались чуть не ежедневные чтения по экономическим и политическим вопросам.

10 июля 1903 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета об учреждении старост в промышленных предприятиях. Как известно, по этому закону старосты, являясь представителями рабочих, могли учреждаться только по желанию фабричного управления, от которого зависело и утверждение избранных рабочими кандидатов в старосты; кроме того, Губернаторам предоставлялось право устранять избранных старост от должности по своему усмотрению. Однако и этот, почти ничего не дающий рабочим, закон об организациях был встречен фабрикантами весьма несочувственно. Присутствие по фабричным и горнозаводским делам сделало постановление о том, чтобы закон этот был отпечатан в расчетных книжках рабочих. Некоторые, при том наиболее крупные, фабриканты губернии решили по соглашению между собою не исполнять этого постановления Присутствия, находя, что рабочим не следует знать о существовании этого закона; таким образом они сознательно пошли на нарушение ст. 134 Устава о Промышленности, выдавая рабочим расчетные книжки, не соответствующие утвержденному Присутствием образцу, т.е. совершая преступление, караемое довольно тяжело.

В моем участке таких фабрикантов, впрочем, не было и мне лично никого не пришлось привлекать к ответственности за это нарушение. Нечего и говорить, что никто из фабрикантов не пожелал вводить у себя на фабрике старост. Со многими из них мне приходилось говорить и доказывать им, что старо-

сты могут быть полезны в деле предупреждения и улажения различных недоразумений, постоянно имеющих место между администрацией фабрики и рабочими. Фабриканты обыкновенно ссылались на то, что у них рабочие и без всяких старост имеют возможность обращаться к заведующему с своими нуждами и за разъяснением всех недоразумений, при этом каждый из них добавлял, что, если на других фабриках будут введены старосты, тогда и он введет. Действительная причина подобного отношения фабрикантов к закону о старостах — боязнь каких бы то ни было собраний и организаций рабочих. И в этом они были правы. Как ни несовершенен закон о старостах, какой пародией на действительное представительство рабочих ни является институт старост, он все же мог сослужить некоторую службу рабочим в ущерб узко понимаемым интересам фабрикантов; для местных рабочих, совершенно не привыкших ни к какой коллективной деятельности, он мог быть школой, приучающей их хотя бы к внешним формам общественной деятельности: как ни как, закон допускает известные собрания рабочих для обсуждения своих нужд. Эту истинную причину своего недоброжелательства к институту старост фабриканты, однако, тщательно скрывали и на интересном собрании, бывшем в начале 1905 г., выступили с особым объяснением своего отношения к закону 10 июля, задрапировавшись в плащ либерализма. Это собрание, состоявшее из фабрикантов, заведующих и фабричных инспекторов, созвано было губернатором по предложению Министра финансов для обсуждения вопроса о положении рабочих. Промышленники, предводительствуемые одним из крупных фабрикантов моего участка, явились в собрание с особой запиской, в которой отказались от обсуждения предложенных вопросов, находя, что рабочий вопрос правильно может быть решен только тогда, когда введено будет обещанное правительством народное представительство и будет признана свобода союзов.

От применения закона о старостах фабриканты отказались вследствие полного несовершенства этого закона и в виду ожидаемого якобы ими закона о свободе союзов. Насколько искренни были фабриканты, видно из того, что через 2 года после того, когда давно уже применялись правила 4 марта о союзах и обществах, лидер их самым решительным образом противодействовал образованию союза рабочих на своей фабрике и не разрешал им устраивать собраний в имевшемся при спальнях рабочих помещении. И это в то время, когда другие фабриканты, попроще, никаких препятствий союзам рабочих не чинили и отводили при фабриках помещения, в которых устраивались собрания союзов. Свое поведение этот передовой фабрикант объяснял тем, что, по его мнению, профессиональные организации рабочих могут быть допущены только тогда, когда рабочие успокоятся; при современном же возбужденном состоянии умов рабочих, всякие организации их только вредны. Давно знакомый мотив: «сперва успокоение — потом реформы».

Сами рабочие о существовании закона о старостах долгое время, по-видимому, даже не подозревали. Только через год после постановления Присутствия об отпечатании его в расчетных книжках старший инспектор, после прочитанной им в народном доме лекции о законе 2 июня 1903 г. о вознаграждении потерпевших рабочих, получил от рабочих письмо, в котором они благодарят его за прочитанную лекцию и упрекают за то, что скрывается закон о старостах. Под влиянием этого письма старший инспектор провел через Присутствие постановление о том, что закон о старостах должен быть вывешен в фабричных помещениях. Против этого постановления также восстали фабриканты, не помещавшие закона в расчетных книжках, и, не исполняя его, внесли в Присутствие ходатайство об его отмене.

В моем участке, где закон о старостах и в книжках был отпечатан и на стенах вывешен, рабочие впервые заговорили о нем во время забастовки 1905 г., подробно описанной мною выше. Они прямо предъявили инспекции обвинение в том, что она допускает неисполнение этого закона, и стоило большого труда объяснить рабочим, что этот закон есть в сущности не закон, так как никакой обязательной силы для фабрикантов он не имеет, и что, при нежелании владельца учреждать старост, принудить его к этому инспектор не может. На происходивших во время забастовки собраниях фабрикантов я усиленно старался склонить их к введению старост, но фабриканты ответили категорическим отказом, прикрываясь все тою же ссылкой на неудовлетворительность закона, но вместе с тем сознавшись в том, что они боятся вводить старост тотчас после стачки, так как опасаются, что в старосты попадут рабочие, которые являются руководителями стачки и которых они не намерены держать на фабриках.

В настоящее время, вероятно, кажется очень наивным это стремление ввести в жизнь институт старост по закону, который при самом своем появлении за долго до всяких «свобод», никого не мог удовлетворить. Однако самое упорство фабрикантов свидетельствует о том, что этот институт, при отсутствии у рабочих каких бы то ни было организаций, мог сослужить им службу.

Первые организации рабочих в наступившие после 17 октября 1905 г. дни свобод вылились в форме того же института старост, только освобожденного от административной опеки. Тотчас же после издания манифеста 17 октября рабочие одной крупной фабрики, не спрашивая разрешения фабричной администрации, произвели выбор старост, список которых и представили заведующему. Последний, а равно и владельцы фабрики не решились протестовать и признали старост, как законных представителей рабочих. Копию постановления рабочих об

избрании старост заведующий прислал мне для сведения. Староста начали действовать очень энергично; почти каждый день они устраивали собрания, на которых обсуждались нужды рабочих и принимались постановления в виде определенных требований, предъявляемых к администрации фабрики. Постановления эти вписывались в особую книгу, которая передавалась заведующему фабрикою и в которой заведующим давался письменный же ответ на требования рабочих. Ответ подвергался затем обсуждению рабочих в дальнейших собраниях их. (Следует отметить, что никаких политических вопросов рабочими совершенно не затрагивалось). Старосты изображали из себя таким образом лишь роль передаточной инстанции; самостоятельно никаких вопросов они не решали. При таком способе ведения дела некоторые более мелкие нужды рабочих начали получать удовлетворение. Можно было думать, что при спокойном и умеренном образе действий рабочие постепенно добьются и более значительных уступок. Но рабочие погорячившись, сразу предъявили усиленные требования и, не получив удовлетворения, забастовали. Старосты заявляли потом, что они всеми силами отговаривали рабочих от такого рискованного шага, но рабочие их не послушались. Стачка окончилась полною неудачею для рабочих.

После нее старосты еще некоторое время влачили свое существование, но уже в начале января 1906 г., с усилением общей реакции, владелец фабрики категорически потребовал немедленного роспуска всей организации и прекращения всяких собраний рабочих, отобрав от старост их протокольные книги. Все, чего добились рабочие в первое время деятельности старост, было взято у них обратно. Рабочих, бывших старостами, продержали, однако, до Пасхи, после же Пасхи никого из них не приняли, и вообще была произведена генеральная чистка. В настоящее время эта фабрика по составу

рабочих является самой черносотенной в N-ском уезде, вполне под масть ее владельцам.

Кроме этой фабрики, институт старост в зиму 1905-6 г. возникал еще на 2-х крупных фабриках по почину уже заведующих, искренно желавших, чтобы все претензии и желания рабочих прямо и откровенно имя заявлялись. Формальности, которыми обставлены избрание и деятельность старост по закону 10 июля, ни в том, ни в другом случае не соблюдались, следовательно, рабочие ничем не были стеснены в своем выборе. Однако ни на той, ни на другой фабрике практического значения эти организации не получили, как объясняли потом рабочие, — благодаря их недоверию друг к другу и подозрительности, вытекающей из того, что заведующие сами предложили выбрать старост.

В ту же зиму, следовательно, еще до издания правил 4 марта, на некоторых фабриках уезда началось движение в пользу учреждения профессиональных союзов. На 2-х бумагопрядильных фабриках небольшие группы рабочих, вероятно, в известной степени распропагандированных уже социал-демократами, взяли из какой-то газетки устав профессионального союза с громким подзаголовком «один за всех и все за одного» и начали без всякого разбора вербовать в эти союзы рабочих.

Находившиеся в некотором возбужденном состоянии под влиянием всех событий времени, но совершенно не подготовленные, бессознательные, темные рабочие начали быстро записываться в члены союзов и скоро на той и другой фабрике составились списки с целыми сотнями вступивших в союзы членов; никаких членских взносов при этом не бралось. Прошло, однако, немного времени, ни к какой деятельности скороспелые союзы не успели приступить, как те же рабочие, как бы испугавшись чего-то, массой стали требовать от учредителей, чтобы их фамилии вычеркнули из списков; а на одной

фабрике по требованию женщин были даже сожжены самые списки. Так эти союзы и исчезли, не успев зародиться.

Несколько иначе повели дело рабочие третьей фабрики. Они взяли тот же устав, но до известной степени приспособили его к своим требованиям, а затем решили прибегнуть к моему содействию. Случилось это так. Во время моего приезда на фабрику рабочие в полном составе в обеденный перерыв на фабричном дворе, когда я проходил с заведующим, остановили меня и обратились с вопросом о том, имеют ли они право, основываясь на Высочайшем Манифесте 17 октября, учредить союз для защиты своих интересов; при этом они подали устав учреждаемого ими союза, прочитанный тут же при заведующем. Я должен был разъяснить рабочим, что до издания особых правил о союзах, их союз не может иметь официального значения и никто не обязан его признавать, но что, если администрация фабрики согласится признать его, то я в виду Манифеста 17-го октября и соглашаясь с тем, что союз может служить средством к предупреждению забастовок и к мирному улажению недоразумений между администрацией фабрики и рабочими, не нахожу возможным ему противодействовать и готов смотреть на лиц, выбранных в совет союза, как на представителей избравших их рабочих. Заведующий тут же выразил свое согласие и ему был вручен устав Союза. Казалось, дело складывалось к общему благополучию, и я, действительно, видел здесь начало установления правильных, удобных и желательных для обеих сторон отношений между сторонами. Но... проходит 2 недели; ко мне является один из учредителей союза и чрезвычайно возмущенный рассказывает, что вскоре после моего посещения на фабрику несколько раз приезжали становой пристав и жандарм и вызывали по одиночке всех учредителей союза, допрашивая их о том, что за союз они устраивают и что говорил им инспектор. По словам рабочего, эти наезды полиции страшно волнуют всех рабочих.

— И что им надо?! — говорил он. — У нас все было тихо-мирно, и союз мы устраивали для того, чтобы все было по-хорошему, чтобы никаких забастовок и скандалов нам не заводить, а тут, чего доброго, пожалуй, возмутят парод. Уж Вы примите какие-нибудь меры, чтобы оградить нас от полиции!

Что я мог сделать? Я описал всю эту историю старшему инспектору и просил его переговорить с губернатором, чтобы тот несколько сдержал чрезмерную ретивость своих чинов. Не знаю, кто натравил полицию на фабрику; не думаю, что это сделала сама фабричная администрация, как то предполагали рабочие; факт однако тот, что заведующий отказался от своего слова и объявил рабочим, что никакого их союза он знать не хочет. Рабочие, кажется, продолжали свою союзную работу конспиративно.

Правила 4 марта 1906 г. дали наконец рабочим возможность приступить к организации профессиональных обществ на более твердой почве. Первыми в этом деле выступили опять те же прядильные фабрики, но на этот раз организаторы действовали гораздо осторожнее. К лету 1906 г., после усиленной в течение всей предшествовавшей зимы с.-д. пропаганды, на многих фабриках образовались довольно значительные группы так называемых «сознательных» рабочих. Правда, сознательность их могла подлежать большому сомнению, но бесспорно то, что передовая часть рабочих была в это время уже не та, что год или полгода тому назад. Многие успели они за это время прочитать, о многом передумать и, если принимали еще многое на веру от своих учителей, заражаясь от них главным образом партийным духом, и во многом не отдавали себе отчета, то все же, по крайней мере у лучших представителей этой передовой части рабочих, появилась известная дисциплина ума, сказывавшаяся и на их поведении. Эти то «сознательные» рабочие и составили ядро членов профессиональных

союзов как на этих фабриках, так и на других, где образовались союзы.

Присоединение к союзам других рабочих происходило медленно и производилось с некоторою осторожностью. Учредители союзов добивались скорейшего утверждения уставов между прочим для того, чтобы иметь возможность не принять в члены некоторых рабочих, которые, называя себя сознательными и социал-демократами, являлись в сущности хулиганами и скандалистами и тем компрометировали действительно более сознательных рабочих.

Вырабатывая уставы и направляя их для регистрации, учредители союзов обращались ко мне за разъяснениями правил 4 марта и большинство уставов было переслано старшему инспектору через меня; тем не менее первые союзы не были сразу признаны Присутствием, так как в уставах находились какие-нибудь формальные недочеты. При этом какого-либо подозрения в нежелании Присутствия допускать союзы быть не может, так как большинство членов Присутствия безусловно сочувственно относилось к этим организациям рабочих. Но затяжки в регистрации союзов производили на рабочих очень неприятное впечатление, и они склонны были подозревать, что «бюрократия» нарочно тормозит дело.

В течение 1906 г. в уезде начало действовать три союза, в первой половине 1907 г. открылось еще 3. Наибольшее число членов было на первой прядильной фабрике, где через год по открытии действий насчитывалось более 300 членов при 2000 рабочих. Женщины в числе членов считались единицами, по все же были. Активных противодействий союзам владельцы и заведующие фабриками не делали. Напротив, в некоторых случаях фабричная администрация оказывала даже помощь союзам. Так, на первых 3-х фабриках, где возникли союзы, для собраний союзов были предоставлены фабричные помещения и высшими служащими фабрик делались пожертвования на

библиотеки союзов. Это не значит, конечно, что фабриканты сочувствовали профессиональному движению рабочих; много-много, если некоторые из них предпочитали иметь дело с открыто действующими союзами рабочих, чем с подпольными организациями. Вернее же всего, фабриканты мирились с возникающими обществами, как с неизбежным злом и не хотели своим противодействием, которое все равно ни к чему бы не привело, портить свои отношения с рабочими.

Оговариваюсь, что я имею в виду главным образом три фабрики, на которых прежде других возникли союзы; с этими союзами мне больше пришлось иметь дело и ближе видеть отношение к ним владельцев; на других фабриках союзы только что возникали, когда я уже покидал свой участок. Но на одной и из тех фабрик, где имелось, по-видимому, благосклонное отношение к союзам, владелец не задумался с Пасхи 1907 г. уволить несколько человек из числа организаторов союза, притом людей действительно сознательных и серьезных, которые не позволили бы себе никакой безрассудной выходки и могли оказывать только сдерживающее влияние на своих менее сознательных и более ретивых товарищей.

На первых шагах своей деятельности союзы, о которых я говорю, больше противодействия встречали со стороны самих же рабочих, а именно черносотенных элементов в их среде. Таких консервативно настроенных, боящихся всяких организаций и усматривающих в них «крамолу» рабочих на каждой фабрике было достаточно. Частью по непросветному невежеству, частью из желания выслужиться перед фабричною администрацией, наиболее активные из этих элементов старались распускать про союзы разные нелепые толки и подорвать к ним доверие со стороны индифферентной массы рабочих. Чтобы рассеять эти превратные толкования и доказать рабочим, что союз есть вполне легальное учреждение, правление союза на одной фабрике просило даже меня выступ-

пить лектором в устраиваемых им лекциях. Об этих лекциях я скажу ниже, здесь же мне хотелось бы показать читателю, насколько велика, по моим впечатлениям, была действительная сознательность рабочих в эпоху 1906—7 годов. Работавшие в уезде социал-демократы уже в 1906 году считали сознательными почти половину всех фабричных рабочих N-ского уезда, при этом большее число сознательных, по их выводам, приходилось на фабрики, расположенные близ города, а из подгородных фабрик самую сознательную оказывалась фабрика Р. Как раз на этой фабрике летом 1906 г. происходила забастовка. Мне пришлось выступать в качестве посредника при переговорах рабочих с администрацией фабрики. Со стороны рабочих в переговорах участвовал особый «совет рабочих депутатов», во главе которого стоял упоминаемый иною выше действительно серьезный и понимающий рабочий. Но и остальные депутаты, разумеется, должны были представлять лучшие силы рабочих. И вот этому поистине сознательному рабочему приходилось останавливать почти всех ораторов, выступавших на собрании, происходившем в присутствии заведующего и меня, — до такой степени они оказывались непонимающими самых простых вещей. Когда же одним из рабочих был поставлен вопрос о том, что прежде, чем окончательно решать дело, не следует ли спросить мнение остальных рабочих, не участвовавших в собрании, то тот рабочий прямо заявил, что нечего их спрашивать, потому что они ничего не понимают. Такова прославленная социал-демократами сознательность рабочих по отзывам тоже социал-демократа, но хорошо знающего рабочих. В действительности на каждой фабрике можно было найти не больше 2—3 развитых, много читавших, вдумчивых, прекрасно понимающих настоящее положение вещей рабочих, не увлекающихся несбыточными мечтами, действующих всегда сдержанно и корректно; вместе с тем это лучшие, наиболее ценные работники, постоянно трезвые и строго исполняющие

свои обязанности. С ними приятно иметь дело не только фабричному инспектору, но и всякому заведующему. И лишь полная близорукость г.г. фабрикантов позволяет им не дорожить такими людьми. По партийным взглядам среди этой рабочей интеллигенции есть и социал-демократы, есть и конституционалисты-демократы. К этой группе примыкала гораздо более многочисленная группа так называемых сознательных рабочих. Это сплошь социал-демократы. Они прониклись духом классового самосознания, но имеют весьма смутное представление о реальном положении вещей. Некоторые из них будут говорить вам о новозеландском фабричном законодательстве, русских же фабричных законов совсем не знают и перевирают их самым безбожным образом; думали, что через год - через два они завоюют чуть ли не социалистический строй, а между тем на каждом шагу отказывались от своих, законом им предоставленных прав, ограждающих их интересы, даже не замечая этого. Резкие в выражениях, щеголяющие мало понятными им иностранными терминами, безрассудные в своих требованиях, они нередко являлись лодырями в работе, а подчас и злоупотребляющими спиртными напитками. Относиться вполне отрицательно к этой группе рабочих и винить их за их пороки было бы однако не правильно. Они не виноваты в том, что только за год-за два перед тем они раскрыли глаза и взглянули дальше своих станков и убогих каморок, не виноваты и в том, что им достались такие учителя. Кроме того, нужно иметь в виду, что все эти резкости, не это недомыслие и бесшабашность «сознательных» «товарищей» должны были постепенно сглаживаться, и в этом отношении громадную пользу могли бы оказать те же профессиональные союзы, открыто и планомерно действующие, но без той резко боевой окраски, которую им хотели придать российские социал-демократы. Приобретая необходимые знания, развиваясь и вырабатывая в себе общественные и культурные привычки, незрелые

в то время союзники могли мало-помалу, благодаря именно совместной спокойной работе, превратиться в мыслящих и серьезных работников, способных оказывать самое благотворное влияние на темную, инертную или дикую массу остальных рабочих. В деятельности N-ских союзов, направлявшейся по равнодействующей, которая получалась от совместного влияния обеих описанных мною передовых групп рабочих, были некоторые признаки, указывавшие на то, что союзы могут встать на этот единственно правильный путь.

Все союзы начали с того, с чего я следовало начать, с просвещения; все три союза первым долгом завели библиотеки. Правда, библиотеки эти вначале имели специфический характер, содержа в себе почти исключительно социал-демократическую литературу, но очень скоро сами рабочие поняли, что одна эта литература не может дать ответа на все их вопросы, и библиотеки стали пополняться книгами, дающими общее развитие. Точно также правления всех 3-х союзов тотчас же по открытии своих действий озаботились устройством лекций. Правда, и в этом случае лекторами выступали преимущественно с.-д., но далеко не исключительно. На одной фабрике правление 2 раза приглашало читать лекции меня, читал там заведующий фабрикою, читал врач, и по вопросам, не имеющим ничего общего с с.-д. задачами, например, по гигиене.

Для моей первой лекции рабочие сами указали тему — фабричное законодательство. На лекцию собралось человек 300 рабочих, в том числе были и женщины; присутствовал и заведующий. Порядок соблюдался образцовый; все слушали очень внимательно. По окончании лекции, «организованные» или, как они чаще называли сами себя, «огранизованные» рабочие выступили с возражениями, повторяя избитые места с.-д. речей, а рядовые, серые рабочие завалили меня вопросами чисто личного свойства, видя во мне только инспектора, который может им тут же оказать помощь. В общем я вынес

такое впечатление, что аудитория не подготовлена еще к полному пониманию даже того простого и близко касающегося ее вопроса, который являлся предметом моей лекции: способность обобщать явления у большинства рабочих отсутствует и их внимание может останавливаться только на частностях. Лица, стоявшие во главе союза, впрочем, говорили мне потом, что рабочие все поняли из моей лекции и остались ею очень довольны. Еще менее понятно вышла, вероятно, моя вторая лекция, темой для которой я выбрал «производительность труда в зависимости от условий работы», изложив под этим заглавием в самой простой и доступной форме целый отдел политической экономии — о производстве, хотя и на этот раз слушатели, число которых было больше прежнего, были чрезвычайно внимательны. Я не нахожу, однако, бесполезною и эту лекцию. Если мне и не удалось передать в ней рабочим положительных знаний, то во всяком случае она должна была показать им, насколько сложны вопросы жизни и что нельзя решать их сплеча. В иной, гораздо менее приятной обстановке пришлось прочесть мне лекцию на другой фабрике. Здесь союз просил меня прочитать о профессиональных организациях рабочих. Это была первая лекция от союза и по несчастной случайности она пришлась на день полочки рабочими жалования. Слушателей явилось на лекцию немного и, кроме того, некоторые пришли в нетрезвом виде. Благодаря последнему обстоятельству, мне приходилось даже прерывать свое чтение, хотя распорядители и принимали все меры к тому, чтобы порядок не нарушался. Было, однако, несколько человек, которые настолько внимательно слушали, что боялись проронить хотя бы одно слово. В своей лекции я между прочим старался подчеркнуть то обстоятельство, что рабочие союзы за границей только тогда получили силу, когда составили крупные капиталы из членских взносов, при чем указал на размеры существующих за границей взносов. Мои слушатели отнеслись

к этому очень недоверчиво и высказались весьма определенно в том смысле, что они совершенно несклонны делать сколько-нибудь значительные отчисления в союз; при этом говорившие наглядно демонстрировали, что они охотно делают взносы... в казенную винную лавку.

Отрадным явлением в деятельности союзов представлялась попытка их бороться с распущенностью и пьянством рабочих. Как это ни прискорбно, но нужно сознаться, что с началом освободительного движения начало увеличиваться и употребление рабочими спиртных напитков и соединенные с этим буйства и всякие безобразия. Возможно, что это объясняется возбужденным состоянием умов рабочих, их полной неподготовленностью к спокойному восприятию новых идей, а отчасти, может быть, тем обстоятельством, что N-ские рабочие, добившись в это время почти без всяких усилий увеличения заработной платы, чувствовали в кармане лишние (против прежнего) гроши, которыми они первое время еще не умели распорядиться, как следует. Как бы то ни было, фабриканты имели достаточно оснований жаловаться на распущенность рабочих, что они и делали при всяком удобном случае, стараясь слово «товарищ» обратить в синоним «пьяницы». Один союз рабочих решил наблюдать через своих членов за тем, чтобы пьяные рабочие не появлялись по крайней мере внутри фабрики; всякий, замеченный в фабрике в нетрезвом виде, немедленно должен был выставляться самими же рабочими. Этим союз оказывал существенную помощь фабричной администрации, которая своими силами не могла справиться с этим злом. Тот же союз оказался очень полезным фабрике во время холерной эпидемии 1907 г.: союзники приняли на себя наблюдение за чистотой жилых помещений для рабочих и действовали в этом направлении очень энергично. Другой союз начал хлопотать об удалении винной и пивной лавок из ближайшего соседства с фабрикою.

Такие мероприятия союзов могли встречаться администрацией фабрик только сочувственно. Зато заведующие фабриками положительно изводились теми постоянными, почти ежедневными заявлениями и требованиями, с которыми от имени союзов обращались к ним рабочие. Мелочные, придирчивые, часто пустые и вздорные, эти заявления свидетельствовали о нетактичности союзников и производили впечатление, что рабочие просто тешатся своими новыми правами. Но все это так понятно и все это, разумеется, скоро должно было сгладиться.

Полиция первое время относилась к союзам вполне терпимо; все собрания и чтения, устраиваемые союзами, допускались без всяких препятствий и в большинстве случаев чины полиции даже не присутствовали на них. Гонения на союзы начались лишь со второй половины 1907 г., когда я уже оставил N-скую губернию. И скоро от союзов не осталось никаких следов.

Приступая к своим запискам, я поставил своею задачею познакомить читателя с нашим фабричным законодательством, с применением его на практике, с положением рабочих, поскольку оно надлежало моему наблюдению, и с работою фабричного инспектора. Насколько мне удалось справиться с этой задачей, — судить не мне, и я не знаю поэтому, будут ли вполне ясны для читателя те выводы, которые я намерен сделать из всего рассказанного мною и которые сложились у меня под влиянием всего пережитого за время моей службы по фабричной инспекции. Многое в этих выводах не будет новым для всех, кто сколько-нибудь интересовался прежде рабочим вопросом.

Наше фабричное законодательство очень далеко от совершенства, содержит в себе массу неопределенного, недоговоренного и противоречивого, страшно отстало от жизни и нуждается в скорейшем и коренном пересмотре. Созданное в

исключительных целях охраны порядка, оно с положительной помощью рабочим выступает только там, где это совпадает с теми же целями, и только тогда, когда сама жизнь особенно настойчиво выставляет соответствующие требования. И все же отрицать совершенно пользу существующего фабричного законодательства для рабочих — нельзя; не будь его, положение рабочих, — всей массы рабочих, занятых на фабриках и заводах, — при наличных условиях русской жизни было бы, наверное, много хуже.

Применение законодательства также весьма несовершенно; оно может быть полным, — не говоря о необходимости для этого большей степени культурности предпринимательской среды, — только тогда, когда всюду разовьются свободные рабочие организации, т.е. когда сами рабочие будут следить за исполнением закона и перестанут поступаться своими правами. Необходимость профессиональных организаций рабочих в целях вообще улучшения положения рабочих мирными путями и в целях установления правильных отношений между сторонами, — я особенно подчеркиваю.

По поводу положения рабочих я могу повторить лишь то, что было сказано мною прежде: «Море людского горя и беспредельный океан народной темноты!» Здесь нужен свет, прежде всего свет, скорее света, больше света! Не коптящее и чадающее пламя лучины, которое стараются преподнести рабочим известные «радетели парода» и не блестящие, ослепляющие глаза огни трескучих фейерверков, а яркие и теплые, ничем не загораживаемые, ничем не затемняемые лучи солнца.

От оценки деятельности фабричных инспекторов я по весьма понятным причинам уклоняюсь. Не могу, впрочем, не указать на одну сторону в этой деятельности; это — стремление инспекторов проводить в жизнь понятие законности. Как бы ни были несовершенны наши законы, как бы ни разъяснялись они разными циркулярами и ни попирались посторонни-

ми влияниями, сила фабричного инспектора заключается все же в том, что он опирается на почву закона; искренние, нелицемерные ссылки на закон и предпринимателям, и рабочим приходится слышать преимущественно от фабричного инспектора. Поэтому то в последние годы, когда, благодаря господству всяких исключительных положений, закон как бы перестал существовать и неограниченными распорядителями судеб обывателя явились простые и сложные губернаторы, почва закона стала уплывать из-под ног инспектора и положение его сделалось более, чем шатким.

Резюмируя условия деятельности фабричного инспектора, я сказал бы, что, не чувствуя никакой опоры в обществе, инспектор со всех сторон окружен самой неблагоприятной обстановкой. С каким бы искренним доброжелательством он ни относился к рабочим, как бы ни старался в пределах законного и возможного защищать их интересы, доверия к нему с их стороны не будет. Фабрикант, если инспектор остается в пределах закона и не делает ему поблажек, смотрит на инспектора, как на врага. В глазах Министерства Внутренних Дел инспектор непременно будет крамольником, как бы законно он ни действовал, если только он не действует в духе низших агентов полиции и не водит с ними компании, потому что мнение о нем составляется по донесениям именно этих чинов. А непосредственное начальство? От него инспектор, работающий не только за страх, но и за совесть, поддержки не жди. Начальство стремится к тому, чтобы сделать из инспекторов самых заурадных чиновников, людей 20-го числа, без идей и взглядов, думающих не о деле, а о карьере, с девизом «чего изволите».